

АНДРЕЙ ОЗЕРКИН

КОГДА ПРИХОДИТ
ВЕСНА

Андрей Озеркин
Когда приходит Весна

«Автор»

2026

Озеркин А.

Когда приходит Весна / А. Озеркин — «Автор», 2026

Поиск странного артефакта, который ранее считался детской сказкой, случайно впутывает наемницу по имени Весна в расследование тайн массового убийства двадцатилетней давности. Действие разворачивается в мире, слитом из славянской, скандинавской и китайской мифологии после масштабного катаклизма, приведшего к раздроблению суши и превращению планеты в комплекс парящих островов.

© Озеркин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Обитель зла	5
II. Машинист	15
III. Области тьмы	21
IV. Еретик	29
V. Пункт назначения	36
VI. Меланхолия	44
VII. Горько!	51
VIII. Сияние	60
IX. Обязательная серия про горячие источники	67
X. 1408	74
XI. Ост	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Андрей Озеркин

Когда приходит Весна

I. Обитель зла

“Одна ошибка и ты ошибся”

(с) Джейсон Стетем

— Замок на холме? Не стоит туда соваться, дурная молва о нем ходит

— Говорят, девушек туда постоянно в прислугу набирают, да вот только никто из них не возвращался никогда. Куда им двоим столько прислуги?

— Не к добру тамошние дела, не к добру

— Занятно, — тихо проговорила Веснушка, — а что же, никто никогда не ходил посмотреть, что там такого загадочного творится?

— Ходили, — бармен бросил натирать металлическую кружку и сумрачно глянул на девушку, — возвращались, говорили, мол, чудно все, дочки пристроены, радостны, упитаны. Да вот только сами визитеры как пришибленные были и боле своих родных в замке не навещали.

— Маня, дочь местного парового инженера, за два года семье ни единой весточки не отправила, сама не провела, — надув губки сказала местная красавица, — только отец к ней разок сходил, а всегда ведь братиков да сестричек своих больше себя любила.

— Так почему девушки продолжают туда соваться?

— Видите, какое дело, — потупил взгляд дородный мужчина за барной стойкой, — замок-то богатый, владелец — щедрый инвестор, буквально недавно обновил здание школы, а оно одно такое для десяти окрестных островов, — вдруг он грохнул кружкой о стол, — да и враки все это! Лично девчушек оттуда видел, они и еду в лавках для хозяев закупают, и утварь!

— Однако же семьи свои не посещают Загадочное место, — плотоядно улыбнулась Весна, — лучше буду обходить его стороной.

Бросив на прилавок пригоршню рубленых медяков, Весна закинула манаплан на плечо и двинулась на выход. Идти пришлось дворами, через пролесок, чтобы поменьше привлекать внимание местных. Выудив из корсета письмо, она бросила на текст быстрый взгляд:

“Дорогая Весна.

Не думал, что придется еще раз подбирать в письме слова. Знаю, доставил тебе немало хлопот в свое время, но от тех пылких чувств я ныне исцелен. Уж три года как я женат. Дела идут бодро, у меня свое дело. Впрочем, не важно это. Помню я тебя ловкой, умелой и смекалистой. Так уж вышло, что ищу я кое-что ценное, да от дел не вмоготу отвлекаться. Оплату установишь сама по прибытии.

Арден сын Хеймля”

Поместье находилось на возвышенности, откуда его потускневшие витражи свысока взирали на раскинувшуюся в долине деревню. Стекла мерцали фиолетовыми и красными оттенками, отчего на закате каменная махина превращалась в дом ужасов из рассказов о кровососущих демонах. “Какая безвкусица”, — ухмыльнулась Веснушка. Впрочем, это объясняло напряженность местных по отношению к такому соседству. Дом видимо принадлежал прошлой эпохе, а его бывшим владельцем был нелюдимый и до крайности эксцентричный маг. Что действительно было занимательным, буйная растительность, ограждающая строение неухоженными кущами, словно остерегалась коснуться его. Притронувшись к ветвям, загородившим путь, Весна тут же отдернула руку. “Они мертвы”, — настороженно заключила девушка. Из размышлений ее выдернул преувеличенно веселый голос.

— Весна! — хозяин замка светился радушием, — Без проблем добралась?

— Дворами, не хотела попадаться на глаза местным, чтобы не приставали с вопросами.

— Чудесно, — с нажимом ответил Арден, жестом привлекая к себе девушку из темных глубин за массивными дверями поместья, — Рады видеть тебя на пороге нашего скромного жилища.

“Изящное пустословие” — Веснушка окинула взглядом высоту каменного строения и его убранство, и перевела взгляд на хозяйку. Худощавая, среднего роста, облаченная в дорогое, судя по поблескивающим на поясе самоцветам, платье, на левой руке на месте обручального кольца был громоздкий перстень с алым камнем. Ее лицо выглядело совсем юным, округлым, почти детским: пухлые губки, черные как аспид волосы и большие голубые глаза. Как не напрягала Веснушка свою интуицию, в этих глазах не читалось ничего. Пустота.

— Мое почтение, сударыня.

— Это моя жена – София, — голос его подрагивал.

— Рада знакомству, — голос Софии был мягким, обволакивающим как теплый рагнварский ветерок. Но ни следа радости в ее тоне не улавливалось, — Вы подросли как раз к ужину.

Ступая следом за хозяевами, Весна быстро выудила склянку из-за пояса и отпила содержимое. Обеденный зал выглядел богато: стол длиной в двадцать шагов с кроваво-красной скатертью, мягкие, обтянутые тканью стулья вместо привычных лавок с попонами, ковер с длинным ворсом и причудливым узором, напомнивший Веснушке о ее недавнем неудачном опыте с домашней настойкой на грибах в одном из островных пабов, большой камин с резной золоченой решёткой, в котором плясали языки пламени. “Выглядит очень натурально, — заключила Весна, — но огонь, очевидно, магический”.

— Мы используем артефакты, — словно прочитав ее мысли, сказал Арден, — Жена обделена способностями, как и я. Сожжение деревьев ради тепла София считает недостойным.

— Какая трогательная забота о природе, — удивленно сказала Веснушка.

— Мой отец занимался добычей паучьего шелка, — выдохнула София, — я знала немалую цену эксплуатации живых созданий. Деревья тоже живы, стоит лишь прикоснуться, и вы поймете.

Все ее естество выражало возвышенность и просвещенность. Вот только Весна могла прикоснуться и почувствовать. И оттого стена мертвых деревьев перед поместьем вызывала еще больше вопросов. Впрочем, это стоило придержать на потом. Может. это старания Ардена, чтобы женушка не переживала.

— У вас немалые способности к магии равновесия, - откликнулась Веснушка.

— Да, но лишь к ней, — ответил Арден, — не всем дано родиться с богатым набором, — он неопределенно махнул рукой в сторону Весны.

Веснушка натянуто улыбнулась. Любимое занятие слабаков и лентяев - сетовать на превратности родословной. Что могла определять родословная, так это целеустремленность и силу духа. Магия — это труд, бессонные ночи и бесконечное повторение одних и тех же символов и движений в надежде на успех. Немудрено, что среди магов так много безумцев. Ты молод, любопытен, тебе хочется веселья, прогулок под звездным небом и бурного неловкого секса. Но Ковен выбьет из тебя эту дурь. Ты не будешь спать, потому что сон пустая трата времени. Ты не будешь есть, потому что еда пустая трата времени. Ты не будешь жить, потому что запас времени ограничен.

Вокруг стола хлопотала служанка. Одна. Курчавая веснушчатая девчушка, не столь веснушчатая, как сама Веснушка, но все же. Но она была одна, хотя, по словам местных, прислуга в дом набиралась регулярно и при этом никогда не увольнялась. Блюда были скудны по разнообразию, но роскошны по ингредиентам. Мясо, птица, рыба и дорогие крупы. И ни одного овоща.

— Мы столько лет не виделись, — сказал Арден, — вижу, ты в нужде касательно материальных благ, и у меня есть что предложить. Ты ведь не обременена привязанностью к дому и семье, а потому тебя должна заинтересовать столь оторванная от хлопот очага работенка.

Веснушка улыбнулась. Из рта ее давнего не самого хорошего знакомого лилось столько неумело замаскированного яда, что сам Йормунганд бы позавидовал. Все же она его крепко задела, хотя минуло немало времени. Когда-то “старый друг” был немало заинтересован в ней. Пожалуй, даже излишне, про интерес Весны тогда никто не спрашивал. Однако дела то минувших времен. Видимо, скверный характер и старые обиды делали его горячность несколько более взрывной. Да и холодное выражение лица Софии теплело, стоило Весне получить очередную подколку. Примем то за данность.

— Так что же мы топчемся вокруг да около?

Служанка внесла блюда. Стейк, поставленный перед Весной отличался от других — в основном степенью прожарки.

— То, о чем я писал, — он понизил голос, — давно утерянный чертеж “Великого указующего перста”.

Весна поперхнулась мясом. Ее лицо то искривлялось в сардонической улыбке, то в напускном сочувствии.

— В чем дело? В Ковене ведь только о нем и говорили.

— Возможно, — Весна пыталась подобрать слова помягче, — конкретно в твоём окружении и говорили, в моём же все знали, что это старая байка. Подумай сам, легенда об Указующем персте содержит явную мораль и наставления юных магов и не более.

— Занятно, а что за невозможная легенда кроется за этими чертежами? — нежно проговорила София, — разве легенды не основаны на известных фактах, может они и несколько приукрашены, как вы сказали? Моралью и наставлениями.

— Может легенды о целостности мира и имеют логическую подоплеку, но что касается Указующего перста Магический предмет, указывающий на “судьбу”, что бы она не значила, и найти его может лишь “дитя, не знавшее греха”.

— Однако сведения, коими мы обладаем, более точны, — в глазах Ардена блеснул огонь, — не на “судьбу”, а на “сильнейшие порывы сердца”, а что до поиска — с этим тоже проблем не возникнет, есть довольно точные указания, которые

— Которые были добыты магами сведующими и талантливymi, — прервала его София, — и хотелось бы верить, что их и моего мужа общие труды не угаснут в руках адресированного скептика.

Мило и отвратительно элегантно. Особа явно была высоких кровей, раз так умело вставляла шпильки в непринужденной беседе. Хотя и дело ее отца требует немалых вложений. Вряд ли рядовой работяга решил бы заняться добычей паучьего шелка.

— Сидячий образ жизни талантов в теплых гнездах приводит к болезням суставов и геморрою, — отозвалась Весна, — предпочитаю свободу передвижения.

— Не знала, что голод и холод способствуют отменному здоровью, — проворковала хозяйка.

— Голод закаляет дух, а холод тело. Ваш муж, увы, не мог похвастаться во время обучения ни тем, ни другим, потому кроме легенд ему более не о чем поведать.

— Перестань, Весна, — устало ответил Арден, — нет смысла ворошить прошлое. И ты, София, я позвал специалистку ни секунды не сомневаясь в ее компетентности. А что касается Ковена те условия больше походят на захудалый дом для душевнобольных. Я никак не мог отказать себе в банальных приличиях вроде ежедневного туалета. И был не один таков.

— Понимаю, вашей супруге, видимо, тоже пришлось нелегко.

— Я никогда не была в Ковене, — ответила София.

Весна опешила. Не была в Ковене, но имеет способности к магии равновесия? Вздор. Только если Ясно, София, судя по всему, и не имела никакой магии. Просто была, как это сказать помягче, особо просвещенной в живости деревьев. Тогда понятно, как она не заметила умершие растения в такой близости от своего участка. Если бы у Весны было больше времени покопаться в корнях, она попыталась бы отыскать под ними артефакты иллюзий — какая нежная забота со стороны мужа.

— Тогда я для вас лучший источник информации. Выдержала все 12 циклов. Мне еще не исполнилось 16, но лицо мое выглядело старше на 10 солнечных оборотов. Готова поклясться, что не спала ни разу за то время. Правда, — удрученно поджала губы Веснушка, — сестра утверждала, мол, я отключалась каждые три часа минут на 15, замирая в той же позе, в которой и сидела. И я склонна ей верить, потому что с ней приключалось ровно то же самое. И ни я, ни она после не помнили, что засыпали.

— Но я слышала, что там не кормят, — хотя глаза ее были все так же холодны, София изобразила эмоцию сочувствия, глядя на стейк.

— Кормили, конечно, — ответила Весна, вглядываясь во влажный кусочек мяса, наколотый на вилку, — просто пища была подчеркнута простая, чтобы легче переваривалась.

— Точнее, чтобы через 15 минут в желудке от нее ничего не оставалось, — гоняя по стенкам бокала вино, ответил Арден, — мое тело так и не привыкло к таким экзекуциям.

— Если бы меня спросили, — улыбнувшись, отметила Веснушка, — в чем причина твоего провала, я бы ответила, что в недостатке упорства.

София приподняла брови, изобразив удивление:

— Должна заметить, что в упорстве с моим мужем трудно тягаться. Ведь я выбрала его из многих, — проворковала она, — и отнюдь не за малодушие. Так что я искренне не понимаю, о чем речь.

— О, в этом плане он всегда был упорен, — рассмеялась Весна, — так что да, прошу простить, упорства в нем хоть отбавляй, только идет оно не в то русло.

Арден прочистил горло:

— Касательно упорства, — он прервал очередную перепалку щелкнув пальцами несчастной запыханной служанке, — Марта, принеси сундук.

Железный сундучок, укрепленный рунами Уруз, чтобы его нельзя было сломать или вскрыть с применением силы, был не больше ладони. Простой, без украшений, минимум привлекающих внимание деталей. Арден выудил ключ, висящий на шейной цепочке, замок щелкнул. В сундучке ворохом лежали небольшие свертки старой переработанной бумаги, флакон с прозрачной жидкостью и алый кристалл с подпалинами.

— На этих бумагах указания по применению остальных вещей, даже сундук и ключ являются частью головоломки.

Весна выудила один из пергаментов и развернула. Он был пуст. Сдерживая бурлящие эмоции, она медленно перевела взгляд на мужчину и, выдохнув, спросила:

— И что это?

— Указания.

Веснушка пару раз моргнула и снова посмотрела на пустой лист. Арден, усмехнувшись, поднес к бумаге свечу. От тепла огня на бумаге выступили буквы: “На три часа”.

— Небольшая предосторожность, на случай кражи.

— Вынуждена признать, выглядит изящно. Только запах подкачал.

— Сок лука, дешево и сердито.

— И каков алгоритм действий?

— Это мы обсудим завтра.

Весна удивленно приподняла брови.

— Объяснение небыстрое, не хочу, чтобы ты рванула за разгадкой по темноте, — Арден многозначительно кивнул в сторону окна, за которым не видно было ни зги.

— Твоя правда, — ошеломленно сказала Весна, по ее прикидкам прошло не более полу-часа, но от только занимающегося заката осталась лишь густая чернильная тьма.

— Есть еще кое-что, — полушепотом сказала София.

— Конечно, дорогая. Весна, я-то тебе всецело доверяю, но моя жена, семья которой приложила немалые усилия к добыче всех сведений и артефактов, знакома с тобой лишь понаслышке. Поэтому хотелось бы иметь гарантии.

Вот оно, Весна ждала чего-то подобного. Внезапно все любопытство улетучилось, и ей захотелось как можно скорее покинуть это место. В другой ситуации она бы поспорила, но в целом не возражала против пакта, однако множество деталей, которые доступны были ей скорее на уровне интуиции, чем осознанных умозаключений, приводят к выводу, что со встречей пора закругляться. Быстро перебирая в голове варианты побега, она посмотрела на Марту за спинами хозяев. Девушка стояла в оцепенении, уставившись невидящим взглядом в пустоту, казалось, ее веснушки побледнели, даже одежда выглядела блекло, словно из нее высосали краски. Глядя прямо перед собой она легко качнула головой влево и вправо.

— Пакты не терпят спешки, сударь и сударыня, — елейным голоском отозвалась Весна.

— Вот потому я и намерен отложить это обсуждение на завтра, — Арден хлопнул по столу, отчего несчастная Марта вздрогнула всем телом, словно очнувшись, — Но искренне хочу, чтобы перед сном ты призадумалась о несметных материальных и духовных благах, которые принесет тебе эта экспедиция.

Хозяйка махнула служанке, чтобы та показала гостье ее комнату, маска напряжения не сходила с ее лица, делая его жестким и непроницаемым, тем не менее она добродушно пожелала Весне доброй ночи. Поднявшись по витой лестнице на третий этаж, Марта привела гостью в ее комнату — большую, но бедно обставленную. Сама комната находилась в ветхом крыле здания. Пол, потолок и межкомнатные стены здесь были деревянными и только внешняя стена представляла собой голый камень. Неужели комнаты содержались в таком состоянии специально для приема особо приятных гостей?

— Марта, не принесешь ли мне ночной горшок? Иначе я просто заблужусь в этом лабиринте комнат ночью.

Марта послушно кивнула, и уже через минуту вернулась с необходимым атрибутом.

— Скажи, Марта, — Весна глядела в окно, за которым стояла столь непроницаемая тьма, что даже луны на небе не было видно, что-то неестественное виделось в этой тьме, — как тебе живется в поместье?

— Прекрасно, фрекен Весна, — при этом она вновь покачала головой и приложила палец к губам, намекая Веснушке вести себя потише.

Веснушку покорило это обращение — острова были не в столь великой дальности, чтобы обращения столь искажались, но видимо то было желанием хозяйки дома. Сейчас, стоя в метре от Марты, она бы признала ее миловидной. Когда-то. На ее руках была пара язв, волосы тусклые, в колтунах, в углах рта образовались заеды, кожа шелушилась и имела еле уловимый пергаментный оттенок. Свет от магических светильников плясал на ее лице, обнажая впалые щеки и глубоко запавшие глаза.

— Хорошо, — как ни в чем ни бывало улыбнулась Весна, — Можешь идти.

Веснушке казалось, что из-за своего болезненного любопытства и жалости она в кои-то веки угодила в по-настоящему дрянную ситуацию. Казалось бы, поспи, заключи пакт, получи указания и топай на все четыре стороны. Убивать конкретно ее никто не намерен. Она нужна лишь в качестве следопыта, не более того. Если бы не ее пресловутая принципиальность... Арден знал ее как холодного и отстраненного человека — такой она и была в недолгий оборот

солнца, в который им пришлось быть знакомыми, стоило говорить, что знал он тогда совсем не ее? Он думал, что ей будет все равно, но он ошибся.

Веснушка выудила из кармана на спинке рюкзака небольшой фиал и проверила его на свет. Рвотные кристаллы она предпочитала грубым механическим методам. Сухой подсчет и направление в котором отправилась София позволяло предположить, что Веснушка находится чуть ли не в самой отдаленной от хозяев точке дома. Что было ей на руку. Смушала лишь реакция Марты, но может у той просто странный нервный тик? Отсчитав порядочное количество песчинок, она опрокинула содержимое ладони в себя. Перед ужином она выпила другое зелье – останавливающее пищеварение. Так как неизвестно, сколько времени могло пройти от начала трапезы до употребления рвотного средства. За это время яды могли всосаться. Уповать на противоядие, коих существовало огромное множество (а носила Весна с собой не более четырех от самых распространенных классов ядов), сталкиваясь с неуправляемым, возможно, бестиарным ядом, не стоило. А отыгрывать потребление пищи и питья – это детский сад.

Наклонившись над горшком, она постаралась расслабиться и стоически пережить не самый любимый для нее процесс. Но то ли кристаллы были слишком выдержанными, то ли Веснушка плохо рассчитала дозу, но от спазмов у нее скручивало все тело и мучил упорный кашель. Через пару неприлично долгих мгновений все прекратилось. Девушка высморкала попавшую в нос жидкость и взгляделась в содержимое горшка. Покрутив его и так, и эдак, покопавшись в нем и даже вылив в месиво пару реактивов, Весна удрученно заключила, что отравы в еде не было. Однако местами виднелся очень скудный опаловый отлив: вещество было не опасным, но для чего его в таком случае использовали, еще предстояло узнать.

Весна надела очки и переключила режим, глядясь в тьму за окном, при приближении она увидела тонущих в черноте насекомых и мелких ночных зверушек. Их тельца замерли в движении, зависли в воздухе, где чары настигли их. Заклятие было тонким и явно управлялось не артефактом, его границы были не идеально ровными, да и артефакты чаще работают по принципу купола, однако, высунувшись из окна, можно было заметить тонкую полоску ночного неба. Человек при всем желании не смог бы пройти сквозь эту черноту, зазор слишком мал, чтобы рискнуть использовать манаплан. Одно неверное движение — и ты попался. Тьма заменяет сам воздух, проникает глубоко в легкие и заставляет дыхание остановиться. При первых солнечных лучах, когда чары развеются, останется лишь труп. Тонкая работа. Такой искусной магией в доме никто не обладал. Хотя это поспешное предположение.

Исчезновение девушек, “строгая” мясная диета, магия в доме, где никто по заверениям не владеет магией, опаловые пятна в рвоте — зелье сна, безвредное, так как задумано как лекарственное, и последнее — бизнес по производству паучьего шелка.

“Не строй догадки, ищи улики”, — раздраженно проговорило воспоминание о сестре.

Весна отмахнулась, по ее мнению вводных данных было достаточно для обвинения, но ей ой как не хотелось в очередной раз пояснять Призракам причину вызова и ждать, пока они сами найдут все нужные доказательства. Придется выйти наружу.

Попытки не производить лишних звуков не увенчались успехом, здание скулило и трещало от каждого шага по чертовым прогнившим половицам. Прикинув палец к носу, Весна убедилась, что это еще одно предостережение, чтобы гостя даже если бы покинула комнату, оставалась как на ладони. Делать нечего. Внутренне издав скорбный стон, она сложила пальцы в руну Лагуз и, неуклюже вертясь в воздухе, прилагая все мыслимые усилия, побарахталась дальше, но уже беззвучно. Она видела, как с этой руну люди могли элегантно ходить, паря буквально в перстах над землей и не издавая ни звука. Весна же могла только исполнять неуклюжие пассы, время от времени сталкиваясь частями тела с окружением. Размахивая конечностями, она постепенно миновала старую часть здания и отпустила руну, расстелившись на каменном полу. Здесь она могла передвигаться почти бесшумно.

Дойдя обратным путем до столовой, она замерла, вглядываясь в темный дверной проем — за ним стояла неподвижная тень. Руна Кенназ тем не менее не показывала ничего живого в ближайших десяти шагах. Крадучись, Весна обошла залу и приблизилась к дурнопахнущей фигуре. С потолка, поблескивая в свете тусклого магического пламени, тянулись тонкие нити, прямиком к суставам неподвижной фигуры в проеме.

“Мертвец”, — подумала Весна и закатила глаза. Теперь дела однозначно приобретали поворот с душком. Трупным душком. Она все еще могла отпустить эту идею и вернуться назад, но со стороны кухни маняще тянуло затхлостью и нотками разложения.

“Я пожалею, ой как горько пожалею, — вертелся в голове голос разума, ему вторило любопытство, оканчивая фразу. — Пожалею, если не полезу туда”.

Веснушка прошмыгнула мимо фигуры, стараясь не задевать паутинную сеть. Двинулась по коридору в кухню с огромной печью и котлом, словно в зарисовках о ведьмах, что конечно же полная чушь — чего не накидай в котел, получится одно — отравка. Настоящие зелья готовились в сложной паровой системе из колб, колбочек, колбочек поменьше, стеклянных пипеток, и для этого нужно было пять лет обучаться в академии, а потом еще пять ходить в подмастерьях. Поэтому Весна никогда не готовила зелья сама — усидчивости не хватало. А вот кое-кому очевидно хватало — миновав за распахнутой дверью небольшую спиральную лестницу, ведущую в подвал, в свете свечи девушка увидела знакомые растрепанные локоны. Марта с усердием копалась в ветоши, разложенной на полу. Веснушка спустилась с лестницы, под сапогом что-то хрустнуло и хлюпнуло, Марта резко обернулась. Казалось от страха у нее даже губы посинели. Тарашась в сторону темного прохода, она замерла, задержав дыхание. Видимо свет свечи ее слепил, раз она не признала Веснушку буквально в пяти шагах. Веснушка сложила руно Сигел и тоже замерла. Под ногами всюду, где доставали лучи магического света, лежали кости, части тел, одежды — все это было обильно залито подсохшей кровью, под высоким потолком висели коконы, пожалуй, слишком крупные для домашнего паука.

“Вот дерьмо”, — мысленно заключила Весна.

Марта, двигаясь как в замедлении, приблизила палец к губам. Ее лицо и руки выше запястий были в крови и грязи, тонкие космы прилипали к багровым пятнам, на ресницах дрожали капельки слез. Весна решила не спешить с умозаключениями и вновь воспарив в воздух неуклюже подплыла к служанке.

— *Ты что тут забыла?*— еле слышно прошептала она.

Служанка помотала головой, зажав рот грязными руками, она готова была разрыдаться. Веснушка дала ей с полминуты отдышаться и повторила:

— *Что ты тут забыла?*

— *Сестра Кольцо*

“Вот же дура с придурью, — подумала Весна, — копать в трупах чтобы вернуть фамильную драгоценность”.

— *Брось, уходи отсюда, быстро.*

— *Нет,*— просипела Марта, вглядываясь в тряпки.

— *Сматывайся, я сказала, она скоро будет здесь.*

— Какие же вы шумные, ваше дыхание слышно на другом конце дома, я уже молчу про шепот, — София ступала легко, изящно, ее восемь лапок бесшумно перемещались, цепляясь за стены коридора.

Обратилась она не целиком, верхняя часть женского торса, переходила в паучье брюшко с ярким синим рисунком. Обнаженную грудь прикрывали длинные черные волосы. Веснушка с грустью подумала в каком нелепом положении она предстала перед главной злодейкой, задней частью кверху, так сказать. Впрочем, это явно было неплохим эффектом неожиданности, потому как взглянув на нее, София замерла на целых пару секунд, чего было достаточно для прицеливания руной Хагалаз прямиком ей в торс. Паучиха свалилась со стены, Весна же,

кувыркаясь в воздухе, отлетела в противоположном направлении, впечатавшись в стену, грохнулась в груды тряпок. “Физика, беспощадная ты” — подумала Весна, держась за голову.

— Нет! — вскрикнула Марта и бросила в сторону паука свечу, подпалив ворсинки на брюшке и временно сбив ее в курса.

Придя в себя, Весна зажмурилась и вновь сложила руну Сигел, вложив в нее весь максимум имевшихся у нее меридианов, создав яркий слепящий свет, который заполнил все помещение. Стоявшей спиной Марте свет не навредил бы, а вот паучихе от этого пришлось несладко. Взвыв, она закрыла глаза руками. Ослабив свет Весна увидела на ее правой руке перстень с кроваво-красным камнем и решение пришло как по щелчку. Очевидно, что кольцо давало обладательнице паучью силу. Видимо обеспокоенный папаша подарил дитятку открытый где-то в паучьих пещерах артефакт, чтобы красавица в случае чего могла постоять за себя, потому-то превращение было неполным. Будь это проклятием, София обращалась бы в паука целиком, и мозг ее также становился бы паучьим.

Быстро начертав Тиваз, Веснушка сжала ее до точки и выпустила в направлении руки Софии. И попала, попала очень сильно. Кисть Софии разорвало в клочья, заклятье резануло ее по лицу, палец с перстнем отлетел в сторону и София полностью обратилась в огромного косматого паука.

“Вот дерьмо”, — в который раз подумала Весна, натужно соображая.

Брошенная свеча подожгла тряпье на полу, вокруг разгорался пожар, органика коптила коконы на потолке черным тяжелым дымом. “Так вот зачем они каждый праздник Солнцестояния прыгают через костер — это тренировка”, — тупо подумала Весна, не желая критически обмозговывать сложившуюся ситуацию. Прыжками добравшись сквозь быстро разрастающийся огонь до Марты, она ухватила ее за руку, обогнула паука и понеслась наверх по лестнице. В кухне возле котла стоял запыхавшийся Арден. Увидев перепачканных девушек, вывалившихся из подвала, он оттолкнул их и бросился вниз, вопя “София!”. Спускался он недолго и, завидев свою возлюбленную в состоянии, так сказать, целостности, понесся назад, спотыкаясь об обтесанные каменные ступени. Паук поднял над ним мохнатые лапки и заклятие Тиваз просвистело ему точно в брюхо, немного срезав волосы Ардену. Все было кончено.

За окном упала завеса непроглядной тьмы, солнце только начало уходить за горизонт. Весна завела маной механическую стрекозу и сказала ей: “Остров Нахваз, огромный домишко, не пропустишь, дуй сюда со всей командой” — и отпустила ее в окно.

Скривившись, она повернулась на молчащего перед трупом паука Ардена и сказала:

— Может ты пояснишь, какого черта здесь творится, или дождемся опергруппу?

Через пару часов прибыли Ада и Милли, две командующие охотниками со своими командами. Видимо голос у Весны дрожал достаточно, чтобы сестра восприняла ситуацию максимально серьезно.

Целитель Кристер без особого усердия латал мелкие раны шмыгающего носом Ардена. Йоран недовольно следил за свидетелем или соучастником, который после порции успокоительного настоя начал наконец говорить:

— Мы с Софией познакомились шесть, нет, семь лунных циклов назад, ну и через цикл я на ней женился. Ее отец хотел выдать ее замуж как можно скорее, я тогда еще не знал почему, а мне и не надо было знать. Он говорил, что я парень сильный, крепкий.

— Арден, — устало прервала его Ада, расследование могло затянуться, этой ночью им не удастся поспать, — ты сын земляпашца. Это даже смешно. На кой черт ты понадобился владельцам фермы паучьего шелка?

— Я любил ее, — потупив взгляд, ответил Арден, — А любовь... Она...

— Способна разрушить любо-о-ое проклятие, — с издевкой произнесла Милли.

— Да, — тихо ответил Арден, — когда я понял, в чем дело, решил, что моя любовь обязательно ее спасет, это ж не быстрое дело.

— О да, — сказала Ада, — Ты решил дожидаться, пока суженная пожрет ВСЮ деревню и только тогда раскаяться, мол, план не удался?

— Марта, — вдруг вспомнила Весна, — Что за чертово кольцо ты искала?

— Моей сестры, — Марта невидящим взглядом смотрела в окно, крепко сжимая кубок с обжигающим отваром, но словно не замечала боли, — хотела принести его в деревню и все рассказать. Муж ее очень вспыльчивый мужик, быстро бы людей поднял, я изначально из-за нее сюда и устроилась. А потом словно несколько дней в забытии пробыла, — она посмотрела в кубок, — а не так давно отравилась что ли Есть не могла, тогда-то и очнулась, все поняла. После этого ни крошки в рот не брала, не так тут что-то с едой. Потом пробралась в подвал, и нашла ее, точнее то, что от нее осталось. В первый раз не выдержала, убежала, а потом придумала за кольцом сходить.

— Так понимаю, это ваше, — молоденькая охотница, по виду один цикл солнца с выпуска, вышла из подвала и передала простенькое медное колечко Марте.

— Спасибо — сдавленно проговорила Марта, забирая у нее из рук кольцо.

— Неужто во всем доме одна ты осталась?

— Да, — ответила девушка, — если долго есть то, что тут дают, просто умираешь. Так что по сути своей София никого не убивала, просто выжидала. Местная кухарка в помощницах у нее ходила. Не так давно за продуктами отправилась, послезавтра вернуться должна.

— Арден, кухарку выделил отец Софии вам в пользование?

Арден кивнул, глядя в пол. Молодая охотница передала Милли перстень с разорванной руки Софии. Шепнув что-то Марте, она с ней удалилась из столовой.

— Подкоптился слегонца, — задумчиво сказала Милли, разглядывая перстень под увеличительным стеклом, — хорошо ты ее шибанула, Весна. Перстень совсем новый, хоть внешне пытается прикинуться антиквариатом, на камне небольшой скол, печать Милейковского. Стоит задать ему пару вопросов для поиска родителей Софии.

— Хочешь привлечь их к ответственности? — спросила Весна.

— Для начала надо понять, что за проклятие пало на Софию, но благодаря тебе, сестренка, — усмехнулась Ада, — допросить ее мы уже не сможем. Источники проклятий по протоколу запечатываются, все причастные — допрашиваются.

— Ну да, стоило дать ей полакомиться моими вкуснейшими частями, — пробурчала Весна.

— Не выживайся, если бы ты немного пораскинула мозгами, поняла бы назначение перстня. Он был на ней когда вы с ней только встретились?

— Э-э-э? Да, точно был.

— А солнце зашло слишком рано по твоим подсчетам.

— Было такое.

— Это потому, что преобразование Софии привязано к определенному положению светил, дом маскировали чтобы случайный встречный-поперечный не узнал ее тайну, а нагрянувших гостей можно было отправить спать пораньше. Перстень работал, но не в полную силу ввиду повреждения, однако позволял ей сохранить разум и часть облика. Когда треснул перстень, Арден?

— Незадолго до свадьбы, — сказал Арден, — до этого я видел ее по ночам, она была обычной девушкой, отец ее тогда был против наших встреч, а тут заторопился. Он искал способ ее вылечить и передал мне тот сундук, что я показал Весне.

— Сундук? — переспросила Ада.

Юркая молодая охотница уже принесла сундук, изъятый из покоев хозяев, Йоран грубо рванул цепочку с ключом с шеи Ардена. Ада пробежалась взглядом по содержимому сундука и передала его Весне:

— Оно того стоит?

— Понятия не имею, Арден не успел мне пояснить.

— Это инструкция, — бесцветно сказал Арден, — по поиску чертежа “Великого указующего перста”.

— Великого указующего перста?! — воодушевленно переспросила Милли.

— Милли, ты серьезно веришь в эту чушь? — прошипела Ада.

— Это вещи не для простаков, — сказала охотница, — поиском этой штуки был увлечен мой папаша, пока

— Пока не помер от тряски за свои изыскания, — закатила глаза Ада, — Это чушь, Милли, перста не существует, это сказки для деток.

— Отнюдь, — отрезала Милли, — папаша входил в группу по поиску сведений о персте и немало преуспел, но пока изыскания всех ученых не соберут вместе — они бесполезны. Тут полный набор, Арден?

— Наиполнейший, — уныло отвечал Арден, — отец Софии финансировал этот проект на протяжении пятнадцати лет. Всех причастных к нему ну, устроили, чтобы не болтали.

Милли замерла:

— Теперь у меня еще большее желание откопать отца этой паучихи.

— Вот тут я соглашусь, — сказала Ада, — ладно, Весна, папенька нашего командира жизнь на эту штуку положил, найди ее, почти уверена, что отца Софии по прежнему адресу мы вряд ли отыщем, а вот если ты найдешь чертежи, мы можем его выкурить. Йоран, ты и Алва остаётесь здесь, на всякий случай еще раз все обыщите и дождитесь прибытия кухарки, нужно перехватить ее до того, как она сообщит родителю о смерти паука-дочурки. Милли, к Милейковскому можешь пойти только ты, остальным с этим чокнутым общаться противопоказано. Один черт ничего не пойдем, только перебесимся. Весна, а мы с тобой заберем сундучок домой.

— Мы идем домой? — с сомнением переспросила Веснушка, — на кой черт нам делать такой здоровый крюк?

— День рождения мамы.

— О, день рождения мамы...

II. Машинист

“Сон для слабаков”

(с) Народная мудрость

— С днем рождения, матушка! – с порога начала Весна.

— За что ж я тебя такую дуру родила, – проворчала мама Астри, помешивая половником что-то, напоминающее суп.

— Пс-с, Весна, он завтра, – кое-как сдерживая смех, сказала Ада.

— Оу, тебе стоило сказать об этом раньше, – прошипела на сестру Веснушка.

— Ты не спрашивала, – без обиняков ответила Ада.

— Ну, долго вы будете пастись около порога? – мама повернулась к сестрам, широко расставив руки.

Девочки бросились в объятия Астри. Зацеловав каждую из них, она отстранила от себя Весну и критически оглядела ее в области живота.

— Корсет...

— О, мам, хватит! – обессиленно взвывла Веснушка.

— А что? Я не молодею, а внуков понянчить охота.

— Почему ты Аде ничего не говоришь?

— Ада из другого теста.

— Могут с подругой нагулять где-нибудь, – проворчала Весна.

— Без любви оно не то, – строго заключила мать, – и не пеняй на сестру, у нее уважаемая работа, постоянный заработок и право младшенькой.

— Мама, мы близнецы!

— Да, но ты рванула первая. У тебя всегда так было, куда ни плюнь, ты первая, вспомни как отца твоего хоронили. Лучник только стрелу зажег, а ты уже пульнула, да попала тут же, а тебе ведь всего 6 солнечных циклов от роду было, — мама пустилась в воспоминания.

— А мне вот всегда было интересно, — Ада плюхнулась на скамью у обеденного стола и взяла из миски яблоко, – почему Весну ты назвала Весной, а меня Адой, мне сезонов не хватило?

— О, ты бы видела свой взгляд после рождения, в нем буквально было написано “Засунь меня обратно”. Сестра твоя орала, а ты нет, смотрела так, насупленно, аж губы посинели, пока тебя не шлепнули, вот тогда я и поняла, что ты прямиком оттуда, — мама показала пальцем в пол, — твоя сестра кричала громко, но ты орала так, что стены звенели. Бедная повитуха потом еще неделю без слуха ходила.

— Адская красotka, – Весна уюстилась рядом с сестрой и тоже взяла яблоко.

— А ну бросили, нечего перебивать аппетит.

После быстрого обеда — сестры не растягивали прием пици — Ада потащила Весну в свою комнату. Через шторку, выполненную из цветных лент и обточенных водой осколков стекла, пробивались лучи закатного солнца. В комнате Ады все было по-старому. Она не сильно заморачивалась обстановкой комнаты, в шестнадцать она ушла в охотницы, через семь лет дослужилась до командующей. Пять человек в отряде. Причём Ада предпочитала брать в отряд мужчин, молчаливых и исполнительных, для грубой силовой обработки подозреваемых. Ее коллега Милли, наоборот, предпочитала тоненьких девушек высокого происхождения и пытливого ума и делала упор на тщательный осмотр места преступления. Хотя Ада не была лишена острого ума, все же предпочитала ускоренную силовую программу расследования. Весна же была, если так можно сказать, свобододолюбивой и связывать свою жизнь с однообразной деятельностью не планировала. Это било по кошельку, но кормило гордость, с

которой она рассказывала о своих удалых приключениях. Везде, кроме своего же острова. На Рагнваре ее приключенческий дух называли просто — тунеядство.

— Помоги мне покрасить волосы, не хочу, чтобы затылок опять был похож на драную кошку, — Ада вынула из рюкзака баночку с краской.

Ее волосы сильно отросли с прошлого раза. Яркие рыжие пряди она забивала черным красителем, по ее словам, на основе чернил каракатицы. Ада считала, что с черными волосами она выглядит презентабельнее. Ну и хоть чем-то отличается от Весны, что необходимо, когда ты уполномоченное лицо, чтобы не ходили пересуды, мол охотница по лесам как оборванка шляется, да заказы по поиску десяти желтых цветочков выполняет.

Весна откупорила флакон, и вылила жидкость себе на руку. Ада, хлопнула себя по лбу.

— Ты как эту черноту с рук отмывать собираешься, дурашка?

— Со слизью на руках ощущения не те, — ответила Весна, и начала колдовать над волосами сестры, — я б еще себе на лицо намазала, так сказать макияж несмываемый бы навела, авось перестали бы ко мне мужики приставать.

— Боюсь, мужикам оно не помешает, — засмеялась Ада, — ходишь ты в обносках, а будешь еще и чумазая, они точно подумают, что ты за червонец им еще не те услуги окажешь.

— Какой идиот в путешествиях будет выходной костюм напяливать, — пожалала плечами Весна, — просто их завлекает моя несравненная красота.

— Да, несравненная, — хихикнула Ада, — а помнишь, как Арден

— Не сейчас, Ада.

— Нет, ну ты вспомни, как ты от него отделалась? Ах, да, сказала мне передать ему весточку о твоей безвременной кончине от исхудания. Сбежала. Ох, мать тебя тогда выпорола, когда ты раньше положенного из Ковена явилась. Ты потом еще неделю сидеть не могла, помнишь?

Весна набрала побольше чернил и шмякнула об лоб Аде.

— Что ж, справедливо.

— Рада, что ты осознаешь, какая ты завтра потешная на вечере будешь.

— Не в это раз, — Ада достала из рюкзака другой флакон, — я так и знала, что ты вся перепачкаешься, взяла нейтрализатор, вымоешь потом руки.

— Не-а! — категорически отказалась Весна.

После окрашивания они пошли к матери, чтобы помочь с обедом к завтрашнему празднованию. Весна получила мокрым полотенцем по причинному месту, когда черными руками ухватилась за сковороду. Насупившись, она пошла смывать свой творческий порыв. Потом они с Адой до ночи катали тесто, сворачивали его в пирожки и жарили-жарили

Вечером Весна упала на свою кровать и потянулась к сундуку. В комнату вошла сестра и присела рядом на кровать:

— Ты думаешь в этом будет толк? — Ада недоверчиво глядела как сестра прогревает кусочки вторичной бумаги над огнем.

— Не имею ни малейшего понятия, — Весна разложила обрывки перед собой, — я верю в эту глупость не более, чем ты, — она вывалила на кровать флакон и кристалл, — Арден говорил, мол, даже сундук часть загадки. Но это какой-то бред ошалевшего.

К ранее открытым “На три часа” добавились не менее загадочные “Три раза помолись”, “Испей до дна фиал”, “Через кровь”, “С рассвета”, “На север оглянись”, “На шпиль взберись”, “На круг воззрись”, “В путь пустись”.

— Умственно неполноценные загадки в стихах! — простонала Весна, — Арден не успел мне рассказать как эту чертовщину разгадывать.

— Завтра пошлю весточку охотникам, пускай допросят, — задумчиво сказала Ада, — кроме слов на листках ничего нет? Может, есть указания в каком порядке они должны стоять?

Весна осмотрела клочки в магическом свете лампы, но нашла целое ничего.

— Бестолку, я слишком устала, чтобы сейчас над этим ломать голову. Тем более что координат или названия местности в этих обрывках нет.

— А дно-то ненастоящее, — сказала Ада.

Весна выхватила сундук из ее рук. Вдавлив фальшивое дно, она извлекла его и увидела за ним руны. Впрочем, их происхождение ей было неизвестно.

— Тут написано аж черт знает что, с утра схожу в библиотеку, авось найду перевод.

— Ага, — с сомнением сказала Ада, — спокойной ночи, сестра.

— Спокойной, Ада.

Девушка ушла, закрыв за собой дверь. О да, ночь для Весны обещала быть спокойной. Спокойнейшей, если бы не чертова загадка прямо у нее под носом. Она мучалась, пытаясь уснуть, и тут же неизменно обнаруживала себя тарашащейся в стену, мысленно складывающей из обрывков фраз осмысленные предложения. Раздраженно вздохнув, она поднялась, взяла сундук, магический светильник и вылезла в окно. Нет, не было ничего сложного в том, чтобы дожидаться утра и как нормальный человек пойти в библиотеку, которая ночью, конечно же, закрыта. Нет ничего сложного и в том, чтобы наконец поспать, раз уж прошлая ночь была полна приключений сомнительного характера. Ничего сложного, для любого человека на парящих островах кроме Весны. Ее любопытство настойчиво стучало по черепу, разрушая малейшие попытки просто закрыть глаза и уснуть. Весна буквально мечтала о чарке успокоительного настоя, вот только его запасы кончились, лавка зелий была закрыта, а возможности его воздействия на воспаленный мозг Веснушки были не так уж сильны. Ранее она часто баловалась им чтобы не видеть ярких тревожных сновидений, когда была помладше, и теперь его суть ограничивалась приятным вкусом, напоминающим солодку.

Не особо скрываясь, Весна дотопала до библиотеки, присела, поставив возле себя светильник и сундук, и принялась ковырять отмычкой в замке. Провозившись с десять минут, она заключила, что дрожание рук от недосыпа плохо соотносится с тонкой работой домошника. Весна обошла здание кругом и нашла-таки незапертое окно. Забравшись внутрь она разъяренно прорычала, карабкаясь обратно за оставленным у двери сундуком. Наконец, ввалившись в окно библиотеки со всем необходимым, она скинула сундук на первый же попавшийся стул. Взяв один из лежавших там клочков бумаги, она скопировала руны кусочком угля — лежавший неподалеку карандаш она как-то не заметила по сонливой рассеянности — и пошла осматривать книги на предмет совпадений. Блуждая между одинаковых по своему виду полок около часа, она наконец присела, задумчиво пялясь на дно сундука.

— Почему эти руны такие тупые? — ни в одной из осмотренных книг Весна не нашла хоть что-то приблизительно похожее на эти угловатые значки.

Гипнотизируя их взглядом, Весна разлеглась на столе и, незаметно для себя, провалилась в сон.

Ей снились странные нити, соединяющие точки, которые образованы нитями, которые соединяют точки, которые соединяют нити

— Голубушка, что ж вы на твердом спите? Подушечку подложить? — грузный бородатый библиотекарь потряс Весну за плечо, — У меня в столе хранится парочка.

— Который час?! — встрепенулась Весна.

— Да уж к полудню солнышко, — библиотекарь потупил взгляд, — вы простите, я вчера так утомился, что решил не совершать обход, мне показалось, что за весь день сюда и не заходил никто, вот и закрыл Вас тут по случаю, не со злым умыслом.

— А, да, — нашла Весна, — а я уж не знала куда мне деться.

— Могли в окно уйти, я бы не обиделся.

— А я, — Весна спешно искала ответ, — я высоты боюсь.

Библиотекарь выглянул в окно, которое находилось буквально в метре от земли.

— Представляете как страшно даже ходить? Ну да ладно, мне пора, — заторопилась Веснушка, — у матушки день рождения, обыскалась поди.

— Астра-то? Да, обыскалась, на всю деревню обыскалась, — снаружи послышался крик матери, — и сейчас вот обыскивается.

“Вот дерьмо”, — подумала Весна.

— Говорила же тебе, мам, Весна с утра пораньше ушла отгадывать свои загадки, ты же знаешь, что она не способна удержаться, — Ада лукаво подмигнула сестре.

Астра придиричиво оглядела дочь, ненадолго задержавшись на боевом шраме от сна на столе.

— Вот так да, я проснулась в пять утра и не видела тебя выходящей из дому.

— Срезала через окно, — не моргнув глазом соврала Весна.

Мать громко поворчала относительно предпочтений дочери и удалилась в направлении дома.

— Ну что, Вес, — Ада приобняла сестру за плечи, — прямо среди ночи удрала?

— А как же, — зевнула Весна, — у меня внутри все прям чесалось от любопытства.

— Не парься, — засмеялась Ада, — я встала среди ночи и решила тебя проверить — в постели пусто, окно открыто, ну я и пришла к библиотеке проверить. Ты как окно-то открыла? Морж никогда не забывает их закрыть, говорит, книгам климат нужен подходящий, а если ночью дождь пойдет — тью-тью.

— А оно было открыто, да и Морж, сказал мол за день не приходил никто, так что вечерний обход он, как водится, пропустил.

— Ты знаешь его, он весь день за стойкой продрых, откуда ему знать, заходил ли кто, видать запер какого-то беднягу.

— Спасибо бедняге, замок я от усталости вскрыть не смогла.

— Вскрыла бы — мы сейчас чего похлеще бы расхлебывали, чем недовольство матушки.

Из дома послышался сварливый бубнеж Астры про дочерей, которые чем угодно готовы заниматься, только б матери не помогать.

Дальнейшие хлопоты ограничивались вытаскиванием во двор столов и стульев — всех, что были в доме, разносом посуды и угощений для гостей. Около трех дня начали подтягиваться соседи с разнообразными свертками в дар имениннице. Астра причитала, что Хейвар, старый дурень, все в письмах сестры ковыряется, даже на праздник не явился. Дочь его, Алва, не так давно отучилась, мать ее умерла при родах. Как дочь в охотницы ушла, Хейвар совсем чумной стал, ходил, под нос себе что-то бубунил. Весна уселась недалеко от матери, рядом с Иккингом, мелким пацаном, жившим через пару домов от нее. Парень был шумный и чересчур активный, заглядывал в соседние тарелки, будто в них может быть что-то иное, нежели на блюдах на столе. Зато рядом с ним Весна не боялась рассматривать выписанные рунные закорючки на листочке с надписью “Через кровь”.

— Ух ты! — прокричал Иккинг, — Это что у тебя?

— Да так, загадка детская, разгадаешь, отсыплю тебе жмень медяков.

— Врешь, отец говорит, что у тебя за душой ни гроша, и что если я буду себя плохо вести, у меня будет такая жена как ты, ни готовить, ни шить уметь не будет, — пацан потянулся за листком, Весна отдернула его в сторону, — Да ты чего? Я вот считаю что и сам заработаю, а жена интересной должна быть, на одной стряпне да вышивках далеко не уедешь.

Весна приподняла брови и кивнула, передавая мальчишке листок.

— Легкотня, — Иккинг тут же вернул его обратно.

— Да что ты.

— Деньги вперед.

Весна раздраженно фыркнула, залезая в карман внутри корсета.

— Врал батька, стало быть, — сказал мальчик, ковшиком подставляя ладошки под монетки, — закорючки — это созвездия. Гляди, вот единорог, вот голубь, а это — большой пес, в нем самая яркая звезда — Сириус.

— Ты откуда все это знаешь?

Мальчик пожал плечами:

— За дополнительную плату могу рассказать тебе о динозаврах.

Весна серьезно задумалась, мало ли какие еще бесполезные знания могут пригодиться в этой чехарде. Говорила ей старая училка Марфа — Весна может и умная, но совсем не эрудированная. Зато воспевала другого своего ученика, который в свои четырнадцать оборотов только с малышами песочные замки строил и козюльки по стенам размазывал — у того с эрудицией, по мнению Марфы, все в порядке было. Его знания были похожи на звездное небо, с малюсенькими проблесками то тут, то там. Знания Весны напоминали скорее круги на воде, быстро расширяющиеся, быстро исчезающие, но если опять понадобится — просто закинь камешек. Весна истинно ценила поток только прикладных знаний. Созвездия в этот список не входили, динозавры, впрочем, тоже. Понадеявшись, что ученые, искавшие Указующий перст, были скорее претенциозны, чем придурковаты, она отказалась от предложенной информации.

Весна предприняла не меньше трех попыток побега, но мама строго бдила, и даже отвлекающие танцы с бубном Ады ее не обманули. Кое-как усидев на месте до скончания праздника, Весна подскочила и потянула за собой сестру, слыша вслед громкие причитания Астры по поводу того какое место и чем будет бито по возвращении сестер. Вбежав в библиотеку, она остановилась у полки с книгами по астрономии.

— Ты что-то поняла? — воодушевленно спросила Ада, — я заметила как уже через полчаса от начала праздника твои глаза потеряли всякий фокус на нашем плане бытия, а потом ты начала так забавно ёрзать...

— Не я, Иккинг.

— Да брось, — сказала Ада, — Неужели они зашифровали указания, не говори мне, я сама, в созвездиях?

Весна драматично кивнула. Ада покатила со смеху:

— Нет, если бы эти указания составляли дети вроде Иккинга, я бы не удивилась, но это же взрослые ученые мужи!

— Мне кажется мы слишком придирчиво и по-взрослому подошли к вопросу. Надо мыслить проще.

— Хотя если так подумать, то это по-своему гениально. Нормальный взрослый человек, не астроном, голову бы сломал, пытаясь понять эти закорючки. Я надеюсь, что из них не составлено, например, слово.

— Сейчас мы это и узнаем.

Они открыли большой атлас созвездий и, удобно устроившись на неудобных стульях, склонились над ним. Атлас был очень старый и принадлежал прошлым временам, его лакированные страницы почти выцвели, но пока еще были читаемы. Всем это было настолько малоинтересно, что никто и не подумал переписать и перерисовать информацию из него. Провозившись с ним около получаса, они наконец нашли все интересовавшие из созвездия.

— Итого у нас Единорог, Большой Пес, Возничий, Близнецы, Заяц, Голубь, Жираф и Живописец.

— Маловато гласных для адекватного слова.

— Но что-то же их должно объединять? — Ада сумрачно глядела на выписанные названия напротив закорючек на уже нормальном чистом листе, — Вот что, Милли до того как попасть в охотники училась в Восточной академии.

— Да, там же где чокнутый Милейковский, черт бы его побрал.

— Именно, я сообщу Милли о том, что тебе нужно посетить академию в Восточных вратах, она тебя проводит, заодно зайдете к старику.

— Вот...

— Дерьмо. Да, прости, мне не жаль.

III. Области тьмы

*«Безумие — лишь последствия излишней
пытливости ума, перепутался чулка»*

(с) А.О.

Восточные врата были на памяти Весны одним из самых огромных парящих островов. Тут кипела жизнь. Улицы были вымощены тротуарной плиткой, местные ходили в развевающихся на ветру нарядах из тонких легких тканей, переливающихся на солнце, словно драгоценные камни. Даже дома понизу были облицованы кипельно белым камнем, переходящим в хороший, бежевого оттенка обожженный кирпич. Витражи на окнах были в основном в морской тематике, сияя бирюзовыми и голубыми оттенками. Вдалеке виднелось массивное здание из белого камня на отвесном утесе, а под ним из скалы вырастал некий черный объект.

Сколько же всего чудесного и интересного было на этом острове, но стоило им свернуть манапланы, как Милли, конечно же, первым делом потащила Весну к Милейковскому, будто могло бы быть иначе. Она только и успела прихватить в магазинчике пару зелий взамен использованных в особняке Паучихи.

Признаться, Весне тоже хотелось разделаться с этим чудом поскорее, а не откладывать его на сладенькое. Милли, светловолосая девчушка ростом от горшка два вершка, несмотря на почтенный возраст в двадцать восемь оборотов солнца, чаще принималась окружающими за ребенка, стащившего матушкину форму охотницы. Да, очень многие так думали, до того как Милли открывала рот. Поэтому там, где требовались переговоры, она держала его закрытым, искривленным в сардонической улыбке, которую многие окружающие ошибочно воспринимали как ангельскую, которую дополняли выпученные от сдерживаемой злости большие зеленые глаза. Ее муж, банковский клерк, до сих пор точно не знает, стоит ли причислять себя к любителям излишне юных дев, но в его защиту можно сказать, что он долго избегал Милли, думая, что деточка просто зашла в банк вместе с мамой по работе. В очередной раз, когда он мило потрепал ее по голове, спросив не дать ли ей переработанной бумаги и восковых мелков, Милли взорвалась, покрыла его трехэтажным матом и взяла под стражу на трое суток за оскорбление представителя исполнительного органа власти. Тогда-то он и осознал, и влюбился, и мало ли что еще сделает мужчина, желающий поскорее выйти из темницы.

Милли дважды была матерью и не так давно вернулась из очередного отпуска по уходу за ребенком, оставив хлопоты на мужа. Она сторала от нетерпения, чуть ли не вприпрыжку идя в сторону артефактной лавки старого безумного хрыча. Такое поведение разрушало ореол солидности, но даже умиляющие взгляды прохожих, не будоражили ее сильнее, чем наконец подвернувшийся след убийцы отца.

— Милли, а сколько тебе было, когда твой отец пропал? — спросила Весна, пытаясь направить ее бушующие мысли о мести наружу.

— Двадцать три, — ответила Милли, — хоть это и не сильно помогло, на протяжении пятнадцати лет поисков он присутствовал в моей жизни не более, чем сейчас. Внука видел лишь на фото, внуку — не застал. В общем, когда мне было восемь, мы жили вместе в последний раз, в остальном виделись нечасто. До двадцати я училась в академии, думала отправиться с ним в экспедицию, а потом...

— Что потом?

— А потом будет когда ты обменяешь ценную информацию на не менее ценную информацию, — плотоядно улыбнулась Милли, — ты знаешь, Ада не стремится рассказывать о своей жизни до вступления в охотники, да и теми сведениями делится, потому что все и так о них в курсе. Какой она была? Вы всегда были так дружны?

— Нет, — посерьезнев ответила Весна, — в детстве она была сушей катастрофой. Зря мать ее Адой назвала. Она постоянно меня пугала. Мне казалось у нее нет ни страха, ни отвращения, ни любви. Насчет последнего я оказалась права. Она задирала меня и колотила по малейшему поводу, не умела сдерживать гнев. С десяти околачивалась со старшими, в тайне от матери пила брагу, а после того, как мать ее спалила, прикинулась мной. И понеслась.

— Боже мой, — округлила глаза Милли, — но почему она была с тобой так жестока?

— Этот дефект она переросла к поступлению в Ковен, сказала, что внимательно наблюдала за мной, за тем, как я реагирую на вещи и подстраивалась. Видишь ли, сестра моя лишена внутреннего компаса чувств, что своих, что людей. Она не любит в обычном смысле, просто не хочет, чтобы я умерла или пострадала. Это высшее проявление любви, что она способна дать. В детстве ей казалось, что то, что интересно ей, будет интересно и мне, и не понимала, что со мной, когда я кричала и плакала. Потом ей начало доставлять это удовольствие. После смерти отца, она выстрелила в плот, на котором его хоронили, раньше лучника. Мать до сих пор думает, что это была я. В то время я пряталась под кроватью, обливаясь слезами. Так же она считает, что это я пугала сестру, тут она тоже горазда была приврать. Когда мы поступили в Ковен, я думала, что чокнусь окончательно, но тут она решила со мной переговорить. Сказала, что не понимает, что я чувствую, но хорошо знает, что мне неприятно и больше этим пользоваться не намерена. Испытания в Ковене заставили ее иначе взглянуть на то, что она делала. Она почувствовала, что в этом холодном месте только я — все еще ее семья, и даже когда ее скрутило от боли и жара, это я прервала обучение и обтирала ее холодной водой.

— Но матери она решила всю правду не говорить?

— Я решила, — отрезала Весна, — она натворила много глупостей, с таким послужным списком ее ни за что бы не приняли в охотницы, и я ее заменила. Мама думала, что я потрясающая актриса, злющая в своих деяниях и драматично рыдающая, когда приходится получать за свои проступки. Ты не подумай, — сказала Веснушка, глядя на напряженное лицо Милли, — Ада была против моего шага, пусть чувство стыда ей неведомо, но она была в крайнем смятении. Мне же было все равно, я собиралась стать путешествующей наемницей, выполняющей мелкие поручения, но благодаря слухам о крайней безбашенности, мне попадались заказы куда более интересные, чем те, на которые могла бы рассчитывать чистая и кроткая Весна. А Ада поступила в охотницы и осталась чуткой и доброй младшей сестрой.

— На работе ее такой не назовешь, — вдруг сложила всю картинку Милли.

— Именно, — подтвердила Весна, — и не распространяйся ей о нашем разговоре. Она считает, что если хоть кто-нибудь узнает о ее прошлом, это может сильно спутать ей карты.

— Сомнительно, если посмотреть на послужной список остальных оперативников.

— Да, но она не может осознать границу между оттенками отношений. Для нее есть хорошо и плохо, и она их различает в зависимости от того, как я это называла. Так почему ты ушла из академии?

— Тогда я осознала, что всю жизнь неслась за идиотом, которому до меня не было дела, — раздраженно ответила охотница, — впрочем, это не значит, что его убийство сойдет кому-то с рук. Я поняла это только когда стала матерью. Даже если я далеко от своих детей, я их люблю, просто так нужно. И однажды они тоже поймут, хоть сейчас и тонут в слезах, когда я покидаю дом.

— Маркус справляется с воспитанием?

— Еще бы, даже лучше меня, — засмеялась Милли, — решил, как мелкая подрастет, устроиться в школу математиком — и с детьми будет, и при деле. Я пока не готова обменять службу на тихую жизнь. Хотя, посмотрим, как пойдет дело.

Они остановились около покосившейся вывески «Артефактория Милейковского». Чертов старик даже на покраску не готов раскошелиться. Несмотря на немалый заработок — ведь за пределами безумия он все же был уникальным мастером артефактов — ходили слухи, что

все деньги он сливает в некую секту. Здание артефактории было из старых металлических листов, по-видимому, безвозмездно позаимствованных со свалки после списания очередной водонапорной башни. Так умел только Милейковский, даже под палящим солнцем Восточных Врат он был готов, несмотря на жару, жить в чертовой консервной банке. Да, арендовать мастерскую или магазин он тоже считал излишеством и жил тут же на втором этаже, чтобы и делу время посвятить, и редкого клиента не упустить.

— Дед, ты здесь? — прокричала в темноту холла Милли.

— Он твой дед? — ошарашенно спросила Весна.

— Двоюродный, — улыбнулась Милли.

На лестнице послышалась возня и куча костей, обтянутых кожей, кряхтя потряслась по ступеням. Возраст Милейковского был в промежутке от 80 оборотов и до бесконечности. Говорят, документы о его рождении были утеряны безвозвратно и никто точно не знал, сколько старому лет. Стуча сучковатой палкой о металлический пол, он почти вплотную подошел к девушкам и воззрился на них. За толстыми очками блеснул огонек узнавания:

— Мила!

— Милли, — поправила охотница, — бабушка, мы к тебе по делу.

— По какому такому делу? Заказ что ли сделать желаете? — пахнул он дыханием сомнительной свежести в сторону Весны, отчего у той заслезилась глаза.

— Не совсем, — Милли словно бы празднично покачала у лица рукой, отгоняя ароматы, — по делу государственной важности. Мы представляем Бюро охотников.

— Чертовы легавые, на фарш бы всех пустил, — заскрипел старик.

— Бабушка, я вообще-то — Милли оставила попытку в который раз напомнить о своей работе и прочистила горло, — в общем, помнишь сына своего брата Парнаса? Мирослава?

— Это плюгавый такой? А разве ж он не сгинул? — дед продуктивно почесал шелушащуюся кожу на затылке, — говорил я ему, надо Светоносной Церкви Дажьбога блага в дар носить, а он? Тьфу! Потому и сгинул. С братцем моим в одном направлении. А старый Васька жив-живехонек, он секреты мироздания познал

Полилась моча по трубам. Милейковский проводил девушек в дверь за стойкой, которая вела в крохотную кухоньку, увешанную рыжими гербами с четырьмя желтыми ромбами, от которых отходили лучи коловрата. Он приказал Милли заваривать чай, постоянно повторяя, что коли она член его неразумной семейки, хоть она должна проявить остроту ума и обратиться к вере, пока не стало слишком поздно. Поздно для чего он, стало быть, не поведал, только загадочно покосился в потолок, продолжая лепетать о сущности бытия. Весна сидела, натянув вежливую улыбку и дышала через раз, понимая, что чем больше дед балакает, тем больше у них шансов выведать нужную им информацию. Сварливый чурбан, коли его не слушать, а задавать нужные слушателю вопросы, идущие вразрез с основной канвой повествования, быстро свирепеет и выпроваживает невежливых гостей все той же сучковатой палкой, которая при нем находится скорее как оружие самообороны, нежели помощь в передвижении. В общем, Весна и Милли просто дожидались когда речь совершенно случайно зайдет например о пауках, или о перстнях, или о красном цвете, на худой конец.

Вечерело, а нужной темы все никак не возникало. Тут старик оторвался от космических чаяний и воззрился на Весну.

— Что-то не так? — с опаской спросила она.

— Да вот смотрю, очки на тебе, уж не моего ли производства?

— Да, верно, — усиленно закивала Весна, вот оно, — они принадлежали моему отцу, и не только они.

Милли со скоростью броска кобры выложила на стол перстень. Милейковский уставился на него, взял, покрутил в худых длинных пальцах, похмыкал. Весна молилась всем известным

богам, даже Дажьбогу на худой конец, только бы дед не похоронил воспоминания о паучьем артефакте за давностью лет.

— Давно это было, сколько уж — он пошамкал беззубыми челюстями, — 20 оборотов уж минуло, даже спрашивать не хочу, с кого вы его сняли, и так знаю.

— Отец Софии не мог быть так глуп, чтобы сообщить тебе обо всем.

— Нет, конечно, — махнул рукой дед, — Вот только он был настолько глуп, чтобы подумать, что я это не выясню. Но опять же, то, что мое, я вам раскрывать не обязан.

— И не надо, — Милли вытаращила на Весну глаза, — в чем была суть артефакта?

— О, это хитрая штуковина! — Милейковский пустился в пространные рассуждения о системе работы артефакта, — пусть с виду это естественный звездчатый рубин, но посмотрите на этот узор, он замаскирован под эффект астеризма, в центре основной узел, от него отходят пять проводников, а вот этот скололся, причем относительно недавно. Сам артефакт вполне рабочий, сдержит даже сильное бестиарное проклятие, но с этим повреждением работает несколько неисправно. Впрочем, работает и разум носителя сохранить способен даже в трансформации. Внешняя форма, скорее всего, подкачает, где-то в задней части субъекта.

— Никто не обращался к тебе за починкой этого артефакта? — спросила Милли.

— Никто, — отрезал дед, — слишком много «но», во-первых, на починку нужно не менее недели, за которую носитель натворит немало делов, во-вторых, не факт, что починка сработает, на новый артефакт понадобится с месяц.

— А кто-нибудь заказывал новый артефакт за последнее время?

— Их много кто заказывает, — махнул рукой Милейковский, — но этот обойдется неприлично дорого, слишком сложные лучи, у меня сейчас даже материала на такое не найдется, когда был помоложе, мог позволить себе скакать по лесам в поисках единорогов, а сейчас уже не тот стал, значит, придется делегировать, а чем больше в таких делах принимающих участие, тем выше шанс утечки информации.

— Но кто тогда двадцать лет назад заказал этот? — не выдержала Милли.

— Кто-кто А? Что? — в глазах деда погасла мысль, он внезапно воззрился на внучку, — я уже говорил тебе о Светоносной Церкви Дажьбога? Помните, только вера раскроет глаза на великие тайны бытия!

— О, спасибо, Милейковский, мы тот час туда отправимся. Милли, пойдем.

Несмотря на то, что Милли вся горела от нетерпения, она сгребла со стола перстень и насупленно потопала к выходу. Весна в качестве благодарности оставила деду мешочек пыльцы с рога единорога. Тот бегло осмотрел ее очки, покрутил так и эдак и удовлетворенно вернул их владельце.

На улице уже Милли, шипя, обратилась к Весне:

— Чертов выживший из ума старик, я думала мы бегом узнаем у него всю информацию о заказчике и пойдем дальше.

— Милли, давай на секунду представим, что твоего отца никто не убивал и мы просто ищем имя заказчика артефакта.

Милли насупилась:

— О, черт, не говори, что мы и правда пойдем туда.

— Только вера раскроет глаза на великие тайны бытия.

Милли решено было замаскировать под нерадивую дочурку. Так ее форма охотницы не отпугнет потенциальных распространителей веры, да и вдобавок будет меньше недопонимания со стороны обывателей. Весна замоталась в тройку длинных газовых шарфов на манер бесформенного одеяния, напоминающего платье и повязала на летные очки косынку. Далее они около часа слонялись туда-сюда по полупустым подворотням, громко жалуясь на свою судьбу:

— Я больше никогда не увижу папу? — тоненьким голоском канючила Милли.

— Боюсь, нет, бусинка, папа не верует в Дажьбога, лишь под его ликом мы едины, не сейчас, так в смерти мы бы с ним расстались, — устало отвечала ей Весна, — лучше и не привыкать.

— Вы в нужде, сударыни? — обратился к ним щупловатый мужичок, алчно поглядывающий на рюкзак Весны, на который они с Милли навешали всяких побрякушек для привлечения внимания.

Милли картинно спряталась за спиной «мамы», испуганно поглядывая на мужичка.

— Простите нас, мы не хотели никого тревожить, мы лучше пойдем, — сказала Весна, хватая за руку свою дочурку.

— Ох, не пугайтесь, я из церкви, там для вас найдется и кров и еда.

— Простите, дорогой, у нас одна лишь вера — в спасителя нашего Дажьбога, другой веры нам и не нужно.

— Так я потому вас и приглашаю, — заговорщицки подмигнув, он отогнул лацкан старенького пиджака и показал яркую оранжевую нашивку.

— Ты услышал наши молитвы! — в религиозном экстазе возопила Весна, падая на колени.

Они с полчаса шли не самым простым маршрутом, в итоге вышли к задней двери некоего питейного заведения, вовсе не мрачного и настораживающего, как могло бы показаться, а вполне чистого и светлого. Там провожатый повел их закоулками здания в подвал, где их поджидали еще трое.

— Сдавайте свои вещички, — присипел головорез в темном углу.

— Ох и убудская была идея, — отозвалась Милли басовитым голосом, — Мамочка, нас кажется надули.

— Надули — эхом отозвалась Весна, складывая пальцы в руну Хагалаз.

Несчастных троих мародеров отбросило в неотесанные камни, которыми было выложено подвальное помещение. Милли накинула магическое лассо из кольца на руке на шею мужичка, который притащил их в подвал.

— Какого черта? Вы кто такие?! — хватаясь за удавку выдавил мужик.

— Здесь мы задаем вопросы, — Милли с силой натянула лассо на себя и мужик упал лицом в пол, — где ты украл символ Дажьбога?

— Да не крал я! — плаксиво лепетал мужик, пока его приятели у дальней стены потихоньку приходили в себя. — Он его сам выкинул, пиджак почти новый был, а он его на помойку, буржуй чертов.

— Seriously, Весна, — ехидно спросила Милли, — Милейковский якшается с оборванцами из подворотней? Что-то мне подсказывает, что мы не с того слоя общества начали.

— Меньше слов, Милли, еще час назад ты не возражала против моего плана, — фыркнула Весна, — надо уходить, еще раз мы преимуществом внезапности не воспользуемся, маловато нас против этих бугаев.

Быстро убравшись из не приметного кабака на широкую главную улицу, Весна сорвала с себя бесформенное одеяние:

— Что за черт, и где нам этих искать? Не бродят же они по улицам с символами на груди, это же тайное общество.

— Тайное общество, членство в котором вполне нечто престижное, так как указывает на богатство — Милли с напускной задумчивостью вытянула губы и щелкнула пальцами. — Я знаю, куда стоит наведаться.

Солнце почти село, когда они дошли до края улицы, на котором располагался отель с пафосным названием «Золотая скала» с мраморными колоннами. Он стоял на краю утеса, за которым шумело море Восточных врат.

— Прости, Милли, — нервно сглотнула Весна, — не думаю, что у меня хватит средств на это роскошество.

— Брось, — засмеялась охотница, — я дам тебе займы, вернешь, как получишь плату за поиска перста.

— Ты хочешь, чтобы я отдала папаше Софии «Указующий перст»? — вытаращила глаза Весна.

— Ненадолго, — ухмыльнулась Милли, — только на время получения оплаты, а там уж я выпрыгну на него как черт из табакерки. Тебе-то за твои лишения оплата от государства не полагается.

— Твоя правда.

Они двинулись по аллее, усеянной белоснежной галькой, с мраморными арками, увитыми декоративным плющом. Дорожка, окруженная кустами с яркими крупными цветами, источавшими еле уловимый сладкий аромат, привела их к резным дверям, которые услужливо открыл перед ними мальчонка в красных одеждах. Он низко поклонился, получив серебряный от Милли. Весну передернуло — целый серебряный за открытую дверь, ох, и не тем она в жизни заняться решила, не тем.

Каменный пол в холле блестел, отражая огни огромной хрустальной люстры. Они подошли к стойке, где им приветливо улыбнулась девушка:

— Добро пожаловать в «Золотую скалу», надеюсь, вы добрались к нам без проблем. Желаете сначала отужинать или приобрести комнату?

Живот Весны глухо заурчал. Милли улыбнулась:

— Сначала комнату. Мы предпочли бы переодеться и принять ванну, чтобы не смущать своей пыльной *дорожной* одеждой постояльцев.

— Сию минуту! — отозвалась девушка, она быстро вписала имя в книгу, ухватила ключик и попросила девушек проследовать за ней.

Миловидный мальчик в красной форме взялся за рюкзак и манаплан Весны, в которые та по привычке впиалась мертвой хваткой.

— Весна, отпусти, — тихо сказала Милли, — он хочет принести все это в наш номер.

— За еще один серебряный?! — в ужасе спросила Весна, мысленно подсчитывая медленно растущий долг, стоимость комнаты в котором еще не была озвучена.

Милли раздраженно дернула ее за руку и Весна повиновалась. Пока они вальяжно шли к комнате, Веснушка спросила:

— Милли, как это так, они же даже имени не спросили, у них что, досье на весь континент имеется? Да и выглядим мы, как бы помягче гротескно для этого местечка. И никому в голову ничего не закралось?

— Миллисандра Милейковская, — произнесла девушка, в легком поклоне провожая гостей в номер, — мы так счастливы вновь видеть Вас. Ваши любимые апартаменты держат строго под Ваш визит.

— Спасибо, Злата.

Когда тяжелая дверь из массива дуба укрыла их от посторонних, Весна возмущенно открыла рот. А потом закрыла. И опять открыла не в силах подобрать слова.

— Весна, мой двоюродный дед — великий артефактор, отец — редкого ума исследователь, а муж — банкир, по хобби, нежели по нужде, — выдохнула Милли, — конечно, мы богаты, и про то, что все это я предоставляю тебе в долг — не более чем шутка, а теперь захлопни рот и пошли искупаемся, от нас после артефактории несет за версту.

Милли заставила Весну снять свои любимые потертые штаны, корсет и выгоревшую на солнце блузу. После ванной с розовым маслом, укутала ее в купленные не так давно шали и задрапировала их на манер здешней моды. Сама она распахнула дверцы шкафа и придирчиво осмотрела свои наряды. Учитывая, что номер фактически был куплен ее семьей, она не считала необходимым освобождать его от своих вещей. «Что толку вечно таскать их туда-сюда», — проворчала она. Весна как ни пыталась, не могла смириться с таким неслыханным богатством,

однако получила от Милли довольно простой приказ: прикинуться богачкой Агнес. Получив вполне осязаемую роль, она несколько успокоилась, решив воспринять все происходящее как небольшое представление. Она была вполне в себе, пока они с Милли не прошли в золоченую обеденную залу с журчащим в центре фонтанчиком с пухленьким херувимом, мелькавшими мимо столов официантами в окружении свисающих с перил второго этажа пышными лианами живых растений. В меню, мягко поданном ей, что-то было не так. Да, там не было цен. Видимо тут они окружающим ни к чему.

Она все никак не могла понять, что она хочет съесть, не столько из подозрений о цене блюд, сколько из полного непонимания их состава. Предоставив выбор Милли, она натянула маску высокомерного презрения и чопорно оглядела остальных гостей. Люди тут были со всех концов континента, возможно даже из-за его пределов. Весна подметила некую странность: окружающие выглядели так, как выглядят обычные деревенские в хорошем уютном кабаке. Краснощекие, хохочущие над шутками — их отличала только хорошая одежда из дорогих материалов, но, что касается поведения, они были такими обычными.

— Когда ты в обществе таких же как ты богачей, нет смысла пыжиться, — рассмеялась Милли, — но у тебя выходит очень хорошо. Именно так смотрят на окружающих те, кто тут никогда не был. У них есть фантазии о богатстве, но не реальное понимание что это и с чем его едят.

— Миллисандра! — пышногрудая сударыня в чистом и аккуратном белом наряде, вышитом, несомненно, золотыми нитями, радушно почмокала воздух около щек Милли, — Давно не видела тебя, дорогая, как ты? Как твой двоюродный дедушка?

— О, Веренити, мы только от него, как всегда бодр и весел!

«Веренити» — Весна неопределенно фыркнула: чем выше достаток, тем безумнее имена.

— А кто эта милейшая леди с тобой? — еще и «леди». О времена, о нравы.

— Агнес, — Весна повторила действие Веренити с целованием воздуха, — баронесса Северных островов, занимаюсь производством паучьего шелка.

Они решили, что вплетут в ее легенду необходимые кусочки пазла, которые могли бы зацепить богачей и дать возможность поболтать об общем с объектом их поиска деле.

— Чудовищное занятие! — всплеснула руками Веренити. — Вы не подумайте, относительно убийства этих мерзких тварей я ничего против не имею, а вот относительно работы с ним, — она выразительно передернулась всем телом, — аж мурашки по коже.

— Леди Веренити недружественна ко всем насекомым, — заметила Милли.

— Даже бабочки и те мне мерзки, — подтвердила Веренити.

— Полно вам, я вожусь не с ними, а с подсчетом прибыли и ее своевременной тратой, — лукаво улыбнулась Весна, — тем не менее отец считает, что нам необходимо расширить охваты продукции, и нет города лучше для того, чем Восточные врата.

— Несомненно, да и возможностей у Вас тут найдется немало. Насколько мне известно, среди здешних отдыхающих — торговцев шелком не водится.

Весна и Милли переглянулись. Очередная ниточка лопнула, но даже если легкого пути не представится, то им все равно стоило бы проникнуть в Церковь, возможно, там есть списки участников или хотя бы книги бухучета пожертвований. Хоть что-нибудь.

— Дорогая! — всплеснула руками Весна, — не могу не отметить ваше прелестное ожерелье, — она указала на золотой символ из четырех ромбов, от которых отходили лучи коло-врата на пышной груди Веренити.

— Ах, это? Безделушка в дар от моего мужа.

Весна чувствовала, как у нее начинает подергиваться левое нижнее веко. Внутри вдруг возникло непреодолимое желание исступленно заорать во всю мощь легких от ярости. Муж. Шелк. Какого черта они вообще сюда приперлись, если

— Чудесный символ Дажьбога. Давно ты стала вхожа в Церковь? — спросила Милли.

Весна в ужасе посмотрела на нее. Она ожидала, вот так, в лоб выведывать информацию, которую явно принято скрывать?

— Скорее за компанию с мужем, а вот ты, — Веренити придирчиво задрала нос, — зря так избегаешь столь чудесной возможности. Веры во мне кот наплакал, но местное сообщество открывает двери во все сферы — не всю же жизнь ты планируешь по островам за преступниками скакать? Да и Вы, Агнес, не теряйте времени. Входной платеж высоковат, но оно того стоит. Там вы быстро наладите связи для своих продаж.

Веренити вдруг помахала кому-то вдалеке и, бросив в сторону девушек «прошу простить, вынуждена откланяться» поплыла в сторону другого знакомого.

— Милли, — злобным шепотом сказала Весна, — к чему весь этот маскарад, если все НАСТОЛЬКО просто.

— Я хотела поест, а ты в своих обносках привлекала бы слишком много внимания. Да и имя твое нынче на слуху, — Весна удивленно вытаращила глаза, — хорошо, что в лицо мало кто знает.

— Ладно, но ты ведь с самого начала знала, что о Церкви надо спрашивать здесь. Зачем мы битый час лазили по самым значным местам города?

— Ах, это? — добродушно улыбнулась Милли. — Это было просто забавно. Давно я не работала под прикрытием. Это так весело!

Весна-Агнес сидела надутой до конца трапезы. Удивительно, как в Милли сочетались аристократизм, легкомыслие и неприкрытое бесчестие. Она пыталась не отвлекаться на красочные представления о том, как в глубине души все это время Миллисандра глумилась над ней. Впрочем, Милли была крайне проста и прямолинейна. Видимо, и правда хотела просто развлечься после долгого сидения в четырех стенах с детьми, а заранее осведомленная Весна могла разрушить ее планы своим неприятием бестолковых действий. Стоило пересмотреть свой подход к делу, уж слишком напряженной и серьезной она стала в последнее время. Даже сейчас усиленно отыгрывала молодую богачку, уделяя все внимание деталям, да так, что малейшее отклонение от выдуманного плана заставляло ее раздражаться. Хотя давно было пора понять, что загадка Указующего перста минимально связана с «взрослостью» и «серьезностью». Но все же оставалось еще кое-что.

— Эй, Милли, о каком взносе идет речь, и из чего я его рожу? Все понимаю, но это уже перебор для дружеского одолжения.

— Да, тут ты права, — задумчиво сказала Милли, — есть два варианта. Один скучный и законопослушный, а второй веселый.

— И видимо как-то связан с нарушением закона?

— Видимо, — кивнула охотница.

IV. Еретик

*«Лучше посрать и опоздать,
чем прийти и обосраться»
(с) Ауф*

Учитывая помпезность, с которой члены секты показывали свою принадлежность к Церкви, Милли и Весна быстро прикинули, что местом сбора участников будет вырастающая из отвесной скалы над заливом массивная пирамида из черного камня, украшенная золотыми магическими огнями. Серьезно, Весна готова была поклясться, что видела эту махину еще на подлете к гавани острова. Почти весь следующий день они провели, наматывая план по вторжению в Церковь. Весна чувствовала, что Милли излишне торопится, не может усидеть на месте и упускает детали.

Они несколько раз облетели пирамиду, рассматривая местные красоты. Место для Церкви было выбрано очень даже удачно: она находилась слишком высоко над бушующим морем, из которого кривыми зубьями вырывалось множество островерхих скал. Путь по морю отсекался. Оставался манаплан. Вечером Милли и Весна пронаблюдали, как люди с символами Церкви вышли за стены отеля, непринужденно болтая между собой, а к трем ночи вернулись обратно, разойдясь по своим номерам. Когда они уходили, Милли и Весна, неспешно прогуливаясь по саду, проследили как они ушли в сторону парового лифта у края скалы. А вот за их возвращением наблюдали из столовой, где был хороший обзор, мягкие кресла и прохладное вино.

Однако опасаясь, что пирамида может оказаться всего навсего экстравагантным рестораном или игорным заведением, следующей ночью девушки на манапланах наблюдали за строением под покровом ночи. Сигнальные огни пришлось отключить, иначе два манаплана, зависшие недалеко от сектантской церкви, могли привлечь внимание. Однако без огней они почти теряли друг друга из виду. Весна наблюдала за площадкой через режим увеличения в очках, но в парении, где любой порыв ветра раскачивал крылья из стороны в сторону, подобное наблюдение превращалось в забавную игру по удержанию съеденного за ужином в пределах желудка. Повезло, что сияющие золотые символы Дажьбога на упитанных животах своих владельцев в черных фраках были отлично видны и без таких усилий. Ближе к полуночи члены секты вереницей потянулись к платформе на паровом механизме, который спустил их на гигантскую обсидиановую площадку у входа в пирамиду. Двери разверзлись перед входящими сами по себе, и Весна решила прервать скрупулезное наблюдение и немного отдышаться.

Они провисели между небом и землей еще четыре часа и внезапно поняли, что не видели сектантов поднимающимися по лифту. Начинало светать, был великий шанс, что у заведения мог быть один вход для четкого контроля личностей прибывших, но при этом несколько выходов, чтобы последователи комфортно добирались до своих номеров. «К черту!» — прокричала Милли где-то слева. Весна восприняла это за сигнал и наклонила нос манаплана. Спустя несколько секунд, Весна осознала, что план их был так же надежен, как штаны из сахара. У Церкви имелся артефакт, нарушающий действие магических предметов, причем его купол выходил далеко за ее пределы. К счастью, манаплан несмотря на магическую подпитку, все еще оставался летательным приспособлением, и в случае, если поток магии прервется, позволял менее контролируемо, но все же продолжать планировать в воздухе. Порывы воздуха начали бросать его из стороны в сторону, Весна ощущала как быстро ее покидают силы, пока она пытается выправить устройство. Возможности отрепетировать это приземление у них не было. Она уже приняла решение отказаться от этой придурковатой затеи, но если бы она сейчас выправила манаплан на взлет, то не факт, что ей бы удалось достаточно быстро набрать высоту и не разбиться об отвесную скалу. Весна сжалась, чувствуя сковывающий дыхание страх, глаза

заслезилась, зубы застучали друг о друга то ли от холода, то ли от ужаса. Обсидиановая платформа неумолимо приближалась, и Весна, сдавленно пискнув, еще сильнее наклонила нос манаплана, а потом резко выправила его горизонтально.

Посадка была немного жестковатой, она отбила себе пятки и обессиленно упала на руки, в голове прикидывая, насколько сильно ей может помешать фобия полетов в мире, где единственный вариант перемещения между раздробленными кусками суши — это чертов полет. От мыслей ее отвлек крик. Весна подняла голову и с ужасом увидела, как Милли, не справившись с порывом ветра боком валится на твердый мрамор. Крылья манаплана затрещали и накрыли ее тело. Весна, на ходу перебирая склянки на поясе, правой рукой складывая Отилу, в суматохе вспоминая, что заклинание глушится неизвестным артефактом, упала на колени рядом со сломанным манапланом, отбросила оранжевую ткань и вытаращилась на задумчивое лицо Милли. На ней не было ни царапинки.

— Забавно, да? — спросила Милли.

— Как? — только и вымолвила Весна, глядя как прогнулся мрамор под Милли, словно перина.

— Немного больно, но, кажется, серьезно пострадала только моя гордость, — Милли раздраженно посмотрела на мокрое пятно на своих штанах.

— Значит

— Значит они готовы и к такому, и не желают, чтобы какой-нибудь безумец размозжил себе голову о двери их заведения.

Весна облегченно выдохнула, она была уверена, что на месте Милли она бы одними мокрыми штанами не отделалась. Как бы не желала Весна казаться смелой, безбашенной и удалой, она не была такой ни секунды в своей жизни. Однако робость, страх и болезненная осторожность не раз отпугивали от нее довольно богатых клиентов, предпочитавших видеть огонь азарта в глазах, а не обреченность жертвы. Весна отлично научилась скрывать свой страх, из-за чего и приобрела широкую популярность в узких кругах любителей сложных и опасных задач за высокую награду. Заказы на сбор цветов за пару медяков ее в свое время крайне утомили. Она напряженно осмотрела дверь. Что-то ей тут не нравилось. Очень не нравилось.

— Ты что, никогда не вламывалась на чужую собственность? — выбираясь из-под сломанного манаплана, спросила Милли.

— В присутствии служителя закона — никогда, — буркнула Весна,

— Все бывает впервые.

— А что если нас накроют?

— Ну, — Милли кое-как собрала манаплан и убрала его за спину, — учитывая, что это расследование, можно попробовать замять.

— А это просто?

— Нет, поэтому давай сделаем все так, чтобы нас, как ты сказала, «не накрыли», — она щелкнула пальцами, — двигай к двери.

Черный мрамор прилегал друг к другу так плотно, что не оставалось даже зазора между плитами дверей.

— Как же я... — с ужасом сказала Милли, — нужно было больше времени, мы слишком поторопились, мы

Двери услужливо распахнулись перед символом Дажьбога, который выставила Весна.

— Когда ты успела его спереть?!

— Оу, просто ты сказала все это про «замять», вот я и подумала Я его верну.

Милли сдерживала истерический смех. Учитывая, что минуту назад они чуть не погибли, любая мелочь казалась невероятно смешной. Весна заранее решила не до конца посвящать Милли в свои планы. Во-первых, ей не было известно сколько законов даст ей нарушить Милли

до того, как достанет удерживающие браслеты и отведет ее в Цитадель, во-вторых, ей все же хотелось вернуть должок за прогулку по самым грязным местам Восточных врат.

— И почему ты не пошла в охотники? У тебя есть буквально все данные.

— И одно из этих данных — сомнительное прошлое, — фыркнула Весна.

По длинной лестнице с небольшим уклоном они спустились в темный игорный зал, уставленный столами для различных карточных игр. Свет занимающегося рассвета отражался от золоченых рам портретов чопорных господ и дам. Стены и потолок украшала вычурная лепнина.

— Вот дерьмо, — прошептала Весна, — кажется, это все таки казино.

— Не торопись, нужно осмотреться вот черт.

— Обнаружитель магии не работает? — улыбнулась Весна.

— Нет, а твои очки?

— Теперь это просто летные очки, — Весна демонстративно покрутила регуляторы, но картинка осталась прежней.

— Радует одно: очки — произведение Милейковского, артефакт высокого уровня, если не работают они, то, возможно, тут вообще нет ни одного магического приспособления. Пошли, надо осмотреться. Возьми на себя левую часть.

Весна исходила столы вдоль и поперек, заглядывая под каждый из них, рыскала под банкетками, и в итоге вынуждена была признать, что в этом месте нет ни капли магии. Впрочем, это было объяснимо: все же это было казино и подобные меры безопасности тут вполне ожидаемы. Но тут она ощутила на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, она уставилась на черные глаза пышногрудой женщины. Портрет, казалось, следил за Весной, куда бы она не двинулась, чернота глаз оставалась направлена на нее. Весна перевела взгляд на другой портрет. Тот тоже наблюдал за ней. И соседний тоже. Пятясь назад, Весна уловила еле слышимый шорох, тени качнулись в сторону неприметной двери без опознавательных знаков.

— Что у тебя? — спросила Милли и Весна готова была поклясться, что в этот же момент услышала щелчок.

— Глаза, — они следят за нами.

— Перестань, — неуверенно сказала Милли, косясь в сторону дородного мужичка во фраке, — это просто оптическая иллюзия.

— О, в самом деле? — скептически ответила Веснушка, — с моей стороны одна дверь в ресторан и одна непонятно куда, в которую кто-то только что зашел. А у тебя?

Милли бросилась к двери, но та оказалась закрыта:

— А ты уверена, что...

Весна присела перед замочной скважиной и запустила в нее отмычку.

— О, у тебя и отмычки имеются. Я думала что уже даже амбары закрывают на магические замки.

— Да, вот только в Ковене не было ни одного магического замка, догадаешься почему?

— Догадываюсь, почему это тебе в принципе известно.

— Что? Я просто люблю поесть по ночам.

— Охотно верю, — скептически ответила Милли.

Замок щелкнул и девушки уставились на темный коридор.

— Не видно ни зги.

Весна чиркнула спичкой.

— О, да перестань, ты как будто с рождения ко всему готова, — раздраженно сказала Милли.

— Поверь, это далеко не первое место с магическим подавлением, в которое я забредала. Поэтому я приземлилась на ноги, а ты на лицо, — Весна зажгла простую свечу.

Пламя играло на отполированном черном мраморе, не было ни светильников, ни массивных хрустальных люстр как в игорном зале. Стены были идеально гладкими, без щелей, без дверей. Проход отклонился вправо, отполированный мрамор сменился грубым камнем, словно коридор на скорую руку прорубили в скале. Спустя минуту Весна и Милли уперлись в тупик. На обратном пути они еще более тщательно осматривали и ощупывали стены, но не нашли иного прохода и вернулись в игорный зал, к бдящим за их движениями портретам. Решено было продолжить исследование, оставив загадочные звуки и черные глаза картин на откуп разыгравшейся от недосыпа фантазии.

— Двери направо ведут к лифтам, видимо так сектанты и уходили отсюда, а вот та, что прямо — в массажный салон, еще одна дверь похожа на твою, без указателей.

— Массажный салон? — с подозрением переспросила Весна

— Ну, думаю там не только массажи предлагают.

— Я должна это увидеть.

Пройдя в конец зала, Весна уставилась в темные очертания за двойной хрустальной дверью, и раздраженно обернулась на Милли.

— Массажный салон? Ставлю сотню медяков, это омывальня.

— Велика разница, дам тебе золотой, если найдешь применение своему наблюдению.

— Омывальня перед входом в Церковь, я вижу очертания гобеленов.

— У тебя еще и глаза в темноте видят?

— Нельзя полагаться только на приборы и магию.

Весна оперативно вскрыла еще один старинный механический замок и они прошли в омывальню. В фонтанах журчала вода, под сводами на черном мраморе висели большие гобелены, вышитые золотыми нитями и инкрустированные осколками янтаря. Весна придирчиво осмотрела окружающее ее великолепие, в уме прикидывая, сможет ли она хотя бы в старости позволить себе расшивать гобелены золотыми нитями, но тут же поняла, что если у нее на это будут средства, уйдут они вовсе не на гобелены и золотые нити, и даже не на фонтаны из черного мрамора.

— Я все равно верю, — мрачно сказала Весна, — что видела кого-то в игорном зале.

Милли обернулась, взглядываясь в темноту, а потом закрыла стеклянные двери и повернула щеколду.

— Не думаю, что это его удержит.

— Уповаю, что ты последний человек в Раздробленном мире, который умеет пользоваться отмычкой.

Церковь ни секунды не нуждалась в подношениях, скорее страдала от их излишка: на дне круглого фонтана в центре комнате блестели серебряные и золотые и ни одного медяка. Она уже потянула руку, как Милли стукнула ее по ней и потянула ее к массивным дверям, похожим на те, что встречали их на входе в пирамиду. Весна решила оставить задуманное на потом, может, на обратном пути, когда Милли будет в лучшем расположении духа.

— Не смей, я слежу за тобой.

— Я еще ничего не сделала.

— У тебя на лице написано, что ты только и ждешь подходящего момента.

— Но там деньги в воде! — возмущенно сказала Весна. — Тем, кто их туда бросил, они явно не нужны.

— Мы не знаем как тут все работает, — поджала губы Милли. — Ты заметила, что пробраться сюда не то чтобы сложно? Нужно лишь украсть символ. И вскрыть замки. Кто, по-твоему, этим промышляет?

— Воры.

— И что-то мне подсказывает, что тут есть еще методы защиты, но вот на что они могут сработать? По мне так буквально на все, что не стали бы делать члены секты. И они точно бы не стали тянуть руки в фонтан за монетками, которые сами же туда и бросают.

За тяжелыми дверьми находились ряды скамеек, кафедра и алтарь, причудливо разукрашенный разноцветными бликами витража над золоченной статуей насупленного старца. После непродолжительных поисков под кафедрой они обнаружили люк.

— Неудобно как-то, — сказала Весна.

— Что, ворваться в Церковь сектантов – меньшее преступление, чем залезть в люк?

— Я скорее о его использовании — представь священника в рясе, который ползает таким путем туда-сюда.

— Тут нет никакого священника.

— Что? — недоуменно спросила Весна. — Но как они...

— Они считают, что между Богом и людьми не может быть посредника. Поэтому шевели булками. Если это неудобное техническое помещение — мы на верном пути.

Что ж, это было не просто неудобное техническое помещение: за небольшим коридором находился массивный архив с большим количеством полок, уставленных папками, коробками с папками и даже папками с папками.

— Это, видимо, чтобы хранить излишек папок на черный день, когда в мире закончатся все папки, — устало заметила Милли.

— Ну, мы с тобой буквально подтверждение их опасений.

— О чем ты?

— У тебя нет папки, у меня нет папки. Моего, например, задавило деревом.

Милли смерила Весну взглядом, полным отвращения к ее чувству юмора:

— Твое остроумие унижает само понятие ума. Лучше займись механической работой.

Пролистав несколько фолиантов они пришли к неутешительному выводу, что все они пусты. К какой бы полке они не подошли, какую бы папку наугад не вытянули — в них содержались лишь белые листы. Наученная опытом Весна попыталась прогреть их на огне, но тщетно. Остальные варианты проявления симпатических чернил им сейчас были недоступны. Магия все еще не работала. Выбравшись из пыльного архива обратно к алтарю, они раздосадованно упали на лавку перед кафедрой.

— Кажется, стоит перенести вторжение на другой день, — раздраженно признала Милли, — времени мало, нам нужно обойти еще ресторанное крыло и вторую мелкую дверь, может хоть она не кончается тупиком.

— Вынуждена огорчить, но в это время ресторан не работает, — сказал монотонный женский голос, — ни сегодня, ни завтра.

Девушки резко обернулись в сторону оmyвальной. В дверях стояла неподвижная фигура. Медленными, механическими движениями она двинулась между скамьями. Милли и Весна отпрянули, хватаясь за немагические приспособления вроде дымовых шашек и старого простого динамита, припасенного на крайний случай. Фигура дважды хлопнула в ладоши и церковь залило слепящим светом. Весна начала чихать от яркого света и слезящимися глазами пыталась следить за женщиной.

— Прошу прощения, забываю, что я могу видеть, а вы — нет.

Перед ними стояла бледная девушка с белоснежными волосами, собранными в высокий хвост, облаченная в бело-золотую длинную тунику. Даже ее глаза были почти белыми с неуловимым голубоватым оттенком. Было в ней и ее голосе что-то неживое, неправильное. Она выглядела почти как человек, но одним своим видом вызывала страх и неприязнь.

— Простите за вторжение, сударыня, а вы...

— Меня зовут Вера.

Весна мысленно ударила себя по лицу. Надо было догадаться о, так сказать, иносказательности подсказок Милейковского, но это было так же пошло, как шифровка указаний в созвездиях. Весна который раз сделала себе заметку «не переусложнять».

— Здравь-те, а я...

— Весна, наемница. А вы, — она неестественно резко повернула голову к Милли, — Миллисандра Милейковская, охотница, командир группы. Чем обязана?

Переглянувшись, девушки без единого слова решили, что укрывать причины своего взлома как минимум глупо, как максимум — опасно для жизни.

— Мы здесь с целью расследования, — твердо сказала Милли.

— Я поняла, — моргнула Вера, — я наблюдала за вами на всем вашем пути по Церкви. Кажется, вам не удалось найти желаемое, поэтому я решила вмешаться, чтобы вы и следующий день не потратили на бесплодные блуждания.

— Если вы с самого начала были здесь, то почему сразу нас не остановили?

— Для установления личностей мне нужно время, а пока я решила ознакомиться с вашими намерениями.

— Вы прямо везде-везде за нами следили? — с сомнением спросила Весна, намекая на пустой тупиковый проход.

— Вы не часто проверяли потолок, — ответила Вера.

Весну передернуло, когда она представила, как Вера по-паучьи ползла за ними по потолку, неестественно выворачивая шею.

— Ха-ха-ха, — механически рассмеялась Вера, — я шучу. Там есть проход, это техническое помещение, вам там было бы сложно сориентироваться в свете одной лишь свечи.

Весна ни капли не поверила ни смеху Веры, ни ее заверениям.

— Нам необходима информация о человеке, состоявшем в вашем обществе и заказавшем у Милейковского этот артефакт, — Милли показала Вере поврежденный перстень, — мой дед крайне прозрачно намекнул, что нам стоит обратиться именно к Вам.

Вера безэмоционально бросила взгляд на перстень:

— Сведения о членах церкви строго конфиденциальны. В желании вылечить несчастного, обезображенного проклятием, может и есть некоторое нарушение закона о недоведении до сведений государства появления оно, но я же преступлением это не считаю, — жестко сказала Вера.

— Укрывание бестии, — парировала Милли, — это самое безобидное, что сделал этот человек. Я веду расследование в связи с его участием в массовом убийстве членов исследовательской группы по поиску «Указующего перста». В довесок к тому, что успела натворить его дочь.

Вера застыла. В ее глазах медленно раскручивалась мысль. Через минуту она наконец решила ее озвучить:

— Понимаю. Пожалуй, это весомая причина, но у меня есть условие, — Милли напряженно кивнула. — Так уж вышло, что я знаю, кто еще был в группе по поиску «Указующего перста». Я уже давно не могу с ней связаться.

— Пять лет? — спросила Милли.

— Больше, скоро пятнадцатилетие от того, как я в последний раз получала от нее информацию. Она не выходила на связь с самого начала кампании по поиску. Это моя сестра, ее зовут Мечта, она была основным информатором в поисках. Мне нужно, чтобы вы ее нашли.

— Вы ведь понимаете, что скорее всего ее уже нет в живых?

— Понимаю, мне хватит и ее оболочки, или части оболочки. Что до вашего вопроса — человек, которого вы ищете — Антон Вознесенский, держатель крупного торгового концерна. Последнее его появление в церкви — около 20 лет назад, для более точной даты мне нужно время на воспоминания, тогда же он и обратился ко мне.

— Вы помните, что было двадцать лет назад вплоть до даты? — удивленно спросила Весна, — неужели вы действительно видели его и уже тогда работали на этой должности?

— А на вид сколько мне лет? — бесцветным голосом спросила Вера.

— Двадцать? — неуверенно сказала Весна. — От силы.

— Вера была всегда, — монотонно отозвалась девушка, — а вот всегда ли я была Верой — это другой вопрос.

— А-а-а, понятно, — дрожащим голосом произнесла Весна, — Милли, нам важна вообще точная дата?

Милли дернулась, отводя напряженный взгляд от зажатого в кулаке перстня:

— Нет, это неважно Мы знаем имя, остальное не имеет значения.

Потребовав украденный у члена секты символ, Вера проводила их до лифтов, дав четкие указания, как можно с ней связаться, учитывая, что в области Церкви магия не работает. Милли вновь посетовала на старомодность здешней системы защиты, на что Вера ответила, что столь же старомодна, как и здешняя система защиты, не забыв упомянуть, как Милли обозвала систему слежения «оптическим обманом»: «Это довольно удобно: столько точек обзора — легко наблюдать за шулерами и незваными гостями». Она улыбнулась только губами — во взгляде была все та же неестественная холодность.

Как только девушки вернулись в отель, Весна одернула Милли:

— Не рановато ли мы свалили? Может еще чего бы удалось узнать, я вот в душе не чаю, кто такой Антон Вознесенский, и чем он сейчас занимается.

— Он мертв, Весна, — сумрачно сказала Милли, — твоя сестра расследовала это дело буквально пару месяцев назад. Дом и остальные помещения сгорели дотла, только по показаниям местных удалось узнать, кто там вообще жил. Больше сможет рассказать только Ада.

V. Пункт назначения

«Если жизнь это вызов — я перезвоню»

Милли порывалась вернуться в штаб немедленно, но наученная горьким опытом Весна уговорила ее все же поспать перед долгим путешествием. К утру же охотница резко переменила свое мнение и сказала, что отправится в свой отчий дом за письмами, может, в тех, что предназначались не ей, а ее матери, содержалась хоть толика полезной информации. Весне же строго наказала не ждать починки ее манаплана и без промедлений лететь в штаб к Аде за информацией о смерти Вознесецкого.

Где-то на полпути до Цитадели Весну окатило холодным потом, когда она вспомнила, зачем вообще сунулась в Восточные врата. За всей безумной яркостью произошедших событий она совсем забыла об Академии, которую намеревалась посетить для разгадки части пазла таинственной шкатулки. Впрочем, Милли к моменту ее спешного возвращения могла уже отбыть домой, а случайную бродяжку с улицы вряд ли пустили бы на порог Академии. Она решила отложить исполнение этой части плана до лучших времен.

Цитадель представляла собой монументальное сооружение из нескольких частей, которые были возведены в разное время, из-за чего происходили неловкости: идешь ты по шестому этажу нового корпуса Цитадели, но, переходя в старую, вдруг оказываешься на пятом. Нормы архитектуры менялись с годами, уменьшалась высота потолков с целью экономии места, но сносить и заново перестраивать старую часть было экономически не выгодно. В лабиринтах корпусов, коридоров и кабинетов не единожды без вести пропадали люди. Во всяком случае, так гласила местная “городская легенда”, которую распространяли сотрудники, так и не нашедшие артефактора в кабинете 4А-213 южной части старого корпуса. Весна пользовалась четким алгоритмом со строго подсчитанным количеством шагов, своевременными поворотами и опознавательными знаками в виде картины мужика в маске ворона, чахлого фикуса со стеклянным зайцем на блестящей нитке и странного вида плесени, похожей на хмурающееся лицо.

Ада сидела, закинув ноги на стол и исступленно пялясь на перевернутую вверх ногами книгу. Весна могла бы подумать, что она изображает бурную деятельность, но она слишком хорошо знала сестру.

— Что ты там спрятала?

— О, Весна, — Ада спешно захлопнула книгу, — да так, мелочи жизни. Ну как, посетила Восточную Академию?

— Решила отложить до лучших времен. Мы с Милли вломились в Светоносную Церковь Дажьбога и там узнали занимательную информацию о

— Это Милейковский надоумил вас? — рассмеялась Ада.

— Не столь важно. Ты расследовала дело о гибели Антона Вознесецкого?

Ада нахмурилась, встала и подошла к большому складу с картотекой, без труда выудив оттуда папку с именем Вознесецкого. Открыв ее, Весна понуро уставилась на два небольших листика.

— С его делом большие нестыковки. Мы даже толком не смогли установить его род деятельности. Если кратко — он торговец, но чем торговал — вопрос. Этот черт никогда и ни с кем не работал напрямую, сеть его агентов и агентов агентов поражает. Одинокий, нелюдимый мужик.

— Одинокий? Значит, у Вознесецкого нет дочери?

— Нет. Ты о Софии?

— Именно он заказал у Милейковского паучий артефакт, который мы забрали с тела Софии.

Ада пожала плечами:

— Он торговец, возможно, это была сделка, которую он отработывал.

— При этом у него были агенты и агенты агентов, но конкретно в этот раз он внезапно решил всем заняться лично?

— Да — задумчиво сказала Ада. — Это выглядит очень подозрительно. Похоже на личные мотивы, но я почти точно уверена, что делал он это для кого-то другого. Видимо в этот раз решил не использовать свою агентуру с целью минимизации распространения информации. Мы можем вернуться на пепелище. Посмотришь, может тебе что-нибудь придет в голову. Все равно мне заняться особо нечем.

— Ты допросила Ардена?

Ада закусил губу и хрустнула пальцами:

— Он сбежал.

— Что?! Сбежал из Цитадели?!

— Я уверена, что ему помогли. Пока мы были на дне рождения мамы, его уже и след простыл. Допрашивали всех, кто хотя бы дышал с ним одним воздухом, прочесали всю Цитадель. Пусто. Кухарку Софии ждут у поместья до сих пор, но прошло уже очень много времени, вряд ли дождутся.

— Стоит ли нам начать беспокоиться? Отец Софии вполне уже в курсе о смерти дочери.

— Стоит. И под ударом в первую очередь находишься ты, — в глазах Ады вспыхнул гнев, — и меня это очень раздражает, я надеялась, что ты вернешься с Милли, но ты провела полдня в небе одна. Где вообще возится эта мелкая? Уж я-то ей колеса пооткручиваю, как свидимся.

— Не стоит, она направилась домой, хочет перебрать письма от отца. У нас, видишь ли, еще одно поручение.

— Это какое?

— Мы обменяли информацию о Вознесецком на честное человеческое, что постараемся найти кое-кого по имени Мечта. Она входила в группу по поиску «Великого указующего перста», как и отец Милли.

Ада закатила глаза:

— Нужно отстранить ее от дела.

— Почему?

— Ты, возможно, уже знаешь ответ. Когда дело касается чего-то личного, она становится поспешной и невнимательной, это может осложнить течение расследования.

— Тем не менее она обладает письмами отца, непосредственного участника экспедиции.

— Почти полностью уверена, что письма тщательно проверялись, чтобы исследователи не сболтнули лишнего. Но может удастся узнать и другие имена участников. Нам с тобой пока лучше отправиться к руинам дома Вознесецкого.

Дом Вознесецкого, а точнее то, что от него осталось, находился на небольшом острове, где больше не было ничего, кроме случайных холмов и деревьев. Даже источника воды не было. В принципе, все подробности жизни Вознесецкого, о которых успела узнать Весна, будто подвели к этому. Мужик жил вдалеке от других людей, о самой трагедии стало известно от случайного путника, наткнувшегося на уже остывшее пепелище. Обнаружив в одной из комнат обугленный скелет, он поспешил сообщить о находке в Цитадель. По состоянию строения охотники установили, что дом не сожгли, а буквально взорвали. Его обломки находились на большом отдалении от дома, часть строения, возможно, вообще сгинула в Бездне. На установление личности владельца дома много времени не понадобилось, в государственных протоколах легко отслеживалась покупка земли. Беспокоила лишь одна несостыковка. После обнаружения трупа Вознесецкого, активность его счетов продлилась еще неделю. Мысль о том, что в Цитадели есть информатор, сливающий информацию о расследованиях за пределы групп охотников, становилась все более очевидной. Авансом сюда можно приплести и побег Ардена. В сухом остатке выходило, что есть некая личность, знакомая с Вознесецким, имеющая доступ

к его счетам и освободившая Ардена. Заочно решили именовать эту личность ОС от “отец Софии”.

— Если так просто удалось выяснить владельца поместья и подтвердить, что именно его труп находился на пепелище, почему нельзя установить покупателя поместья Софии?

— Потому что покупателем, к несчастью, числится Арден. В документах Софии сплошная каша. Мы прочесали весь дом, но так и не нашли ни писем от родителей, ни каких либо упоминаний о родословной. Есть подозрение, что никакая она не София вовсе. Она так представлялась, но мы не можем быть до конца уверены, что ее документы не были поддельными. Ее имя никогда не фигурировало ни в списках обучения в Ковене, ни в имущественных отношениях по типу вступления в наследство. Ее как будто никогда не существовало.

— Что насчет заключения брака? София звала Ардена своим мужем.

— Официально их брак зарегистрирован не был. Во всяком случае мы проверили еще и несколько церквей, вдруг вместо брака они обвенчались. Но и там глухо.

Уж таковы были сложности государственного контроля на парящих островах. Раздробленность мира была настолько сильна, что происхождение имен, фамилий, обращения, родословная — все это имело серьезные вариации. Контролировать отдаленные от крупных островов обломки земли было практически невозможно. Дело осложнял и постоянный случайный дрейф островов, их столкновения и внезапные объединения, которые редко оканчивались без жертв, причем вызванных не только столкновением, но и последующими распрями за земли. Благо, случалось это не столь часто, так как острова находились на разной друг от друга высоте и обычно просто проплывали друг над другом. Что интересно, язык на всех островах был единым. Существует гипотеза, согласно которой до расселений на острова кучка выживших после разрыва земли ютилась на едином клочке коры, и уже сильно позже началась экспансия. Что же до того, что находится под островами — каждый, кто пробовал узнать это на практике, так и не вернулся назад.

От одного острова до другого можно было добраться лишь пользуясь наводкой на магические маячки. Как и любые приспособления они имели обыкновение ломаться. У крупных городов их всегда имелось несколько, но мелкие неприметные деревни могли и забывать проверять их, поскольку нередко находились на полном самообеспечении и местные не часто покидали свои угодья. Так и остров Вознесецкого не имел маячка, пока на него не прибыл обнаруживший его останки путешественник. Как ему удавалось вести торговлю — одному Одину известно. Предположительно, маячок сгорел вместе с домом, однако его следов найти не удалось. Или же был заботливо убран убийцей после взрыва. А, быть может, для ведения дел он этот остров вовсе никогда и не использовал.

— Слишком много «может» и очень мало фактов, — проворчала Весна.

— Поэтому его дело и ограничено парой листочков. Никакой полезной информации за время расследования мы не нашли. Ни людей, с которыми он торговал, ни ближайших родственников — никого не нашли.

— Даже сведений о родителях?

— Даже их. Он выходец из сиротского приюта, его просто подкинули к дверям и ни записки, ни прописки.

— Знаешь, чем это пахнет? — спросила Весна, — О, нет, не пахнет, я бы сказала воняет.

— Чем?

— Черным рынком. Торговлей чем-то незаконным или относительно законным, если не знать пути получения товара.

— Мы выдвигали такое предположение, но охотникам крайне тяжело прощупывать эти моменты. Мы, конечно, напрягли своих знатоков криминала, но два месяца — маловато для получения стоящей информации.

— Что насчет счетов? Он хоть раз появлялся в банках за это время?

— Он пользовался только удаленными методами связи.

— Всегда?

Ада нахмурилась:

— К чему ты ведешь?

— Всегда ли он пользовался только удаленными методами? Когда он в последний раз лично появлялся там, а до последнего появления так же ли охотно он пользовался удаленными методами? Ты ведь сказала, что, когда путешественник прибыл, пепелище уже остыло. А сколько оно до этого стояло тут остывшим?

Ада хлопнула себя по лицу:

— Подожди пару минут.

Она отошла в сторону и начала бегло надиктовывать сообщение на механическую стрекозу. Пока сестра была занята, Весна подошла ближе к массивным обломкам. Часть первого этажа уцелела, видимо, взрыв случился в противоположной от входа части дома. Почему именно там? Весна осторожно полезла на обломки. Окружающая каша из каменной кладки стен, металлических частей мебели и обугленной древесины приводила ее в замешательство. Складывалось ощущение, что под завалами особо никто не копался, наугад заключив, что все худо-бедно представлявшее интерес сгорело. С виду так оно и выглядело, но свежий мох, поднимавшийся по уцелевшим стенам и редкие травинки под завалами наводили ее на мысль, что взрыв случился не то что не два месяца назад, а даже и не год. Точнее сказать было сложно. Если рядом и были острова, на которых мог быть слышен взрыв, то они могли находиться на любом расстоянии отсюда спустя столько времени. Вложив максимум имеющихся у нее меридианов в руну Лагуз, Весна попыталась охватить как можно больше обломков и поднять их в воздух. Трещи и поднимая столбы пыли, камни, за года занесенные землей, неохотно поднялись в воздух буквально на метр. Потев и тужась, Весна попробовала приподнять их еще и бегло осмотреть пол под собой. Тут она почувствовала судорогу в пальцах и резко отпустила руну. Левитирующие камни с грохотом попадали на землю. Весна боязливо прикрыла голову, но ее лишь осыпало мелкой пылью.

— Кх-кхм, — раздраженно прочистила горло стоявшая недалеко Ада, ее пальцы так же были сложены в Лагуз.

Весна подняла голову и увидела над собой зависший недалеко от ее макушки одинокий крупный кусок стены. Ада отбросила его в сторону:

— Я понима-а-аю, ты с трудом осознаешь ценность своей жизни, но можно убивать себя хотя бы не так топорно?

— Я знала, что ты меня спасешь, сестричка, — бесцветно отозвалась Весна.

— Мы обшарили тут все.

— Но не обратили внимание на растения, которые тут точно не за пару месяцев появились? А следом не прознали в банке, когда в последний раз Вознесецкий являлся туда лично? Извини, сестра, но я хочу еще раз все перепроверить.

— Твое право, но только с моей помощью и под моим присмотром.

Они копошились в руинах до самого захода солнца, методично перепроверя каждый метр. Большую площадь Ада охватывать запретила, да и Весна не рискнула бы еще раз проделывать свой фокус — пальцы все еще сводило от боли. Под красноватым светом заката они расположили мелкие вещички, найденные среди груды камней, прямоком у неприметного каменного люка.

— А теперь скажи мне, что вы обследовали подвал.

Ада промолчала в ответ на этот выпад. При прошлом осмотре завалов она была, пожалуй, не слишком внимательна, сосредоточившись на осмотре обугленных костей.

— В прошлый раз осмотр проводила твоя группа?

— Нет, на осмотре присутствовало две группы охотников и пара-тройка канцелярских.

— На твоём месте я бы постаралась восстановить точное число и имена присутствовавших.

— В этом нет необходимости, мы ведем строгий учет. В деле только отметки об охотниках, но в архиве есть полный список. Думаешь, среди них прячется крыса?

— Не исключено. Для верности я бы и твоих ребят не сбрасывала со счетов.

Ада раздраженно потерла затекшую шею. Что обожала в ней Весна — это ее умение признавать просчеты и ошибки. В голове Ады, как правило, было несколько параллельных потоков мыслей, из-за чего временами она как будто витала в облаках, быстро перебирая разрозненные воспоминания и планы. Поэтому некоторые мелкие детали ускользали от ее взгляда. Весна, к несчастью, тоже страдала подобным недугом, но пыталась бороться с ним высоким уровнем тревоги и педантичности, заставляющими ее перепроверять и опять перепроверять все сделанное. И еще одно — она была крайне недоверчива. То, что она не видела лично или никак не могла проверить, не считалось ею за правду и помечалось как «сомнительное». Этим она не единожды мучала учителей на занятиях по истории. Но именно черта характера, проявляющаяся в вечных сомнениях по поводу и без, сделала ее такой умелой наемницей в вопросах поиска ценностей. Это — и ее потрясающая злопамятность. Но об этом потом.

— Стоит ли нам спускаться туда сейчас? — с сомнением спросила Весна, глядя на уже почти севшее солнце.

— Всяко лучше, чем оставаться на голых камнях.

Для спуска пришлось вновь использовать заклятие левитации. Старую покосившуюся лестницу закоптило от огня, и выглядела она очень шаткой и трухлявой, словно вот-вот рассыпется. В подвале тоже пытались устроить поджог, но огонь пожрал не так много вещей, как снаружи. Видимо, в закрытом пространстве кислород быстро кончился и плямя зачахло, не успев уничтожить все на своем пути.

— Почему он просто не взорвал подвал как и весь остальной дом?

— Кто знает? Может не считал это место хоть сколько-нибудь важным, чтобы тратить на него взрывчатку?

Судя по всему это было недалеко от правды. Подвал был завален осколками банок и давно высохшей гнили. В лабиринте полка не было ничего примечательного, но, дойдя до дальней стены, Весна увидела странную тень. Сложив руны Сигел, Весна осветила темный угол. Там, скукоженный и высохший, лежал паук. Размерами он был с половину самой Весны, что крайне нетипично для островной фауны.

— Ого, — только и вымолвила Ада, — он здоровый. Аномально здоровый.

— Вы смогли установить, от чего умер Вознесецкий?

— На костях не было повреждений или насечек, только пара старых сросшихся переломов. Мы решили, что он надыхался дымом и сгорел. Тем более, мы его нашли в том, что ранее было спальней. Как будто он умер во сне, а потому и не пытался спастись.

— Дом взорвали, но он не проснулся?

— Возможно, взрыв был нужен только чтобы замести следы.

— А что насчет этой твари?

Ада осторожно левитировала труп паука, осматривая его со всех сторон в лучах магического света.

— Посмотри на узор, он еле видим, но мне кажется мы с ним уже встречались.

На паучьем брюшке был выцветший синий рисунок. Такой же, как и на паучьем теле Софии. Сам паук был то ли неизвестным видом, то ли, что вероятнее, специально выведенным мутантом.

— София сказала, что ее отец занимался добычей паучьего шелка? — переспросила Ада.

— И видимо для увеличения производительности занимался незаконным выведением бестий, — кивнула Весна.

— Это просто отлично, — в глазах Ады зажегся огонь вожеления.

Она всегда становилась такой, когда нащупывала в своих расследованиях что-то особенно гадкое. Проблема выведения бестий состояла в том, что большинство из них получались особенно опасными и становились причиной вымирания целых островов, на которых обосновались. Да, чаще это происходило как бы само-собой, например, вследствие случайной мутации, соприкоснувшейся с магическим началом. Но временами такой селекцией занимались нечистые на руку люди. Насколько известно Весне — драконы так же были исходом целенаправленного селекционного отбора. С ними вышло худо-бедно удачно — будучи частично людьми, драконы были разумны и сообразительны. Но уповать на то, что все они изберут мирное сотрудничество с людьми — не приходилось. В конце концов, даже люди не способны договориться между собой. А один дракон сильнее вооруженной армии. Потому время от времени их озлобленные и обиженные собратья совершали не лучшие деяния — кто из жадности, кто из ненависти.

Потому после выведения драконов, был спешно принят закон, запрещающий изобретение и выведение новых бестий. Природа с этим и так справлялась, не хватало еще, чтобы люди со всей их неумной фантазией создавали разномастных чудовищ. Конечно, была у селекции и полезная сторона. Но тронутые магией существа неизменно получались кровожадными и неуправляемыми. Даже растения и те начинали проявлять жестокость по отношению ко всему живому.

Ада установила маячок в подвале и, быстро очистив пол от стекол, бросила на него комок пряжи величиной с кулак. Коснувшись земли, пряжа раскрылась в полноценный спальный мешок. У Весны было немало такого добра, имелась даже самосборная палатка — редко когда удавалось остановиться в гостевом доме, нужно было быть готовой к самым суровым условиям. Она кинула похожий комок пряжи рядом с сестрой. В отличие от пыльно-серого мешка сестры, этот был цвета яичного желтка. Ада удивленно приподняла брови:

— Не слишком ли кричаще для твоего-то вида деятельности?

— Если потеряюсь в лесу, меня проще будет найти, — строго ответила Весна, — с гор еще худо-бедно можно выбраться на рабочем манаплане, а вот из леса — пиши пропало. В первый же подъем обломаешь крылья. Дальше только «ау-ау».

— Но я помню, что ранее у тебя был ровно противоположный настрой.

— Был, до тех пор, как я впервые не потерялась в лесу.

Весна опустила на спальник спиной к сестре и выудила из поясной сумки найденные в доме вещицы. Среди них был плотно закрытый медальон, покрытая копотью эмблема Церкви Дажьбога и странный узорчатый ключ с ярким синим камнем.

— Что, думаешь они откроют свои тайны, если гипнотизировать их взглядом? — насмешливо спросила Ада, приобнимая сестру за плечи.

— Пытаюсь просто уложить все факты в голове, — задумчиво ответила Весна. — Вознесецкий не был отцом Софии, но желал помочь ей, из-за чего лично заказал для нее артефакт у Милейковского, не желая распространения информации о проклятье. Он сделал это, видимо, для отца Софии, с которым был очень близок. София же словно никогда не существовала. Ей в мужья выбрали не самого сообразительного и богатого, но довольно верного и прилипчивого Ардена, на которого и был оформлен их семейный особняк. Арден его точно не на свои деньги купил, а значит получил их в дар от отца Софии же, на которой, к слову, так и не был женат. Только-только его этапировали в Цитадель — он пропал, только стало известно о смерти Вознесецкого — и все транзакции на его счетах остановились. Причем неделя простоя в заморозке дел на счетах — это очень важно. Когда сообщник узнал о расследовании? Сколько шло известие и как далеко?

— Слушай, — прошептала Ада, — а что если артефакт Вознесенский заказывал для Софии в качестве дара на помолвку? Ну, на их с ней помолвку, потому так серьезно и подошел к вопросу, сам обо всем позаботился.

— Помолвка в нуль лет? Осуждаю.

Девушки рассмеялись, Весна вдруг отметила, что уже давно искренне не смеялась. Пожалуй, с тех самых пор, как получила письмо от Ардена. Временами ей казалось, что только постоянное нахождение на грани смерти и заставляло ее жить. У нее не было друзей для переписок или праздного шатания по кафе и магазинам, не было любимого человека (да и подобный тип привязанности к кому-то представлялся ей некомфортным) — не было никого, кто вообще знал бы ее настоящую. Кроме сестры. Сестры, которая никогда не даст ее в обиду, но рядом с которой Весна вспоминала, чего лишилась, предложив Аде поменяться местами в шестнадцать лет. По сути своей, никто ни с кем не менялся — Весна просто признала, что это она была маленьким дьяволенком, как от нее все того и ждали. Ждали, когда она наконец раскается в убийстве.

— Кажется, моя попытка развеселить пошла не по плану, — расстроено сказала Ада, видя как Весна пытается сдержать слезы, — ну, давай, не терпи, пусть все плохое уходит, — она крепко обняла ее и уткнулась головой ей между лопаток.

— Зачем ты все это делала? — рыдала Весна. — Зачем ты убила Элли?

— Не знаю, — глухо ответила Ада, — я просто этого хотела. А когда увидела ее стоящей у обрыва, просто не смогла удержаться. Я хотела увидеть, что будет. Как ее тело упадет, как она навсегда перестанет видеть, слышать и говорить. Говорить о тебе всякие гадости.

— Что? — Весна удивленно повернулась в сторону сестры. — Гадости? Ты никогда не говорила об этом.

— Она видела, как я тебя задираю, но воспринимала это по-своему. Она думала, что может мне подражать, думала, что имеет на это право. Я тогда впервые почувствовала это — я не хотела тебя делить, не хотела позволять никому делать тебе больно. С тех пор я запретила это даже самой себе. Я словно посмотрела на все со стороны. Я была очень зла, я хотела ее смерти, так же как в жаркий день хочется глотка воды. И я удовлетворилась этим.

— Но ты обвинила меня.

— Нет, — покачала головой Ада, — я и рта раскрыть не успела, как мать набросилась на тебя. И тут я наконец ощутила страх. Не от того, что убила, нет. От того, что у убийства есть последствия. Я просто застыла, — она вздохнула, — прости меня, Вес. Я подвела тебя, а ты отдала мне все что у тебя было, вместо того, чтобы потребовать во всем признаться. В тот день в Ковене я поняла что значу для тебя, я разозлилась, что сама не могу быть такой для тебя. Я долго вспоминала нашу жизнь: как ты вела себя, что тебе нравилось и не нравилось. Где-то у меня даже остались эти записи, — Ада улыбнулась, — я подумала, что если ходить по твоим следам, дышать твоим воздухом и смотреть твоими глазами, я и правда смогу стать такой же как ты. Не для других — для тебя. И если это гложет тебя, еще можно все исправить, мы во всем сознаемся и

— Не надо, — Весна утерла слезы и попыталась улыбнуться, — у меня просто бывает, я вдруг не могу сдержать эмоции, кажется, будто в моей жизни никогда не было ничего хорошего. А потом я пытаюсь представить как сижу за партой в Академии, трясусь над фолиантами толще моего бедра и зубрю очередную чушь на очень важный экзамен по какой-нибудь философии Целного мира. И меня отпускает. Я рада, что я здесь, с тобой, рада тому, чем занимаюсь. И все хорошо

— Ты извини, я немного покопалась в твоей сумке, — начала тараторить Ада, — и там было такое милое письмо, вот я и подумала, может, ты таки пойдешь на свадьбу?

— О нет.

— О да. Послушай, ты немного перебрала со всеми этими тайнами и загадками, пора хотя бы немного развлечься.

— Ты пойдешь со мной?

— Еще бы, — засмеялась Ада, — а то ты опять в разгар торжества забьешься в дальний угол, чтобы поиграться с котом. А теперь отложи эти побрякушки и спи. Завтра, после передачи паука охотникам, нас ждет долгий путь.

VI. Меланхолия

— Я должна тебе кое-что рассказать, — сказала Весна сестре, глядя как охотники со всей осторожностью упаковывают паука в герметичную стеклянную камеру.

— М-м-м? — Ада рассеянно смотрела вдаль.

— Я рассказала Милли о нашем детстве.

— И об Элли?

— Нет.

— И как она отреагировала? — кажется, это ее совсем не заботило, а может она была бесконечно зла, потому и не менялась в интонации.

— Очень удивилась.

Ада рассмеялась:

— Я рассказала ей все еще четыре года назад. Но ей наверняка было интересно услышать эту историю с другой стороны.

— Но она так возмутилась от того, что ты не рассказала все матери.

— Да, точно так же как и в разговоре со мной. Я ей тогда сказала, что это был твой выбор и не мне рушить то, на что ты положила свою жизнь. А ты ей что сказала?

— Что это был мой выбор.

— Она проверяла, — спокойно улыбнулась Ада, ее черные волосы развевались на теплом ветру, — всегда так делает. На допросах она строит одинаково удивленное лицо, слыша от свидетелей одну и ту же историю. Это проверка на вшивость — «да что вы говорите, надо же, а я не знала». Люди думают, что она еще не знает всю историю, и охотно могут приврать, если желают что-то скрыть.

— А меня зачем проверять? — проворчала Весна.

— Не тебя, а меня. Мало ли что может сказать виновный в свое оправдание. «Это все он, он напрашивался на драку». «Это она виновата, ее платье было слишком коротким, это провокация». Постоянно такое слушаем. Она хотела быть уверена, что я не продолжаю тебя мучать.

Весна замолчала. Она в последний раз окинула взглядом письмо, полученное еще полгода назад, поругала себя за то, что по какой-то причине все еще таскала его с собой и теперь вынуждена лететь на свадьбу. Хотя если б она не хотела, никто не мог бы ее заставить, но Весну мучило тревожное предчувствие. Что, пожалуй, не было чем-то таким уж особенным.

Замуж выходила ее старая приятельница, с которой она уже несколько лет не поддерживала никакого общения. Они не рассорились, нет. Просто перестали общаться. Поэтому когда мать вынесла ей письмо от Аксиньи, она была поражена, что та еще помнит о ней, — Весна тешила себя мыслью, что как только она исчезает из поля зрения окружающих, ее тут же забывают. Так ей было спокойнее. Аксинья была ее подругой еще в те времена, когда Весна не переживала по поводу собственных тайн и секретов. С годами она становилась все более закрытой, а в четырнадцать, после обвинения в убийстве, резко спряталась в своей раковине. Ей казалось, что все смотрят на нее со злобой и желают навредить. В то время она продолжала общаться лишь с Аксиньей, с ней же ночами учила заклинания в Ковене. После двадцати они становились все дальше друг от друга. А может это именно Весна отдалялась. Тогда ее голову переполнял страх предательства, потому она решила сама избавиться от своих друзей, чтобы не дать им возможности предать ее. Так она и потеряла всех. Но ощутила липкое счастье в том, чтобы ни от кого не зависеть, никому не быть должной, никого не любить.

Ада на все ее действия тогда смотрела с плохо скрываемым непониманием. Вроде не хочет быть одна, но делает все для этого. Просьбы «прекратить эту ерунду» на Весну не влияли. Ада представляла себе мысли Весны в виде Уробороса, запертого в бесконечном цикле

из надежды и страха. Понимая, что сама же и была причиной состояния сестры, она прикладывала усилия в попытках помочь ей, как могла. Потому она и потянула Весну к давней знакомой. Ей не пришлось копаться в ее рюкзаке. В то утро на Рагнваре, когда Весна отсыпалась в библиотеке, мать предположила, что та бежит в поисках платья на свадьбу. Ада удивилась, думая сколько всего она успела упустить о жизни своей сестры за пару месяцев, как вдруг осознала, что это точно была свадьба не Весны, а кого-то из ее знакомых. Так ей и пришлось в голову таки принудить сестру к общению с окружающими не только по рабочим вопросам. Исключительно из добрых побуждений.

Костюмы на празднество выбирать было некогда и, надеясь на наличие у Аксиньи пары платьев подходящего размера, они направились напрямиком на Дюневир. Остров Дюневир был больше и богаче Рагнвара. Население составляло около шести тысяч жителей. Там были и сложные в своей планировке двухэтажные деревянные дома, и водонапорная башня из листов металла, и даже угрюмые серые каменные башни, где лекари варили зелья, а артефакторы изобретали свои странные механические детища, призванные облегчить жизнь горожанам. Неказистые паукообразные машины размером со среднюю собаку помогали в починке домов, прочистке канализационных путей и доставке грузов по всему острову. Была попытка приспособить их к полевым работам, но там над ними необходим был постоянный контроль, ибо автоматы то проваливались и застревали в земле, то путали сорняки с культурами, то по внезапному зову своих далеких летающих собратьев, защищающих границы острова, сбивались с пути и сваливались с обрыва. Пока местные инженеры бились над попытками отделить магические потоки сухопутных автоматов от летающих, люди предпочли возделывать землю самостоятельно, чтобы не наблюдать жуткое бесцельное копошение механизмов в рыхлой земле.

Здесьние улочки были уже и грязнее улиц Восточных врат, но при этом на порядок уютнее: с балконов вторых этажей свисали плющи комнатных растений, отовсюду слышался радостный гвалт ребятни, играющей в салочки и прятки среди древних металлических бочек и темных закоулков подвальных помещений. Главная площадь города, на которой располагались овощные лавочки, яркие указатели и большая школа, была украшена разноцветными флажками, которые трепал осенний бриз, превращая обычную улицу в красочный водоворот. Город готовился к празднику Осеннего равноденствия.

— Мне по душе эта пестрая масса, — с улыбкой сказала Весна, — вот бы так не только на праздники все украшали.

— А мы и не на праздник украсили, — устало сказал молодой парень, помогающий Весне сложить манаплан, — если правильно помню, флажки и гирлянды еще с прошлогоднего Солнцестояния. Посмотрели — поняли, что красиво, решили не убирать.

— Загляденье!

— Вы на свадьбу Аксиньи прибыли?

— Да, но как вы

— Город небольшой, о любом бракосочетании узнают все. То есть вообще все. За их драмой весь город следил. Аксинья живет ближе к северным полям. Все время идите прямо — не пропустите, дом ее родителей просто утопает в цветах.

Настрой Весны после прибытия сменился с угрюмого на эйфоричный: она с воодушевлением рассматривала дома Дюневира. Строил кто на что горазд: балконы, резные ставни и лесенки располагались в сущем хаосе. Ни один дом не был похож на другой. У каждого стекла был свой, выполненный вручную витраж, потому даже окна были самых разных оттенков в сравнении со строгой голубой гаммой витражей Восточных врат. Весну захватывала подобная исключительная архитектура, придававшая каждому дому уникальность, отражавшую род деятельности жителей или их предпочтения. Крыши домов украшали декоративные навершия в виде голов драконов, былинных змеев, птиц. Больше всего Весне приглянулось кованое навер-

шие на доме кузнеца в виде Бабы Яги в ступе. Сразу было видно: живущий под такой крышей мастер крайне искусен в своем деле.

Постоянно останавливаясь, чтобы рассмотреть очередной архитектурный нюанс, Ада и Весна потратили час, чтобы добраться до дома Аксиньи, до которого можно было дойти минут за пятнадцать, если не отвлекаться на все подряд. Аксинья жила в большом деревянном доме с крупным земляным участком, усаженным фруктовыми деревьями. В отдалении находилась небольшая пасека. Забор украшали яркие разноцветные ленты и облака белых хризантем. Во дворе было шумно, туда-сюда сновали упитанные пеструшки, подгоняемые детворой. Весна неуверенно занесла руку над калиткой, но потом решила просто войти — вряд ли ее стук будет хоть немного слышен среди гомона голосов.

В окружении друзей и родственников стояла Аксинья в ярко-красном льняном сарафане. Весна удивленно присвистнула — с красным красителем было туго, можно было только прикидывать цену ее наряда, но тут она заметила еще и вышивку золотыми нитями и решила прекратить размышления о деньгах. Аксинья оглянулась на ее свист. Она застыла и смотрела на подругу ошарашенно, но потом опомнилась и бегом бросилась к ней с объятиями:

— Я гадала, придешь ли ты! Ты стала такой замкнутой, боялась, что проигнорируешь мое письмо!

Ада удовлетворенно ухмылялась — может, хоть в объятиях Аксиньи скорлупа, в которую заключила себя ее сестра, треснет.

— Ты выглядишь потрясающе, — только и смогла выговорить Весна, — прости, что мы в таком виде, очень торопились.

— И подоспели вовремя! Сегодня у нас ночные посиделки, а завтра с утра подготовка к бракосочетанию. А насчет твоего наряда, — Аксинья отстранилась и придирчиво оглядела дыры в плаще Весны и старые стертые сапоги, — уж для вас у меня найдется подходящая одежда. Пойдем быстрее, примерим!

Аксинья повела их за собой в дом. Там на пороге она скинула кожаные лодочки и босиком понеслась вглубь комнат. Весна и Ада, стараясь не отставать от нее, неуклюже попытались избавиться от своей обуви, хотя обувь Весны, к примеру, специально была подобрана так, чтобы в пути по роковой случайности без нее не остаться, и она потратила добрую минуту на стягивание высоких сапог. Комнаты дома тонули в цветах. По местным обычаям показать величину своей любви жених мог цветами, которыми одаривал невесту. И любил он ее, видеть, очень сильно, даже с избытком. Пришлось аккуратно пробираться по дому, чтобы не перевернуть какую-нибудь вазу, чашку или ведро, в которых стояли букеты.

— Много, правда? — Аксинья пыталась придать голосу живости, но от слуха Весны не ускользнула нотка тревоги в ее словах, — у нас даже кружек в доме не осталось, а вы еще не видели, что творится в летнем домике.

— Стоит ли нам взять это, — Ада в никуда махнула рукой и все равно показала на цветы, — за пример выражения истинной любви? Ты знаешь, мы в этом почти несведущи.

— Не думаю, — мрачно сказала Аксинья, и тут же сменила тон на восторженный — это совсем не важно, если вы любите друг друга! Ну же, идите сюда, у меня есть пара красивущих сарафанов. Весна, ты примерь этот, желтый. Ада

— Может есть что-то черное? — с надеждой спросила Ада, но осеклась, увидев насупленный взгляд Аксиньи. — Ну, пойдет и цветное.

— Этот зеленый шикарно пойдет твоим черным волосам, будешь выглядеть очень загадочно. Давно ты красишь волосы? Не помню, чтобы мы с Весной об этом говорили.

— Да уж лет семь как, зато нас с сестрой теперь можно отличить без труда.

— У меня никогда не было с этим проблем, — пожалала плечами Аксинья, — по мне так вы вообще друг на друга не похожи, хоть и близняшки.

Аксинья не лукавила. Она никогда не путала сестер даже в детстве, словно чуяла, кто из них есть кто. Как-то Ада попыталась обмануть ее, прикинувшись сестрой, но та быстро все поняла. «У тебя мертвые глаза, Ада, ты никогда не будешь похожа на Весну», — сказала тогда Аксинья. После этого Ада начала ее избегать. Ей было жутко от того, насколько хорошо Аксинья видит ее насквозь.

— Но как тебе это удастся? Кроме тебя, пожалуй, никто так не может. Даже мама нас путала.

— Видишь ли, — задумчиво сказала Аксинья, — Ада пыталась отыграть твои эмоции, но это именно что игра, причем не особо искусная: то она при плаче веки не подожмет, то брови не приподнимет. Дело в мелочах, на которые мало кто обращает внимания, так как и не присматриваются. А я с детства хотела быть актрисой, — с придыханием сказала она, — поэтому всегда обращала внимание на тонкости проявления эмоций. Ты знала, что разные люди плачут и смеются очень по-разному? Вот и у Весны свой, особенный плач и смех.

— Ты сейчас выступаешь в театре отца? — не подумав, спросила Весна.

Аксинья выглядела оскорбленной:

— Ты же не намекаешь на то, что я главная актриса только потому, что мой отец — владелец театра?

— Я не — испуганно промямлила Весна.

— Я шучу, Весна, — заливисто рассмеялась Аксинья, — но по правде говоря, многие так думают. А потом смотрят на меня в деле и понимают, что фокус совсем не во влиянии отца. Просто так получилось, что нам интересно одно и то же. Не театр — так отец бы мне и место в Академии купил, и в Охотниках, и везде, где захочу. Но я хотела все сделать сама. Помнишь, я писала тебе, как убежала из дома? Тогда я примкнула к труппе артистов в Восточных воротах. Но, пожалуй, была слишком хороша. Отец сказал, что ему наперебой про меня рассказывали. Он решил взять к себе в театр юную актрису, а это — я. Вот смеху было! Примерно пару минут, пока он меня не выпорол.

— Ты это заслужила, — кивнула Весна.

— Зато у отца сразу отпало предубеждение, что это просто моя блажь. Он очень беспокоился, что меня будут считать просто папенькиной дочуркой, которой все просто так досталось. Но этот опыт прославил меня до того, как я появилась в театре отца. Все к лучшему, но ягодицы до сих пор жжет, когда я об этом вспоминаю.

Переодев сестер, Аксинья подпоясала их перевязью и наказала оценить ее старания. Промямлив что-то в положительном ключе и поблагодарив хозяйку за радушие, они поспешили перевести тему:

— А чем занимается твой жених?

— Да какие-то дела в торговле. Он на все горазд. Недавно бесился из-за одного из своих партнеров. Он перестал выходить на связь, все поставки заморозили, пытался писать письма в Цитадель, но бестолку. Вроде как расследование идет. Умер он или пропал — не знаю, мне это не очень интересно. Было бы — спросила у вас. Но мне это ни к чему.

Весна бросила быстрый взгляд на Аду, та выглядела довольной. Знала ли она заранее о том, на чье торжество они идут или это все просто удачное совпадение? В любом случае с женихом им еще нужно было познакомиться, а на пьяном застолье выведать нужную информацию будет всяко проще, чем если вломиться к нему домой с ордером наперевес.

— Итак, — хлопнула в ладоши Аксинья, — вечером мы соберемся с девчонками и будем гадать. Вы же знаете эти обряды с белой сорочкой и зеркальными коридорами?

— Знаем, — неуверенно сказала Весна: ей показалось, что Аксинья так же быстро пыталась увести разговор в сторону от жениха, как и они с Адой от платьев, — но не думали, что ты веришь в подобное.

— Да при чем тут вера? — с театральной раздраженностью ответила Акси́нья. — Это дурацкие увеселительные мероприятия. Я их вижу просто как возможность поболтать, но не отрицаю эту их «мистическую атмосферу». Представь: тьма, свечи и ты вглядываешься в бесконечный коридор из зеркал. Что бы ты там не нафантазировала, это будет очень волнующе. Благодаря нашей бабке я много что знаю об обрядах, но золотым кольцом по щеке водить отказываюсь. Нет в этом действе интриги.

— Что планируешь кроме зеркал?

— Можно маятником на детей погадать, воск в воду повыливать — да что душе будет угодно, строгого плана у меня нет. Но в начале — баня!

— О, нет, — обреченно сказала Весна.

— О, да! — закричали девушки.

Ближе к вечеру во дворе дома начали собираться гости. Ожидаемо, что у яркой и общительной Акси́ньи было немало подруг. Высокую блондинку по имени Роза привели ее родители, что выглядело несколько излишним с их стороны. Отец ее, светловолосый мужчина с густыми усами, выглядел насупленным и недовольным. Девушки обсуждали недавнее падение трех охранных автоматов, неурожай тыквы и безумные цены на ткани.

— Шелка по тем же ценам нам точно уже не видать. Эй, Акс, твой суженый-ряженный ничего не говорил? Чтобы цены вмиг так подскочили, неслыханно!

— Да вроде его крупнейший партнер по шелку перестал выходить на связь. Будет вам, будто всей одежды разом лишились.

— Брат разберется с этим недоразумением, — елейным голосом сказала маленькая кудрявая девушка, надевающая на голову Акси́ньи венок из красных роз, — а вам бы язык за зубами держать, что за пренебрежительный тон в сторону жениха?

Девушки смерили ее презрительным взглядом. Кудрявая была ростом от горшка два вершка, и, судя по всему, вряд ли могла ожидать большего. Лицо у нее было холодное, с острыми чертами. Несмотря на тон голоса и улыбку, в глазах у нее была одна лишь злоба, даже в сторону Акси́ньи, которая, поджав губы, поправляла на макушке венок.

— О, Матильда, ты пойдешь с нами в баню? — спросила одна из девушек, алчно глядя на нее, остальные сдавленно засмеялись, прикрывая рты рукой.

— Нет, Роза, — отчеканила Матильда, — я буду занята подготовкой к свадьбе до самого рассвета, ради всех вас.

Она раздраженно вышла и с силой захлопнула за собой калитку.

— Акси́нья, а что у вас с Матильдой? — спросила Весна, глядя на расстроенную подругу.

— Очень крепкая взаимная любовь Ай! — она отдернула от венка палец, на котором выступила кровь.

— Вот змея! — рассердилась Роза, забирая венок и осматривая его, — она не срезала шипы! Ну и ладно, я считаю, красный тебя съедает, Акс, бери лучше мой с васильками, а этот я возьму себе.

— Ненавижу красный, — удрученно ответила Акси́нья, посасывая ранку на пальце.

— И давай веселей! Подумаешь, змея цапнула. Она так убога, что от ее яда разве что зевать тянет.

Девушки одобрительно засмеялись и бросились обнимать невесту. Весна же подумала, что дело тут не только в Матильде. Подруги действительно пренебрежительно говорили о женихе Акси́ньи, а та и не торопилась их поправлять. Еще больше траурных мазков в эту картину добавляла ее реакция на расспросы о нем ранее.

— И почему тогда она запретила мне надеть черное? — сказала Ада.

— Вдруг мы ошибаемся? Может, просто волнуется перед свадьбой? — с надеждой ответила Весна.

Ада с сомнением покачала головой. Пытаясь поскорее выдернуть Аксинью из печальных мыслей, подруги потянули ее в сторону бани. Там они травили пошлые байки и хватали друг друга за выпуклости. Те, кого природа одарила сильнее, жаловались, как же тяжело им с их выдающимися параметрами, другие закатывали глаза и причитали, мол, «холопам баринов не понять». Весна в кои-то веки чувствовала себя спокойно и расслабленно. От Розы веяло особенной атмосферой старшей сестры. Она проявляла заботу о невесте, всячески веселя ее анекдотами, подслушанными в кабаке. Только ее синяки вызывали странное чувство беспокойства, уж слишком их было много на ее теле, ногти были грязные, ломкие, видимо от работы в поле. Мира, с виду стеснительная, но на деле знавшая о роли жены поболее, чем все остальные, рассуждала, что муж-торговец это загляденье, ведь он редко бывает дома, и жизнь Аксиньи не так уж круто изменится. Лина и ее сестры заливисто смеялись и по-доброму подтрунивали над невестой, стараясь перевести ее беспокойство в шутку.

— Почему ты выходишь за него замуж? — не выдержала Весна.

В бане резко стало тихо. Первой заговорила Роза:

— Потому что ее отец последняя

— Спасибо, Роза, — остановила ее Аксинья, — я расскажу ей сама. В общем, я рассказывала тебе о моем побеге. Кажется, отец все же крепко на меня обиделся. А может он считает, что делает это ради моего блага. Не знаю, я не спрашивала. По его лицу мало что можно сказать. Ты ж помнишь, он у меня такой, все в себе держит. Пару раз я попробовала сказать, что я не очень рада происходящему. Ну так, как я умею — с криками, кулаками и битой посудой. Но не похоже, что это его впечатлило. Пробовала поговорить с женихом, — она закатила глаза, — он был крайне воодушевлен. Ему я тоже показала свое неодобрение, но он только в ладоши похлопал. Чувствовала себя словно цирковая собачка, выполняющая команды. Потом на меня надела мама, а потом его мачеха. Все уговаривали, чуть ли не умоляли. Ну, я решила, что все бестолку.

— В прошлый раз ты убежала из дома, — сказала Ада.

— В этот тоже. И не единожды. Эта история уже лет пять тянется. Мне кажется как раз после второго побега меня начали одевать в красное, чтобы издали видно было. В общем, известность вышла мне боком, меня очень быстро находили и приводили домой. А сейчас я уже устала убегать. Пусть будет мне хоть мужем, хоть братом, хоть отцом. Мне уже все равно. Тут становится очень жарко, давайте выходить.

Омывшись и переодевшись в белые сорочки, они молчаливой толпой пошли в дом. Аксинья отлучилась в комнату, чтобы взять спички, но пожалуй, искала она их довольно долго.

— Вот надо было вам это ворочать? — раздраженно сказала Мира.

— Как будто если об этом не говорить, все решится само по себе, — ядовито ответила Ада.

Весна чувствовала себя сконфуженно и больше молчала. Роза принесла с кухни пузатый бочонок медовухи производства отца Аксиньи. Девушки повыкидывали букеты из кружек и начали наполнять их напитком, передавая по кругу, не забыв налить и Аксинье, которая как раз вошла в темный зал.

— А вы времени зря не теряете, — воодушевленно сказала она, глядя на расстроенные лица подруг, попивающих медовуху из грязных кружек, — не могу смотреть на ваши кислые рожи. Тащите зеркала, сейчас будем бояться!

Девушки немного повеселели, расставляя зеркала и зажигая все найденные в доме свечи. Родители Аксиньи были в гостях, специально чтобы дать дочери простор для посиделок с подругами. Словно опасались видеть и слышать, как будет буйствовать дочь перед неминуемой свадьбой. Лишь бы на самом торжестве вела себя достойно будущей супруги.

Первой перед зеркальным коридором села Мира. Как она сама выразилась «для проверки магических настроек», ведь ее суженый всем прекрасно был известен. За ней пошла Аксинья.

Чуть ли не нависая грудью над свечами, она скорчила лицо полное сосредоточенности, а потом сарказмом отметила, что видит целое «ничего», чему более чем рада. Следом пошла Роза. Она была взволнована, если не сказать напугана. С трудом она заставила себя открыть глаза и посмотреть в зеркальный коридор. Она долго напряженно всматривалась, колеблющееся пламя свечей плясало в ее глазах. С минуту она сидела без движения, как вдруг вскрикнула и все свечи в комнате в один момент погасли. Девушки пребывали в замороженном молчании. Как вдруг Аксинья начала смеяться:

— Простите, это мой маленький сюрприз, — она вытирала слезы. — Но ваша реакция это просто нечто.

Внезапно Роза встала и пошла к выходу.

— Роза! Ты чего? Роза!

— Я скоро приду. Хочу подышать. Одна, — сдавленным голосом ответила девушка.

Подруги молча наблюдали за уходящей Розой. Похоже она была девушкой впечатлительной и пугливой, хоть внешне подобного впечатления не создавала. Весна отметила, что испугалась Роза несколько раньше, чем Аксинья сотворила свою шалость. Может, она все же что-то увидела

— Извините, я не думала, что так получится, — растерянно сказала Аксинья, — вы все в порядке?

— Да никаких проблем, — пожала плечами Мира.

— Мне понравилось! — радостно сказала Ада. — Давайте еще!

Девушки согласно загалдели. Аксинья чиркнула спичкой и зажгла свечу.

В трепещущем золотистом свете на ее груди расплзлось ярко-алое пятно.

С улицы послышался истошный крик Розы.

VII. Горько!

Весна не понимала, за что ей хвататься. Она переводила взгляд с испуганных лиц девушек на красное пятно на груди Аксины. Ада же, ни секунды не колеблясь, бросилась к двери во двор. Пospешившая за ней Весна услышала лишь негромкое ругательство сестры.

В тусклом мерцающем свете одинокого магического фонаря лежало бездыханное тело Розы с огромной раной на животе, белая сорочка медленно адела от крови. В ее мертвых глазах отражалось звездное небо. В руке она сжимала венчик из красных роз.

— Не подходите! — крикнула Ада спеша к порогу девушкам.

Окинув тело Розы быстрым взглядом, Мира зажала рот руками и тут же вернулась обратно в комнату, преграждая путь Лине и ее сестрам. Вместе они попытались удержать и Аксины, но та, пригнувшись, пробежала под их расставленными руками. Весна ухватила ее за подол, пока она случайно не подпортила оставшиеся улики. Аксины не плакала. На ее лице застыла маска отрешенности. Весна почувствовала, как она обмякает в ее руках и, оставив осмотр тела Розы сестре, повела невесту в дом.

«Это все из-за меня», — причитала Аксины, пока Весна укладывала ее на кровать.

— При чем тут ты? — раздраженно сказала она, протягивая ей кружку с медовухой, которую услужливо подала Мира.

— Из-за меня она выбежала. Я ее напугала. Знаешь, ей вечно что-то чудится, чего другие не видят, а тут еще — она всхлинула. — На ней был мой венчик

— Ты предполагаешь, что убить собирались тебя?

— Только я была в красном И его мне сделала Матильда Гребанная дрянью! — прокричала Аксины.

— Подожди, мы еще ничего не знаем, чтобы раскидываться обвинениями.

— А кто еще мог желать мне смерти?!

— Я все еще не уверена, что хотели убить тебя.

— А как же! — в слезах прокричала Аксины. — Эта тварь изводит меня с самой помолвки. Видите ли, ее братцу не по статусу жениться на сраной актрисулке! Я почти уверена, что она ублажает себя, думая о нем, так она над ним трясется!

— Подожди, Акс, сначала скажи, что произошло с тобой? Что это за пятно?

— Я хотела, — с трудом хватая воздух, говорила она, — хотела повернуть трюк. Это такая примета: если сорочка в ночь перед свадьбой у сердца заалеет, то свадьбе не бывать. Думала выбежать на улицу, чтобы бабки меня увидели и пустили слух.

— Ты слишком взяла вправо, — облегченно выдохнула Весна.

— Уж как вышло. Я всю грудь обмазала бутафорской кровью из театра. Она при контакте с водой краснеет.

— Так вот для чего ты всем телом нависала над свечами. Чтобы вспотеть?

— Да. Потом магией задула свечи. Думала, пока буду вновь зажигать, обращу на себя внимание. Ну а дальше, — она устало откинулась на подушку, кружка выпала из ослабевшей руки, — ты знаешь

Возникшую тишину разорвал крик Ады, зовущей к себе Весну.

— Иди, — сдавленно сказала Аксины, уткнувшись в подушку лицом, — девочки сидят со мной, не переживай. Найдите убийцу и приведите его ко мне! — она с силой сжала подушку руками. — Он горько пожалеет о своей ошибке.

Весна вышла, остановившись на пороге. Ада держала руну Сигел, вокруг магического шара света порхали ночные мотыльки. Она сосредоточенно рассматривала землю вокруг Розы.

— Как Аксины? — безэмоционально спросила Ада.

— В истерике, как и полагается.

— Хорошо — медленно протянула Ада и тут же себя поправила. — То есть плохо. Ну да черт с ним, глянь сюда.

Весна подошла ближе и склонилась над землей. Недалеко от головы Розы шла цепочка отпечатков, испачканных в крови.

— Следы копыт? — удивленно сказала Веснушка. — Только какие-то маленькие.

— И раздвоенные. Дело закрыто.

— Так сразу?

— Да, — серьезно ответила Ада, — ее забодала коза.

— Говори тише, твой юмор не для широкого круга слушателей, — шикнула на нее Весна. — Странные следы, будто ноги не четыре, а всего две.

— Держи стрекозу, наболтай для моих краткую сводку, пускай дуют сюда — надо найти эти двуногую козу.

— Где ты ее прятала? — с сомнением спросила Весна, двумя пальцами забирая у сестры механическую стрекозу.

— Известное дело где, не могла же я дать ей перегреться в бане.

Веснушка закатила глаза. Сомнительным чувством юмора она была во многом обязана своей сестре, но именно этот навык и позволял ей сохранять хладнокровие в ситуациях вроде этой. Она старалась отключиться от образа милой и забавной Розы и смотреть на ее остывающее тело просто как на объект. На мраморно-белой коже еще более явно проступили синяки различной степени давности, самые свежие находились на тонких запястьях девушки. Быстро наговорив всю необходимую информацию, она наплатила стрекозу маной и выпустила в ночное небо. Ее голубой огонек, блеснув, исчез в темноте.

— А теперь пошли. Надо брать след, пока теплый.

— Серьезно? — спросила Весна. — Ты хочешь оставить ее просто вот тут?

— Боишься, что она сбежит?

— Нет, я имею в виду — Весна пыталась на языке Ады объяснить, что так не принято у нормальных людей: в доме еще остались скорбящие девушки, и надо хотя бы накрыть тело Розы чем-нибудь, но быстро пришла к выводу, что ее сестра даже с подробными разъяснениями не разделит ее тревогу. — Иди вперед, я тут немного «приберусь».

Ада кивнула и, увлеченно осматривая землю, двинулась по следу. Весна вернулась в комнату Аксиньи и молча позаимствовала из шкафа простыню. Не вдаваясь в подробности, она пояснила, что им с сестрой нужно временно отлучиться, и попросила девушек не покидать дом, а лучше после ее ухода запереться в комнате и как-то дистанционно сообщить родителям о произошедшем. Выйдя на улицу, она села перед мертвой девушкой и нежно прикрыла ее пустые глаза. Белая простынь, которой она накрыла тело, тут же пропиталась кровью. Беспокоясь, что венюк может быть чем-то вроде маяка, Весна решила забрать его с собой и сквозь высокую траву в легкой белой сорочке помчалась за удаляющимся огоньком света.

— Собираешься ловить преступника на живца? — игриво спросила сестра, глядя на венюк в руках Весны. — Брось. Роза и Аксинья даже в кромешной тьме отличаются, а на пороге даже без Сигела все видно. Разве что убийца — слепая двуногая коза.

— Образ преступника прямо таки обрастает подробностями, — хмыкнула Веснушка, — но если венюк лишь метка, исполнителем мог стать кто угодно.

— Думаешь, убийца простой исполнитель? Вот черт

Следы обрывались у неширокой речки, на противоположном берегу которой начинался лес. Они долго прочесывали его, пытаясь найти хоть какой-нибудь отпечаток, но тщетно. Преступник ушел по воде и неизвестно, где мог быть, учитывая, что эта искусственная река огибала весь город. Проще найти иголку в стоге сена в кромешной тьме.

Занимался рассвет. У дома толпился народ, но тишина стояла такая, что слышен был стрекот сверчков и сдавленные рыдания. Около тела Розы, упав на колени, плакала ее мать,

нежно поглаживая лицо дочери. Ее отец был рядом, неподвижный как каменное изваяние. Неравнодушные соседи стояли в отдалении, не издавая ни звука. Недалеко от входа Весна заметила Матильду с красными следами на щеке. Та стояла, нахмурившись, и невидящим взглядом смотрела в сторону, как будто боясь посмотреть на Розу.

Из дверей дома показался крепкий мужчина. Он окинул толпу зевак холодным взглядом и в приказном тоне велел всем расходиться и не мешать родительскому горю. Заметив Весну, он поманил ее к себе, пока остальные, перешептываясь, двинулись на выход. Она услышала, как старая сударыня причитает: «А с Аксиньей мне поговорить не дали, я только мельком глянула — сорочка-то у нее в крови!». Весна раздраженно скрипнула зубами — жди теперь досужих сплетен.

Она подошла к мужчине, и тот протянул ей широкую руку. Весна несколько смущенно пожала ее. Ада повторила за ней.

— Аксинья сказала, что вы из охотников, — пробасил он. Краем глаза Весна увидела, как отец Розы резко повернулся к ней. — Что вам известно?

— Все мы находились в зале, когда Роза вышла на улицу. Буквально через мгновение мы услышали ее крик, — сказала Ада.

— Хоть тень негодяя видели?

— Нет, но группа из Цитадели уже движется сюда. Мы начнем с утра

— Я бы предпочел не афишировать произошедшее.

Несчастливая мать Розы подняла на него ошарашенный взгляд:

— Сева! Что ты, черт возьми, себе позволяешь! Мою дочь убили! Что значит не афишировать?!

— Ты сама знаешь, чем занималась Роза. Хочешь вынести сор из избы? Валяй, мешать не стану.

Молчаливый отец Розы, красный до кончиков ушей, потупил взгляд и посмотрел на жену, которая с новой силой залилась рыданиями. Ада с трудом сдерживала улыбку — ситуация набирала обороты и ей очень хотелось погрузиться в нее еще глубже. Заверив Всеволода, что они сейчас же пошлют сообщение группе об отмене операции, она потянула Весну вглубь дома подальше от любопытных глаз.

— Ада, прошу тебя, сыграй ужас и печаль, а то у тебя скоро лицо треснет.

— Нет, ну ты послушай! — она возбужденно потирала руки. — Тут не просто двойное дно! Мы должны залезть в каждую щелку, но узнать максимум. Группа увальней нам только помешает. Во всяком случае, пока мы будем собирать доказательства.

— Я не против тебе помочь, но только если ты сотрешь эту плотоядную ухмылку со своего лица.

— Хорошо. Давай для начала сменим наряды на более внушающие и допросим свидетелей. Тебе — самое сладкое. Допроси девочек, пока я занимаюсь родителями. Подружки лучше всех знают грязные секретки друг друга.

— Она торговала своим телом, — не увиливая, сказала Аксинья.

— Ксюша, как ты можешь?! — зашипела Мира.

— Что уж теперь, — шмыгая носом, ответила она, — если это поможет найти убийцу, я готова рассказать все, что знаю.

— Давно она начала этим заниматься?

— Два года как. Мы всячески пытались ее укрыть, но она часто действовала необдуманно. С каждым днем скрывать это становилось все сложнее. Тогда мой жених пришел к моему отцу и все ему вывалил. Глупая

— Она пыталась увести у тебя жениха?

— Да, — Аксинья опять начала плакать, — думала меня так спасти. Переспать с ним, а потом опозорить на весь город, чтобы расстроить свадьбу. Она была всем для меня. Готова

была даже на такое. Но он не поддался. Мой отец рассказал все ее родителям. Те заперли ее на несколько месяцев в комнате под магическим барьером. У нее было лишь маленькое отверстие, в которое ей еду просовывали. Через него мы общались, пока ее отец и мать были в полях. Иногда они, видимо, таскали ее с собой и прятали, потому что иногда я ее неделями не могла отыскать. Перед свадьбой мать смягчилась и упростила отца отпустить ее ко мне повидаться.

— А синяки на ее теле?

— Ее отец всегда был странным. Говорил, что не знает «как иначе до нее достучаться». Она у них одна была, должна была продолжить семейное дело, но ей хотелось другой жизни. Она мечтала сбежать, но всегда говорила, что трусливее меня и сначала хочет накопить на жизнь.

— Как же об этом не узнали раньше? Ваш остров очень мал.

— Ты же не думаешь, что она делала это здесь? — горько рассмеялась Акси́нья. — Она вылетала за пределы, как можно дальше, но так чтобы не было слишком заметно, что она долго отсутствует. Вешала родителям лапшу на уши, что нашла работу недалеко, пробует себя в торговле. Они вроде верили, думали, что она вдохновилась моим примером.

— Значит, — заключила Весна, — на острове о том, что она делает, знала ты, твой отец, ее родители и твой жених. Мог ли он рассказать кому-то еще? Кто был бы недоволен отказом с ее стороны.

— Нет, — покачала головой Акси́нья, — он испытывал стыд, что у меня «такая подруга» и не желал распространять эту информацию, чтобы не бросить на меня тень.

— Я оставлю венок Розы здесь, мы его проверили, никаких маячков. К слову, как зовут твоего жениха? Вроде никто ни разу не называл его по имени.

— Его зовут Линь Бэнь. Он прибудет сегодня со своей семьей. Но, кажется, свадьбу придется отложить. Плохо, что это меня совсем не радует. Лучше бы это был обычный день

— Жених у нее из далеких далей, — удивленно сказала Ада, возвращаясь в гостинную после беседы. — Что до информации от родителей — никаких угроз Розе ранее не поступало. Досюда они довели ее сами, слезки не видели или не признали. Но отец у нее интересный, если не сказать грубее. Его любовь к дочери странная: он настолько сильно желал ей счастья в жизни, что готов был замучить до смерти. Однако во время убийства они выпивали вместе с родителями Акси́ньи.

— А что насчет Матильды? Она совсем не походит на азиатку. Как они связаны?

— Его отец повторно женился на матери Матильды. Она как раз родом отсюда. Бэнь любил бывать здесь и однажды встретил Акси́нью. Сейчас он не здесь, но осталась его сестра, чтобы помогать со свадьбой. Сам он готовил будущей жене сюрприз — подбирал семейное гнездышко вместе со своими родителями. Вряд ли мог разболтать о деяниях Розы кому-нибудь, так как редко тут бывал и после помолвки останавливался в доме Акси́ньи. Роза подловила его после одного из ее выступлений в театре. Все остальное время он проводил подле невесты.

— Может ли Матильда оказаться убийцей?

— Не знаю — задумчиво ответила Ада. — С ее слов она все время пробыла в доме своей семьи и просто спала. Но что действительно важно — у нее нет копыт.

— Ада, мы не знаем насколько свежие то были следы. Мало ли какая овца шаталась по двору днем.

— Не овца, а коза. Тогда странно, что ее угораздило уже днем вступить в кровь, которой там в помине не было.

— Мы действительно ищем козу?

— Или черта, или вопления, или, на худой конец, хульдру. Думай шире.

— Думаешь, тут водятся бестии? Они не шибко предпочитают столь многолюдные поселения.

— Мы еще не прошаривали лес, тут он довольно густой. Но, чтобы сузить круг поисков, предлагаю узнать в каких местах нашли поврежденных автоматов, о которых днем говорили подруги Ксюши.

По пути к башне инженеров-артефакторов сестры прислушивались к людским спорам:

— Говорю тебе, они с Розой не разлей вода были!

— Да вот только мой деверь видел, как она после спектакля приставала к жениху Аксиньи.

— Твой деверь дальше своего носа не видит, он ж слепой как крот!

— Да не тот, другой!

— Да вы послушайте, люди! Бабка Машка говорит, что видела кровь на сорочке Аксиньи!

— А что если она увидела мертвую подругу и бросилась к ней, потому и испачкалась?

— Подругу, которая у нее жениха уводила?

— Да откуда ты эту дурь взяла, окаянная?!

— Вот дерьмо, Ада, — прошептала Весна, — надо нам поторопиться, а то они начнут дом Аксиньи штурмом брать.

— М-да, нет страшнее бестии, чем распаленная домыслами толпа.

Башня высилась над двухэтажными домами, сине-серыми витражами глядя на город. Окна у нее были почти под самым верхом. В остальном это было цилиндрическое строение со старой крошащейся каменной кладкой. Судя по всему, город вырос как раз вокруг башни. Еще около сотни лет назад в таких восседали алхимики, с детства владевшие магией и не имеющие никаких ограничений в ее развитии. В подвалах своих жутких башен они проводили жестокие эксперименты над животными и пленными людьми. А потом поднимались в кабинеты под самой крышей и там, низко склонившись над бумагой, рисовали мудреные схемы. Раньше магическое знание возникало как бы случайно, из-за того что никто не мог разгадать, как люди овладевают им. Позже был найден самый результативный рецепт обретения сил, и незадолго после рождения Весны обучение стало повсеместным. Однако с распространением магии алхимиков начали уничтожать собственные разъяренные соседи.

Ада и Весна отворили дверь и устало глянули на ступени крупной спиральной лестницы, обвивающей внутреннюю широкую колонну. Весна пообещала себе, что при первой же возможности от души отоспится и хорошенько поест. Скрепя сердце они начали восхождение. До верха они доползли с колотьем в боку, но без остановок. На них удивленно воззрился единственный сидящий там инженер. Он лишь успел открыть рот, как Ада начала говорить, боясь, что он начнет их заваливать глупыми вопросами:

— Капитан девятого отряда охотников, — она выставила вперед браслет с королевской эмблемой.

— Чем могу служить? — неуверенно спросил инженер.

— Не так давно вы столкнулись с повреждением охранных автоматов. Приказываю указать нам все места, в которых вы сталкивались с неполадками.

— Место всего одно.

Инженер подошел к дальнему столу и активировал его знаком Сигел, на зеркальной поверхности выросла уменьшенная копия острова. Он делал пассы пальцами в воздухе — и над островом появлялись цветные точки, видимо, указывающие положение автоматов. Инженер указал на противоположную от найденных следов копыт сторону острова с мельницей и негустым лесом:

— Сигналы всех трех автоматов пропали в этой части, их части сейчас ищут мои коллеги.

— Боюсь, сейчас мы вынуждены приказать Вашим коллегам свернуть операцию и вернуться.

— В таком случае, — он смущенно потер шею, — ничего особенного делать не придется. Они со сранья ломанулись узнавать подробности об убийстве Розы. Мне это ни к чему. Тем более я ожидал, что нагрянут охотники и заинтересуются пропавшими автоматами.

— Благодарим за информацию, — Ада пошла в сторону лестницы.

— Постойте!

— Уважаемый, мы торопимся.

— Так на лифте же будет быстрее.

— Лифт Конечно у чертовых инженеров есть чертов лифт, — насупившись сказала Ада, выходя из лифта, встроенного в широкую колонну.

— Давай воспринимать это как утреннюю зарядку.

— В таком случае нам сейчас предстоит бодрящая разминочная пробежка.

Остров был не так уж велик, потому до нужного места они добрались довольно быстро, стараясь лишний раз не греть уши на площади. Толпа росла, а ее настроение становилось все возбужденнее. Когда сестры подходили к мельнице, увидели плывущего среди облаков огромного красного змея. Видимо, прибыла семья Линь. Стоило еще более ускориться. Прошаривая землю, укрытую опавшей листвой, они отыскивали двух из трех автоматов. Над ними крепко поиздевались, с особой жестокостью раздробив схемы, по которым текла мана. Третьего же нигде не было. Двери мельницы были заперты на допотопный замок, отчего Весна ощутила дежавю, без особого труда вскрыв его. Ада же считала, что проще развалить эту ржавую рухлядь, чтобы не позорила чудесный магический мир. В таком случае можно было следом снести и всю мельницу. Судя по всему, ее давно забросили, ибо работала она по-старинке — от ветра. Нынешние мельницы в природной помощи не нуждались. Внутри вокруг каменных жерновов насыпью были свалены старые трухлявые ящики, мешки из-под муки и зерна, деревянные ведра. Пол — застелен брезентом, менее пыльным, чем остальной мусор на мельнице. Сдернув его, сестры увидели знак, нарисованный мелом, вокруг валялись колосья пшеницы и тонкие светлые волоски. Тут же был и последний пропавший автомат с одной отсутствующей конечностью.

— Да-а-а — протянула Ада. — Дела-а-а.

— Это что? — удивленно спросила Весна. — Что-то вроде круга призыва? Разве ж они рабочие?

— Видишь ли, Весна, — серьезно сказала Ада, — такая штука не то что порицаема, а полностью незаконна.

— То есть, они работают?

— Это секретная информация.

— Вот дерьмо, Ада, я теперь вообще спать перестану.

— Сведения о них уже двести лет пытаются вымарать отовсюду, откуда можно. Слишком уж нестабильная эта штука. Первые бестии как раз из таких и появлялись. И их столько наплодили, для различных — не самых законных — целей, что правительство решило круги призыва запретить. Читай — уничтожить любые упоминания. Тем более, что никто до конца не знает *откуда* все эти бестии призывались. Хватит с нас и случайных мутаций под воздействием источников маны и чертовых селекционеров, выводящих тварей различной степени опасности.

— Ну, видимо, подход с уничтожением информации работает как часы.

— Работает. В архивах Цитадели можно найти градацию по делам, связанным с призывом тварей. Вот только люди ужасно любопытны: скроешь от них способ создания оружия — они раз за разом будут случайно изобретать его вновь, — она раздраженно выдохнула, — было бы нас побольше — устроили бы слезку за мельницей. Очевидно, делец собирался сюда вернуться, чтобы попробовать вернуть бестию. а с ней и все важнейшие улики обратно. Вот только что-то пошло не так: весь город переполошился, инженеры с утра собирались искать автоматов

— И на свадьбу вдруг оказалась приглашена охотница.

— Думаешь, это стало сюрпризом?

— Да, ведь тебя никто не приглашал. Это я попросила тебя пойти со мной.

— Ты права, — кивнула Ада, — Аксинья не присылала мне приглашение. Видимо, все еще считала меня жестокой младшей сестрой, с которой ты, возможно, перестала общаться из-за всего, что я натворила.

— Вызов бестии сопряжен с опасностями? Можно ли получить травму?

— Думаю, да, — неуверенно сказала Ада, — а что?

— Ночью после убийства я видела на щеке Матильды царапины или что-то похожее.

Сейчас она скорее всего вместе с семьей в доме Аксиньи.

Оставив мельницу незапертой, они поспешили к дому. Возле него уже вновь толпились зеваки, требовавшие ответов. Всеволод выглядел непреклонным, но уже изрядно уставшим:

— Я вам уже все сказал. Свадьба откладывается. Не могу сказать, как надолго. Ничего по поводу своей дочери я вам говорить не намерен, пока охотники не окончат расследование. А теперь расходитесь, пока я вас силой не заставил.

Возмущенные горожане начали неохотно расходиться. Остались лишь дети, удивленно рассматривающие механического красного змея с длинными усами, золотистый хвост которого уходил далеко за дом Аксиньи. Цветы и ленты с забора были уже наспех сорваны, видимо, самим Всеволодом. Заметив сестер, он смерил их долгим холодным взглядом:

— Они считают, что моя дочь убийца. Почему ее сорочка перемазана театральной кровью? На мои расспросы она отвечать отказалась.

— Думаю, ее шалость сейчас уже не имеет значения, — ответила Весна, пытаясь унять волнение.

— А то, что из-за своей глупости она опозорила всю семью, имеет?

— Она ведь не раз пыталась сорвать свадьбу. Пять лет она все никак не может с этим смириться.

— Так вот что она вам наплела — Всеволод устало выдохнул. — Изначально это она настаивала на замужестве с Линь Бэнем. Я, если честно, был не особо рад ее выбору. Казалось, это была очередная мимолетная прихоть. Она хотела вырваться из под моей опеки, потому решила, что замужество — самый простой для этого способ. Какие потрясающие спектакли она мне устраивала, лучше бы с таким же рвением работала в театре. Бэнь оказался неплохим парнем, и через три года я сдался. Вот тут она резко переменила свое мнение. И показывала свою неприязнь к нему она очень артистично. Признаюсь, я понятия не имею, что творилось в ее голове. Я просто устал. Она всегда была такой. Что бы я не решил, — она неминуемо начинала желать обратного. В итоге с ее карьерой актрисы я малость схитрил, притворившись, что не желаю ей такой судьбы. Зато хоть тут наши хотелки сошлись. В общих чертах.

— То есть, поначалу она настаивала на замужестве, а после вашего согласия резко стала против?

— Не сразу. Вначале она обрадовалась, но минуло не больше месяца, как она начала устраивать показательные истерики. Потом эта история с ее подружкой Хотите попробовать узнать правду — спросите ее лично. Однако будьте готовы к тому, что лгать для нее — все равно, что дышать.

— Мы поговорим с Аксиньей, но для начала — где сейчас Матильда?

— Матильда? — удивленно спросил Всеволод. — Она в доме, с семьей. Зачем она вам?

— Есть подозрения, что она занималась запрещенным видом магии — призывом бестии, — сказала Ада.

— Что ж, это вполне ожидаемо, но Матильда никогда не хотела зла Аксинье или ее подругам. Просто она так же не смогла их понять, когда их мнение о Линь Бэне резко переменилось. Еще и сама Матильда попала под огонь. Над ней и так в детстве издевались, а тут в мгновение

она окунулась в давно забытую боль. Я знаю про венки, — голос Всеволода становился все тише, — она сама мне призналась. Да, остра на язык, но в целом Матильда ласковая девочка, которая по-настоящему переживает за свою семью.

Сестры без объяснений увели Матильду от семьи в маленькую комнатку, служившую, видимо, чуланом, и не очень нежно толкнули на табурет. Красных следов на ее лице уже не было, но у Ады еще оставались вопросы.

— Что вам от меня надо? — резко спросила Матильда, морщась от удара.

— Насчет венка, который ты дала Аксины. И не советую тебе выкручиваться, — приказным тоном обратилась к ней охотница, — мы прекрасно видим, какого характера у вас с ней были отношения.

— Ну и что? — Матильда смущенно рассматривала пол, не поднимая глаза на Аду. — Не срезать с роз шипы это теперь преступление? В таком случае можете арестовать свою обожаемую Аксиныю. То, сколько боли она принесла нашей семье — настоящее преступление. Она раз за разом позорила нас, устраивая сцены у всех на глазах. Потом еще и подослала к брату свою подружку, видимо, еще один скандал планировала. Вот только брат не так глуп.

— А как ты бы отреагировала, если бы тебя силком отдавали замуж? — Ада прошупывала как сама Матильда воспринимала то, что происходило между семьями последние пять лет.

— Силком это было только два последних года, — сказала Матильда, — до этого она еще как хотела за него замуж. Уж не знаю, что случилось, может снюхалась с кем, да только два года назад она внезапно сбежала. А как отец ее домой притащил, она резко свое мнение переменяла и начала устраивать показательные разборки.

— Занятно, конечно, ну а тебе-то что с того?

— Брат очень хороший человек. Он и отец вытащили нас с матерью из нищеты и никогда не относились как к людям второго сорта. Зато все остальные в этом городе именно так к нам и относились. Видите ли, мать моя занималась колдовством.

— И что тут такого необычного? — удивленно спросила Весна.

— То, что у нее были свои методы, нынешние выпускники Ковена ей в подметки не годятся. Она была настоящей колдуньей, сама изобретала заклинания.

Сестры коротко переглянулись.

— Среди этих заклинаний были и круги призывов?

— Были, — смущенно сказала Матильда, — но мы их не использовали. Мама говорила, что это запрещено, и старалась уберечь меня от «случайного» открытия этих заклинаний. А местные были уверены, что она издевается над животными, как это делал мой прадед, что жил в башне, которая принадлежит сейчас инженерам.

— Твой прадед был алхимиком?

— Да, — Матильда скрипнула зубами от злости, — он был урожденным колдуном, как и сын его, и внучка, то есть моя мать. Она была идеальна в магии лечения. Как у местных беда случалась, первая бежала им на помощь. Считала, что добрыми делами однажды отмоет грязь с нашего рода.

— И ты переняла ее способности?

— И я, — грустно ответила Матильда, — с детства управляла маной, но у детей нередко такое бывает, что заигрываешься и можешь кого-нибудь поранить. Тем более, если каждый третий встречный плюет в твою сторону или кидает камень. Однажды змей семьи Линь упал на Дюневире. Мама помогла пострадавшим — тогда отец Бэня ее и заметил. Она не желала уезжать, хотела продолжить бесплодно доказывать всем, какая она хорошая, но я ее уговорила, и через пару дней мы оставили этот гнилой остров и отправились на родину Бэня. Из дома толком ничего с собой не брали, даже книги с нашими открытиями — и те оставили.

— И в этих книгах были указания для призыва бестий?

— Я плохо помню. Да и что с того? Кроме нас с мамой с ними никто управиться не сможет.

— Сейчас ты более чем полно свидетельствовала против себя, — хлопнула по столу Ада. — Похоже, ты призвала черта и натравила его на Аксинью, а ориентиром для него стал веночек из роз, который ты ей дала. Вот только ты не думала, что она отдаст его Розе.

Матильда выглядела более чем удивленной, но скорее приятно удивленной, как будто наконец отыскала недостающий кусочек пазла. Внезапно вся горячность с нее спала, она сузила глаза и призадумалась:

— Так вот откуда следы копыт Я не убивала Розу и могу это доказать.

— И как же? — с сомнением спросила Ада.

— Для призыва таких тварей как черт требуется кровь призывателя. Можете всю меня с ног до головы осмотреть — у меня ни единого пореза.

— На символе призыва не было крови.

— Тогда это не мог быть черт, — уверенно сказала Матильда.

— Эй, Ада, — шепнула Весна, — я могу ошибаться, но, похоже, нам пригодится ее помощь. Да и оговорка, которую она сделала — это же просто глупо. Если она знала, как убили Розу, зачем ей признаваться в знаниях о деталях призыва?

— Может, чтобы отвести от себя подозрение и толкнуть нас на поиски того, кто якобы мог украсть книги из их дома и разобрать написанное? — огрызнулась Ада. — Она все еще под подозрением. Однако есть та, кто разбирается в оккультных символах и призывах, которые сама же и исследовала, и точно не участвовала в происходящем — вот ее помощи мы и попросим.

VIII. Сияние

Встревоженная мать Матильды встретила кинулась на сестер, стоило им открыть дверь:

— Я сделаю все, что вы скажете, только отпустите мою дочь!

— Агата, не усугубляй ситуацию, — сказал мужчина с узкими черными глазами и такими же черными волосами, возраст которого варьировал от тридцати оборотов солнца до пятидесяти.

— Джу, я на суде в Цитадели готова присягнуть, что моя дочь ни-ког-да не использовала магию призыва. Может, она помнит какие-то элементы, но для призыва бестии нужны четкие детальные указания, иначе неизвестно, что выйдет из твоего круга.

— И что будет, если выполнить призыв неправильно? — спросила Весна.

— Чаще всего — ничего. Призыв просто не сработает. Но некоторые круги при нанесении дополнительных символов могут сильно изменить сущность призванного существа, — Агата умоляюще посмотрела на Весну. — Прошу, я расскажу все, что знаю, только отпустите Матильду.

— Сожалею, сударыня Линь, — Ада вытащила из кармана сферический артефакт и бросила его в центр комнаты — помещение заполнил голубоватый свет, и она спешно закрыла дверь. — Не советую входить вовнутрь — и шага не сделаете, как застынете. Как только мы найдем подтверждение невинности Матильды, я тут же деактивирую артефакт. И чем быстрее мы отправимся на место преступления, тем лучше.

Агата проглотила слезы и коротко кивнула, выходя за сестрами во двор. Там Всеволод проводил их взглядом, покуривая папиросу. Рядом с ним стояла растрепанная и заплаканная Аксинья, которая было дернулась в сторону уходящей Весны, но отец ее остановил. Родителей Розы нигде не было, как и ее тела — осталось лишь багровое пятно на земле. Видимо, они дома оплакивают дочь и готовятся к похоронам.

С Агатой они добирались до места куда медленнее: ее необычное узкое шелковое платье с синими птицами не давало ей делать широкие шаги. Она посетовала, что стоило переодеться, но не хотела терять время на обратный путь. Когда они вошли в здание мельницы, там все еще лежал покалеченный автоматон, а вот круг был наскоро стерт.

— Убийца был здесь, пока мы говорили с Матильдой, — хмуро сказала Ада.

— Это ведь доказывает ее невинность? — с надеждой спросила Агата.

— Боюсь, что нет, у нее мог быть сообщник.

— У Матильды? Здесь? На Дюневире? Видимо, она постеснялась вам рассказывать, что местные творили с нами до того, как мы покинули остров. Не могло быть у нее сообщников.

— Это только слова, — ответила Ада, — пока не найдем преступника, Матильда будет под подозрением.

Внешне Матильда была копией своей матери, но более бледной и несчастной. Возможно, это последствия пребывания на Дюневире перед свадьбой. Черные волосы Агаты были уложены в строгий гладкий пучок и зафиксированы длинной шпилькой, украшенной самоцветами. Среди гнилых досок и мучной пыли она выглядела нелепо в своем утонченном наряде, но не похоже, что ее хоть сколько-нибудь беспокоила чистота платья. Она без промедления опустилась на колени перед остатками мелового круга, вглядываясь в его призрачные очертания:

— Было ли тут что-то кроме круга?

— Пшеница и волосы, светлые и длинные.

— Ясно, — выдохнула Агата, поднимаясь, — это хульдра.

— Не черт?

— Круг призыва походит на полуденницу, но в помещении ее не призвать, так что думаю, что это была хульдра.

— Женщина с копытами и дырой в спине — задумчиво сказала Весна, — хульдры ведь не агрессивны, они просто защищают территорию и охраняют леса.

— Призванные бестии подневольны, они исполняют приказ призывателя, чтобы занять свободу и вернуться домой.

— Саму хульдру уже нет смысла искать?

— Почему же? — спросила Агата. — Круг был стерт впопыхах и несчастное создание похоже застряло на острове без возможности вернуться назад.

— Отчего вы так в этом уверены?

— Да оттого, что видела ее.

— Вы видели ее и ничего не сказали?!

— Я не думала, что она может быть причастна, — нахмурившись сказала Агата, — и не переживайте, с моей помощью мы ее быстро отыщем. Но у меня есть условие.

— Мы пока не можем отпустить Матильду.

— Это я знаю. Я не хочу, чтобы вы убивали хульдру. Она лишь выполняла приказ.

— Это опасная бестия, — отрезала Ада, — мы должны ее устранить.

— Так мы и сделаем, — кивнула Агата, — я просто отправлю ее туда, откуда она пришла.

Нет — ищите сами, но помните, что хульдра передвигается в два раза быстрее вас.

Весна отвела сестру в сторону:

— Ада, это дело все равно не афишируется. Мы можем, конечно пойти на принцип, но время очень сильно поджимает.

— Мне кажется, нами помыкают все кому ни попадя, — закатила глаза Ада, — сегодня мы уже в который раз *неидем* на принцип. Пускай подождут — в финале я такой скандал учиню.

— Только заранее продумай оправдания нашим действиям. Еще один срок мне не нужен.

— Положись на меня, сестренка. — она повернулась к Агате. — Хорошо, помогите нам найти хульдру и после допроса мы отправим ее восвояси.

Агата удовлетворенно кивнула, повернулась к бочкам и ящикам за жерновами и сказала:

— Давай, дорогая, вылезай. Не бойся, они тебя не тронут.

Из-за нагромождений старых бочек показалась светловолосая макушка. Бестия пугливо поглядывала на присутствующих большими карими глазами и не торопилась целиком вылезать из своего укрытия.

— Она все это время была здесь? — удивленно спросила Весна.

— Да, — кивнула Агата, ласково маня к себе хульдру, — иногда мне жаль, что магия с рождения течет в крови лишь горстки людей. Вам нужно держать Кенназ, чтобы видеть следы жизни и магии. Я же их вижу сразу, без особых усилий.

Хульдра, похоже, была еще совсем ребенком. Худая, обнаженная, с длинными светлыми волосами, прикрывающими грудь. Ноги ее от колен до копыт были покрыты бурой шерстью, она теребила в ручках кисточку коровьего хвоста. Весна была очарована ею до тех пор, пока не рассмотрела на руках и животе запекшуюся кровь. Хульдра не говорила, только хлопала глазами и рассматривала девушек. Проследив за взглядом Весны, она постаралась вытереть руки о бедра, но только больше размазала грязь.

— Малышка, ты меня понимаешь? — Агата старалась общаться подчеркнуто нежно.

Девочка кивнула.

— Хорошо. Скажи, это ты убила светловолосую девушку?

Большие карие глаза наполнились слезами. Она часто неглубоко задышала и кивнула.

— Чем ты это сделала?

Малышка вытащила из своего укрытия сверток и, дрожа, передала его Агате. Внутри лежала острая конечность автомата, покрытая кровью.

— Ты сделала это, потому что тебе не нравилась эта девушка?

Хульдра горячо замотала головой и заплакала.

— Тебя заставили это сделать?

Она закивала.

— Можешь ли ты указать на того, кто тебя заставил, если мы его тебе покажем? — спросила Ада.

Девочка кивнула.

— Это была девушка?

Хульдра покачала головой.

— Мужчина?

Она кивнула. Весна сняла свой плащ и накинула малышке на плечи. Она укуталась в него по самые глаза и испуганно посмотрела на Аду.

— Интересно выходит. Понимаю, ты хочешь быстрее вернуться домой, но нам еще пригодится твоя помощь.

Хульдра затрясла головой и, бросившись на пол, постаралась уничтожить следы круга призыва. Похоже, она вовсе не торопилась домой. Похоже, призыватель не посещал мельницу повторно, малышка сама поторопилась стереть круг, чтобы ее не отправили назад. Агата обратилась к сестрам:

— Позвольте мне ее забрать, — в ее глазах блеснул тот же безумный огонь, что бывал у Ады, когда она нападала на след в запутанном деле.

— Что Вы собираетесь с ней сделать?

— Я научу ее говорить, — воодушевленно сказала Агата, — представьте, если она однажды сможет рассказать нам о месте, из которого пришла. Как сильно это продвинет науку на островах. Что если раньше она жила там, внизу, в бездне? Сколько чудесных открытий нас ждет!

Да, вот теперь родство Агаты с безумным алхимиком было видно невооруженным глазом.

— Если вы заберете ее в земли Азии, то технически она больше не будет находиться под нашей юрисдикцией, и ее не будут преследовать. Но как у вас относятся к bestиям?

— Я не собираюсь в полной мере раскрывать ее происхождение. Согласно легендам, если она венчается в церкви, ее хвост и копыта исчезнут. А до тех пор я позабочусь, чтобы никто не узнал ее секрет.

— Похвальная осторожность, — сказала Ада, — давайте вернемся в дом. Я понесу ее на спине, Весна, проконтролируй, чтобы копыта и хвост не торчали.

Хульдра была очень взволнована, когда они возвращались к дому Аксиньи. Она зарылась в волосы Ады, когда та проносила ее мимо кровавого пятна. В доме стояла гробовая тишина, когда Ада быстро пронесла малышку в комнату Аксиньи. Та сидела на кровати, разглядывая венок из красных роз, который вчера был на голове Розы.

— Кого это вы принесли? Почему она так похожа на

— Не горячись, Аксинья, это и есть наша убийца.

— Вы что, шутите? — недоверчиво спросила Ксюша, стараясь разглядеть девочку, прячущую от нее глаза за головой Ады. — Она же совсем дитя.

— Дитя, — подтвердила Весна, — но не человеческое.

Тут хульдра заерзала, пытаясь слезть со спины Ады. Та не очень аккуратно опустила ее на землю. Плащ упал на пол. Быстрым движением bestия шмыгнула под кровать, хозяйка которой испуганно вскрикнула, когда девочка коснулась ее коровьим хвостом. Оставив попытки успокоить малышку на Агату, Весна нетерпеливо развернула Аксинью за плечи лицом к себе.

— Это что за шутки?! Какого черта вы ее сюда притащили?!

— Ты же сама сказала, чтобы мы привели тебе убийцу, мы и привели, — холодно сказала Ада.

— Здорово, а теперь уведите, пожалуйста!

— Погоди, Акс, успокойся, — Весна пару раз встряхнула подругу, чтобы та перестала вертеть головой по сторонам, — она нам нужна. Ее кто-то вызвал и приказал убить Розу. Только она знает, кто это был.

Аксинья замерла:

— Так идемте, покажем ей Матильду.

— Она сказала, что это был мужчина.

— Она говорит?

— Технически

— Я хочу видеть своими глазами! — прокричала Аксинья. — Убери барьер, я притащу ее!

Ада пожала плечами и щелкнула переключатель на поясе. Аксинья вихрем вырвалась из комнаты. Как только она ушла, хульдра неуверенно высунула голову из-под кровати. Матильду притащили не очень нежно. Стоило малышке глянуть на девушку, она уверенно замотала головой из стороны в сторону. Матильда взглянула на девочку, ахнула и медленно подошла к ней.

— Мама, это кто?

— Позже помилуетесь, — раздраженно сказала Аксинья. — Зачем ты надела на меня этот колючий венок? Пока вас не было, я проверяла его и так и эдак, но в нем не было ни капли магии.

— Извини, — буркнула Матильда, — назначение венка было лишь в том, чтобы показать, как ты меня бесишь.

Хульдра отнеслась к Матильде с большим интересом и вылезла из-под кровати, чтобы потрогать ее кучерявые волосы. На спине девочки зияла большая гниющая дыра.

— Она больна! — вскрикнула Аксинья.

— Нет, она — хульдра, — отрезала Матильда, — если желаешь помочь, найди во что ее одеть. Небезопасно будет носить ее по всему городу в плаще, ища убийцу.

— Ее вызвали, чтобы убить Розу, но это была не ты, — девушка невидящим взглядом смотрела в пустоту, — нет, о, нет!

— Ты что-то знаешь? — Весна тронула ее за плечо, Аксинья вздрогнула.

— Да, так уж вышло, что в детстве, после того как Матильда переехала, мы с ребятами играли в ее доме. Там было так много всего и мы нашли книгу. Она была странная, непонятная, но там было много рисунков. Одну забрала я, другую — Роза. Отец меня тогда сильно наругал. Говорил, что в книге инструкции для запрещенных заклинаний и их использование могут счесть за преступление. Я очень испугалась и рассказала, что у Розы есть такая же. Он очень быстро вышел из дома. Мою книгу он забрал, не знаю, где она сейчас. Роза потом была очень мной недовольна. Ее отец тоже забрал у нее книгу.

— Не торопись, мы же не знаем, куда потом они дели эти книги. Может, уничтожили.

— Тем не менее, именно их мы и проверим первыми, — сказала Ада, — Акс, помоги приодеть девчущку, а то замерзнет.

Аксинья нашла свое короткое платье чуть ниже колена, которое на маленькой хульдре стало платьем в пол, скрывая и хвост и раздвоенные копытца. Пусть в груди оно ей было великовато, сама девочка была в восторге. Она не захотела отдавать Весне плащ, вцепившись в него ногтями и зубами. Пришлось принести в жертву старого друга, чему Ада была только рада: в кои-то веки сестра купит что-то новое и перестанет походить на бездомную.

— Думаю, нам стоит дать ей имя, — сказала Весна.

— Может, Фредерика? — с надеждой спросила Агата.

— Ну уж нет, мам, меня одной с вычурным имечком вполне достаточно.

Девочка взяла венок, грустно глядя на красные цветы, потом надела его на голову.

— Надо же, я только заметила, — начала Весна, — она так похожа на Розу.

— Не просто похожа, — сказала Аксинья, — именно так Роза выглядела, когда была маленькой.

— Роза, — повторила девочка.

Аксинья тяжело вздохнула, поглаживая девочку по светлым волосам. Нужно было выдвигаться. Ада первая вышла на улицу. Последовав за ней, Весна увидела, как сестра выпускает стрекозу.

— Не рановато ли?

— Я почти уверена, что мы закончили, — заявила Ада.

У дома Розы сидело на лавочке несколько человек. Дряхлая старушка глянула на хульдру. Открыв рот, она проглотила имя и горько заплакала. К ним вышла мать девушки и преградила путь в дом:

— Прошу прощения, но я вынуждена просить вас уйти, мы сейчас не готовы принимать гостей.

— Мы не в гости, — сухо сказала Ада, — но можем и не заходить, просто позовите мужа.

— Зачем это? — она нервничала, губы были искусаны в кровь.

— Покончим с этим, Рита, — сказал усатый мужчина, удрученно глядя на хульдру, указывающую на него пальцем и дергающую Аду за плащ, — они не просто так ее сюда привели.

— Может поясните нам, зачем вы убили свою дочь?

— Не здесь, — люди у забора в ужасе глядели на главу семейства.

Хозяйка пошла к ним, тесня от дома и прося подождать с расспросами. Аксинья порывалась пойти с сестрами, но получила категорический отказ. Матильда и Агата увели хульдру в сторону дома.

Он провел их вглубь дома, где посреди большой комнаты на столе располагался гроб, в котором все в той же белой сорочке лежало тело Розы, накрытое чистой белой простыней.

— Я не прошу у вас сострадания и сопереживания, милосердия какого, просто расскажу, — речь его была монотонной, бесцветной и громоздкой, словно мысль шла не по прямой, а закручивалась в спираль. — До нас уже давно доходили слухи о занятиях Розы. Мы могли ей обеспечить любое жизнедеи́е, но она предпочла жертвоприношение себя и нас. Я долго пытался выбить из нее охотность и словоблудие. Дома она не сидела, только томилась. Я видел ухмылки местных соглядатаев, я понимал — им все известно. Стыд обуял, и я горел. Куда бы я ни шел, окружающие смеялись перед моей спиной, называли разными словами, шептались под окнами ночами. Жена мудрствовала, а потом услышала и все поняла.

Ада прервала дальнейшие витиеватые объяснения, связав отца Розы светящимся лассо. Весна пошла методично выбивать закрытые двери. Комната Розы выглядела странно, как будто в ней уже давно никто не жил. Идеально заправленная постель, тонкий слой пыли на прикроватном столике, наглухо задернутые занавески. Она осмотрелась и, откинув коврик, нашла люк в погреб. Снаружи послышалась возня. В комнату ворвались Йоран и Бьёрн, Кростор следом тащил мать Розы, заламывая ей руки за спину. Бьёрн, не задавая вопросов, помог Весне откинуть тяжелый люк и, придерживая ее за руку, помог спуститься по отвесной лестнице вниз. Весна сложила руну Сигел и осмотрела гору тряпок, сложенных на манер гнезда, чуть дальше у стены висели железные кандалы.

— Что у вас там? — крикнула сверху Ада.

— Похоже, они держали ее здесь, — ответила Весна, оглядывая стены погреба, на которых Роза выцарапала «они в зеркалах». В тряпках лежали обломки ее ногтей.

Допрашивать мать оказалось так же бесполезно, как и отца. Она говорила невпопад, постоянно озиралась и пыталась вырваться. Весна уже не в первый раз видела такое. Безумие передавалось между членами семьи как чума. Стоит разделить мужа с женой и, быть может, через некоторое время женщина придет в себя. Неизвестно, занималась ли Роза вообще торговлей своим телом, или в этом ее убедил сошедший с ума отец. Ведь кроме горстки людей

об этом не знал никто. Роза была красива, возможно отец так опасался за нее, что сам же в бреду выдумал похождения дочери. Мать сначала боролась, но близость с мужем извратила ее мышление и сделала похожей на супруга. Роза, по словам Аксиньи «видела то, чего нет» и боялась зеркал, о чем и пыталась сообщить надписью в погребке. Ее коснулся тот же самый недуг, что поразил ее отца.

Оставив охотников, Весна решила вернуться к дому Аксиньи, но у дома убийцы сгустилась встревоженная толпа. Вспомнив свой излюбленный метод выходить из дома, Весна полезла в окно, у которого еще не успели столпиться зеваки.

К счастью, прибытие охотников отвредило людей от дома Аксиньи, даже возле змея не было ни единого ребенка. Всеволод встретил Весну, смерив ее холодным взглядом. Прикрыв глаза, он потер их и с грустью посмотрел в сторону дома старого друга, медленно затягиваясь папиросой. В доме за огромным столом одиноко сидела Аксинья и устало смотрела в пустоту.

— Аксинья, — обратилась к девушке Весна, — Роза сама рассказала себе о своем методе заработка?

— Да, — тихо ответила она, морщась от голоса Весны, словно бы он причинял ей боль.

— А плоды этого заработка ты когда-нибудь видела?

— Да зачем это мне? Я только знаю, что ее отец всегда без какой либо причины обзывал ее шлюхой, еще с тех пор, как ей исполнилось тринадцать. Она устала терпеть избиения ни за что и выбрала соответствовать.

— Говорила ли она что-нибудь о зеркалах?

— Зеркала? — удивленно спросила Аксинья, — бывало, особенно после того, как ее отец особенно сильно мог ее отходить. Мне казалось, у нее как будто рассудок помутнялся. Она все говорила, что в зеркале есть другая она, но не уточняла. Кажется, она стеснялась рассказать.

Весна отодвинула стул и села около нее, положив руку на ее ладонь:

— Роза страдала болезнью ума, как и ее отец.

— Да? — без особого участия спросила девушка. — Это многое объясняет.

— Что насчет тебя? Почему ты соврала, сказав, что отец силой хочет выдать тебя замуж. Зачем ты все это делала?

— Я просто — из ее глаз потекли слезы, которые она утерла рукавом своего ярко-красного платья. — Просто мне всегда нравилось внимание. Красивая была история: отец не понимает дочь и не дает ей выйти замуж за любимого. А когда он согласился стало ужасно скучно. Город опять гудел о всякой чуши. Мне захотелось новой драмы. А что может быть прекраснее несчастной девы, которую насильно выдают замуж. Ветер треплет ее волосы, — она отбросила копну темных волос за спину, — и она над обрывом поет слезливую песню о тяжести своей ноши.

— Но как же Бэнь? Ты подумала, что он будет чувствовать?

— Бэнь? — лицо Аксиньи приняло расслабленный вид. — Бэнь воспринимал это как приключение. Говорил, что на его родине таких девушек как я не сыскать. Огонь! — она с размаху ударила по столу. — Но похоже огонь во мне уже потух. Сорвался он только тогда, когда Роза к нему полезла. Счел это за оскорбление и разболтал отцу, тот наведалься к отцу Розы. А он видимо только и ждал толчка, чтобы беспросветно увязнуть в своем безумии. Я не хочу здесь оставаться — не теперь. Свадьба пройдет на Шень-Чжоу, родном острове Бэня. Не сейчас, но очень скоро. Я больше не намерена устраивать страсти и интриги. Хватит с меня.

— А зачем тебя снова нарядили в красное? Боятся, что ты попытаешься исчезнуть на Шень-Чжоу?

— Да нет, конечно! — всплеснула руками Аксинья. — Я просто обожаю красное! Ты в курсе, насколько дорогое это платье? Да и как вообще насильно можно кого-то одеть? Ведь всегда можно переодеться! Оно же не припаяно ко мне, — она обессиленно ударилась лбом о стол и повернулась лицом к Весне. — Прости меня, подружка, я не хотела, чтобы наша встреча

прошла вот так. Я думала просто разыграть небольшую драму, чтобы у всех остались воспоминания о моей самой грандиозной роли. И в самом конце, под венцом, раскрыть всем правду о том, что все это была только игра, а они купились. А потом тихонько выкрасть Розу на Шень-Чжоу. Теперь же это место мне претит. Тут больше нет ее.

— Скоро вы улетаете?

— Буквально через пару часов. Мы хорошенько спрятали хульдру на змее. Мама сейчас спешно собирает вещички. А куда пойдешь ты?

— Я бы хотела от всей души отдохнуть, — Весна легла на руки рядом с Аксиньей, — но у меня вообще нет денег. Наверное, вернусь домой.

— О, нет, — отрезала Ксюша, — только не туда, тебе там покоя не видать. Весь остров до сих пор считает тебя убийцей?

— Незаконно избежавшей наказания убийцей, — поправила ее Весна.

— Я пойду поговорю с Бэнем, считаю, твоя работа стоит денег. Достаточных, чтобы ты могла позволить себе хороший отдых.

Она быстро выскочила из дома, и через пару минут вернулась с женихом. Весна наконец смогла его рассмотреть. Он был невысок ростом, ниже Аксиньи, но очень красив на лицо. Несмотря на то что Матильда не была его родной сестрой, их черты лица были на диво похожи.

— Точно! — хлопнула в ладоши Аксинья. — Ты ведь спрашивала о его партнере. Ну о том, который шелком торговал.

Она бегло протараторила Беню что-то на китайском. Тот кивнул и, стараясь изо всех сил, обратился к Весне:

— Я потерять связь. Не так давно. Но он быть странный несколько лет. Забыть китайский.

— Да, судя по всему, это был вовсе не он. Но пока мы не знаем, кто выдавал себя за него. Вознесецкий уже давно мертв.

Бень выглядел напряженно. Он что-то тихо сказал Аксинье, она кивнула. Дальше он говорил на китайском как обычно, Аксинья переводила:

— Он говорит, что его всегда смущал этот торговый партнер. Объемы шелка, которые тот продавал в сотни раз выше, чем у других производителей, и в десятки раз дешевле, из-за чего на рынке случился демпинг и многие производители сменили сферу деятельности из-за невозможности конкурировать с Вознесецким. Он считает, что тут не обошлось без селекции бестий. Огромные пауки-шелкопряды. Иначе он и представить себе не может, как у Вознесецкого это получалось. Круг селекционеров очень узок и закрыт, но он может дать контакты одного парня, который не будет против помочь, если его попросит семья Линь, но говорит не ходить к нему с охотниками, иначе ничего не выйдет.

Весна тяжело вздохнула. Единственный способ не привести охотников к информатору — скрыть полученную информацию от Ады. Впрочем, она может убедить ее, что нуждается в отдыхе, а Аксинья вызвалась его финансово обеспечить. Просто не уточнять длительность этого отдыха.

— Хорошо, где мне его искать?

IX. Обязательная серия про горячие источники

«Твои слова водица, так не годится»

Певца том (с)

Решив совместить приятное с полезным, Весна и ее новый лучший друг — пузатенький кошель с монетами — незамедлительно отправились на Тихохолмск, где был чудесный гостевой дом с горячими источниками, который по совместительству являлся местом жительства информатора. Бэнь наскоро написал две записки, одна из которых предназначалась хозяйке дома, а вторая — информатору, и заверил их магической печатью семьи Линь. Ада была недовольна скорым отбытием сестры, однако согласилась, что той пора бы хорошенько отдохнуть — последние несколько недель выдались крайне насыщенными, и Весна накопила большой недосып. Сама она никак не могла отлучиться — помимо контроля группы, на ее плечах была ответственность за выгораживание сестры перед правительством и максимальным сокрытием факта ее участия в деле. Чтобы выкрутиться, придется немало постараться. Семья Линь вместе с родителями Аксины и ею самой не стали ждать возможного допроса и обыска и отбыли на Шень-Чжоу вместе с маленькой хульдрой, которую по легенде все же отправили назад до того, как Ада успела до нее добраться.

Весна в полете пару раз проваливалась в сон и теряла концентрацию над маной, просыпаясь от испуга, когда манаплан резко кренился вниз от внезапно прерывающегося потока магической силы. Ей пришлось в голову создать не зависящий от ее бодрствования источник питания, но кто знает, куда занесет ее ветер, если она надолго уснет в полете. Пытаясь взбодриться, она напевала песенку:

«Кто мечтает быть пилотом,

Очень смелый видно тот,

Потому что только смелый

Сам ползет в маналёт»

Но даже крича «От винта!» во всю силу легких, бодрее она не становилась. Казалось, это, наоборот, отнимало последнюю энергию. С тоской она думала об огромном механическом змее, на котором летала семья Линь. Понимая, что привал неизбежен, она выбрала случайный пустой кусок суши. На нем была лишь пара деревьев и небольшое озеро. Условия не слишком подходящие, но последние пару часов Весна чувствовала себя до крайности паршиво, а лететь предстояло еще более полудня.

Немного неловко посадив манаплан, Весна осмотрелась, удостоверившись, что на острове она совершенно одна. Наспех разбив лагерь под одним из деревьев, она устало откинулась на спальник, положив под голову рюкзак. В затылок впился угловатый и твердый предмет. Девушка с нескрываемым раздражением покопалась рукой в сумке и вытащила маленький сундучок-загадку. Забавно, несколько недель назад она не могла уснуть из-за желания найти разгадку, а после вовсе позабыла о ней. Тем не менее, ей казалось, что личность отца Софии напрямую связана с поиском Указующего перста. Желал ли он найти исцеление для своей дочери вместо суррогата жизни в виде перстня, или он нужен был для чего-то другого? Хотя это становилось все менее значимым. Заказ на глупую сказку для детей привел к бестии-людоеду, побегу важнейшего свидетеля, расследованию убийства Вознесецкого, а может и всей исследовательской группы, которая искала, по сути, химеру — безумную идею воспаленного сознания. Впрочем, не так давно Весна считала, что круги призыва — это просто выдумка, фантазийное изображение магии в мире, который существовал задолго до Раскола. Теперь оказалось, что они реальны.

Она резко села, распахнула сундучок и высыпала его содержимое на спальник. Расположив перед собой кусочки бумаги с туманными фразами, Весна переставляла их так и эдак,

пытаясь составить хоть что-то осмысленное. Через десять минут она сложила, как ей показалось, вполне вменяемые указания:

На три часа взберись на шпиль

На север оглянись

Через кровь на кровь воззрись

Испей до дна фиал

Три раза помолись

С рассвета в путь пустись

«Зашибись», — раздраженно подумала Весна. Нет, она не ждала ничего эдакого, но чем больше она погружалась в разгадку этой глупости, тем больше она злилась. Глубоко вздохнув, девушка попыталась успокоить нервы. В последнее время она была словно оголенный провод, хотя дело не стоило таких изрядных душевных усилий. На секунду надев на себя личину сведущего, но абсолютно безумного исследователя (за основу она выбрала Милейковского), Весна отметила для себя «*Через кровь на кровь воззрись*» и «*Испей до дна фиал*». Она четко определила назначение кроваво-красного кристалла и колбы с прозрачным зельем. На какую конкретно кровь ей стоило смотреть через кристалл — девушка не знала, но искренне считала, что, как и указание на алый кристалл, это нечто иносказательное, если не сказать поглубже. Поэтому она решила, что это может быть, к примеру, красная крыша, красное одеяние или, допустим, больница. Ведь в больницах немало крови, да еще и символ красного креста. Шпилей же в мире видимо-невидимо. А что за молитва? Весна дала себе слово, что при первой же возможности найдет книгу со сказкой о Великом указующем персте и перечитает ее. Может, в ней и скрыто место и слова молитвы. Но пока что ей срочно требовался сон.

Вечерело. Проснулась Весна с неприятной ноющей болью в шее. Решив не торопиться, она сбросила валяющиеся вокруг дерева палки в небольшую кучку. Изобразив пальцами каждой руки руну Кенназ, она объединила их и испуганно отпрянула, когда из получившегося ромба полыхнул огонь. Весна была не большой поклонницей огненных заклинаний. Их силу было крайне трудно предугадать: бывает и свечку не зажжешь, а бывает, что случайно спалишь всю комнату, пытаясь зажечь ту же свечку. На занятиях в Ковене им рассказывали, что огонь не подчиняется тем, кто его боится. Весна боялась, а потому предпочитала спички, но ее коробок отсырел, когда лежащий на земле рюкзак пропитался влагой. Небольшой сверток от Бэня она загодя закинула в сундук, что спасло еще свежие чернила.

Обещая себе, что следующий прием пищи будет более разнообразным и питательным, Весна вытащила кусочки сушеной рыбы, завернутые в бумагу, и боязливо принюхалась. Ей было трудно сказать, как давно эта пища путешествует с ней — может месяц, может два. Впрочем, пока на ней не стала визуально видна новая жизнь, она съедобна. На всякий случай опалив рыбу над огнем, Весна без особой радости сжевала несколько солоноватых кусочков, пока желудок не перестал ныть от голода. Больше ничего съестного она с собой не взяла, хотя, если бы не торопилась, могла взять на Дюневире хлеб и несколько картошин, которые можно было запечь в золе костра. Фантазии о еде вновь вызвали неприятное сосущее чувство в животе и, потушив костер, Весна закинула рюкзак за плечи и развернула манаплан. Перепроверив направление на артефакте в форме шарика с несколькими опоясывающими его кольцами, она повесила его на носовой узел. Подобная приبلуда сильно облегчала поиск конкретных маячков, ведь острова постоянно незначительно перемещались, и артефакт экономил пару часов которые могли уйти на поиск искомого острова вручную.

Разбежавшись, Весна спрыгнула с края острова и, подтянувшись на руках, легла животом на трапецию. Запитанный манаплан двигался плавно, подчиняясь мысленным командам хозяина, а для полета на нем не требовалось больших физических усилий. Главное — не спать, иначе подача маны прекращается и конструкция неминуемо срывается прямым ходом в бездну. Боль в шее уменьшилась, но не прошла совсем и Весна считала минуты до прибытия в гостевой

дом. Кажется, она так давно не видела мягкую кровать. В последний раз — перед отправкой из Восточных врат.

Прошло несколько часов, за которые Весна от скуки перебрала все худо-бедно знакомые ей песенки, когда вдалеке возник остров. Сквозь серую, словно опаленную огнем землю, проглядывали алые листочки растений, прячущиеся под клубами тумана, стелющегося с отвесной каменной горы почти на самом крае острова. Вдали виднелась небольшая деревенька, но самым ярким пятном на этой палитре было многоэтажное здание, ярко-красная крыша которого притягивала к себе взгляд. Это и был гостевой дом, выполненный в китайском стиле: здесь даже не было привычных для славянских и скандинавских земель витражей — только чистые прозрачные стекла в кипельно-белых стенах, украшенных разве что тонкими алыми балками. Около гостевого дома за высокой бревенчатой стеной под раскидистым розовым деревом находился источник, от которого исходили клубы пара.

Весна спешила недалеко от входа. У лестницы ее встретила добродушная старушка, подметающая крыльцо:

— Желаете приобрести комнатку?

— Еще бы, — сказала Весна, выставляя перед собой кошель с монетами. — Мне бы поесть, поспать, помыться и еще чего-нибудь хорошего, на всю сумму.

Старушка улыбнулась и кивнула, приглашающим жестом указывая на дверь. Весна передала ей записку от Бэня. Хозяйка приняла бумагу, напряженно оглядела написанное и проследовала за девушкой к стойке. Открыв гостевую книгу — хотя по толщине ее лучше было сравнить с тетрадью — она спросила у Весны имя и планируемое время отдыха.

— Надо же, — неуверенно сказала Весна, — такое место и такая тонкая книга для гостей.

— Я лишь недавно решила сделать свой дом гостевым. Ранее тут жила вся моя семья, сейчас же осталась только я. Вы можете выбрать совершенно любую комнату.

Весна оглядела ключи с бирками номеров за спиной старушки. Среди них не было лишь одного номера — четыре.

— Мне, пожалуйста, номер четыре. Это мое счастливое число, — соврала Весна, ожидая реакции хозяйки.

— Смею Вас огорчить, но у нас нет комнаты под номером четыре. Мой дедушка родом из Объединенных Китайских Суверенных Островов. При жизни он был очень суеверен, постоянно рассказывал мне о повериях и проклятиях, потому я решила в память о нем не помечать ни одну комнату цифрой четыре.

— Тогда пусть будет пятая.

— Надеюсь, вы осознаете, что она все равно не четвертая.

— Нельзя просто выкинуть цифру из последовательности чисел. Чисто математически тут обязана быть четвертая комната.

— Обязана, но ее нет.

Желудок Весны недовольно заурчал, и она решила прекратить этот бессмысленный спор. Иногда лучше принять нелогичную точку зрения и поесть, чем сражаться за убеждения и голодать. Хозяйка довела Весну до комнаты и сообщила, что сейчас же займется готовкой. Она отказалась от помощи девушки, уверяя, что имеет немало приспособлений, чтобы в одиночку приготовить полноценный обед за каких-то полчаса без всякой подмоги, и велела гостье располагаться и отдыхать. Походка ее была не по годам легка. Создавалось впечатление, что Весна первая за долгое время прилетела, чтобы тут отдохнуть, и старушка просто слишком долго мариновалась в одиночестве.

На двери дрожащей рукой была выведена красная цифра «пять». Но место, на котором она была изображена, отличалось по цвету от остальной двери. Словно ранее на ней было написано совсем иное, а потом наскоро покрашено. Весна оглядела другие двери. Цифры на первых трех были выведены с каллиграфической точностью, но начиная с пятой и далее — быст-

рыми, рваными движениями. Хозяйка лукавила — четвертая комната изначально была, но однажды что-то заставило старушку внемлить убеждениям своего дедушки. Весна вставила ключ в дверь, но та оказалась не заперта. Еще бы, кроме владелицы в доме никого не было — нет нужды запирать двери от самой себя. Соседние двери также оказались открыты. Это не был привычный гостевой дом с одинаковой мебелью и планировкой, было заметно, что в каждой из комнат ранее жил человек, всех их коснулась фантазия бывших владельцев: где-то чем-то острым были нацарапаны имена, за шкафом в своей комнате Весна нашла детские рисунки прямо на стене, в дальней комнате были ужасные обои кричащего оттенка. Дом дышал историей.

Когда Весна расположилась и спустилась обратно к стойке, старушка проводила ее в обеденный зал. Желая соблюсти этикет, хозяйка хотела было удалиться, пока гостя не поест, но Весна остановила ее, попросив разделить обед.

— Благодарю, дочка. Давненько тут никого не было. В последнее время общаюсь только с деревенскими, да и тех все меньше становится. Молодые стремятся в большие города.

— Почему вы остались совсем одна? Судя по всему, у Вас была очень большая семья.

— Была, — грустно кивнула старушка. — Я тоже однажды ушла отсюда в поисках лучшей жизни. Так была увлечена наукой, что упустила кое-что поважнее. Состарилась, ни мужа не встретила, ни детей не родила. Но я не жалею, — поторопилась сказать она, глядя на погрустневшую Весну, — жизнь у меня была такая, что любой позавидует! Но не так давно мне захотелось чего-то простого — тишины и спокойствия. Я вернулась в пустующий отчий дом, навела порядок и решила открыть его для всех желающих. Вот только спрос оказался невелик, никто не знает об этом месте.

— Меня сюда направил Линь Бэнь, вы ведь знакомы с ним?

— А как же! Он мой, — женщина задумалась, — троюродный внучатый племянник, или что-то вроде того. Я сразу поняла, что вы от него, по-другому и не бывало еще.

— Зачем вы мне соврали? — не выдержала Весна. — Моя комната ведь была когда-то четвертой?

Старушка тяжело вздохнула:

— Вот что Я всю жизнь занималась наукой и верой в сказки не страдала, но, похоже, в новом мире сильная вера вполне может породить нечто Странное. И похоже, что в этом виновата я сама. Вот, пробежит перед тобой черная кошка, ты знаешь, что это ну никак не может повлиять на твою удачу. Но это крутится в голове как жвачка. А потом и правда случается неудача.

— Но это же просто самоисполняющееся пророчество, — отмахнулась Весна, — несчастье произошло бы в любом случае, невозможно, чтобы в жизни все шло идеально. Это просто случайность, которой мы придаем лишнее значение.

— Так то оно так, — кивнула старушка, — но из всех комнат постоялец выбрал именно четвертую. Там же я его утром и нашла — мертвым.

— От чего?

— Тело забрали в Цитадель, что было дальше — я не знаю, но выглядел он совершенно нормально. Одна беда — мертвый был совсем.

— После этого вы решили убрать четвертый номер?

— Куда там, — насупилась женщина, — я решила, что все это просто глупое совпадение. После него туда заселилась семья с маленькой девочкой. Ночью ребенок пропал. Казалось бы, остров не так велик, чтобы потерять на нем ребенка. Но мы все обыскали. Вот тогда-то я и решила избавиться от четвертого номера. Хватит с меня.

— А что до остальных? В них ничего странного не происходило?

— Ничего.

Весна задумчиво посмотрела в чашку горячего супа, но решила не продолжать тревожащий хозяйку разговор. Они недолго ели в тишине. Старушка по имени Ясна была кладезью

удивительных историй — за жизнь она изучала множество вещей, но вот об Указующем персте ее мнение было резким:

— Нет, мне не кажется, что нечто подобное могло существовать. Судя по построению истории это типичная сказка с довольно топорной моралью.

— Я не помню сказку дословно.

Ясна попросила минутку и потрусилась в сторону стойки с ключами. Она гремела чем-то металлическим и раздраженно ругалась, прежде чем вынести старый, рукописный томик со сказками. Даже неуклюжие иллюстрации в нем были сделаны вручную.

— Что это? У вас в семье так любили сказки, что переписывали их вручную?

— О, нет, судя по всему это самый первый экземпляр этих сказок, остальные — лишь копии.

— Быть не может!

Весна придирчиво осмотрела выцветшие от времени чернила: буквы были мелкими, нестройными, местами одна буква подменяла другую, в иллюстрации автор вложил немало усилий, но Весна готова была поставить на кон свой манаплан — автор был ребенком, скорее переписавшим и перерисовавшим любимую книжку, но никак не ее создателем.

— Мы долго изучали этот экземпляр, — сказала Ясна, — он древнее любых других рукописей. Что интересно, так это состав чернил. Мы так и не смогли установить его химическую структуру. Мы отыскивали некое вещество, но в нашем мире нет ничего похожего на него.

— Разве для изучения чернил не пришлось бы уничтожить часть записей?

— Там было немало страниц, где автор, видимо, учился писать печатными буквами, их мы и использовали для анализа. Буду честной, мало кого в самом деле интересовали эти сказки. Финансированием проекта долго занималась я сама, и я уверена, что эти записи были созданы в самом начале — незадолго после того, как наш мир раскололся.

— Что она делает у Вас? Разве это не должен быть музейный экспонат, охранной системе вокруг которого позавидует любой царь?

— Ну, — Ясна потупила взгляд, — Вы такая хорошая молодая девушка, Весна, так напоминаете меня в молодости. У Вас столько стремления к знаниям, такой пытливый ум

— Не заговаривайте мне зубы.

— Я ее украла.

Весна застыла, удивленная этим откровением. Тут она еще раз пригляделась к миловидной старушке божьему одуванчику с пористыми седыми волосами, сидящими на ее голове как белый ореол, глубокими морщинами и пламенными светло-карими глазами, принадлежавшими некогда молодой исследовательнице, вложившей себя и свои финансы в исследование, до которого никому не было дела. Сам факт, что ей придется расстаться с объектом исследования вызвал у Весны бешенство. Вот как ощущала себя Ясна, когда ей приказали отдать экземпляр в собственность государственного музея.

— Как Вам удалось?

— Подменила экземпляр на дубликат, — пожала плечами Ясна, — кроме меня никому не понять где оригинал, а где подделка, а мне так была дорога эта книга

Весна и правда недооценила хозяйку: старушка, живущая одна в огромном особняке, в котором случилось как минимум одно убийство и одно исчезновение ребенка. Особняке, таящем в себе нечто темное, жуткое, что пугало хозяйку до того, что ее рука дрожала, когда она наскоро переписывала номера комнат.

— Линь Бэнь послал меня сюда не просто так, верно?

Ясна вздохнула и посмотрела на Весну извиняющимся взглядом:

— Он написал мне, что твое пребывание здесь пойдет на пользу нам обоим. Ты ведь ищешь паренька из деревни? Я послала за ним как только ты явилась. Ты ведь сразу обратила внимание, что четвертой комнаты нет

— Да, но почему вы не рассказали мне все сразу?

— Вы были такой уставшей, я думала вы отдохнете, поедите, искупаетесь и там уже будем обсуждать дело.

Весна задумалась. Она и правда любит торопиться. Стоит ей только учуять загадку, она как охотничья собака не будет знать покоя, пока не вцепится зубами в добычу. Забавно, но любопытство давала ей немалый заряд энергии: не нужен ни сон, ни еда, ни отдых. Но долго ли тело сможет выдерживать такую нагрузку — вопрос.

— Хорошо, — выдохнула Веснушка, — сначала отдых, потом работа, идет. Но нам точно не помешает эта комната?

— Все начинается ночью, — сказала старушка, — переписывание номеров не помогло. Ровно в полночь дверь в четвертую комнату появляется сама по себе. Каждый раз в новом месте.

— И все началось после того, как я переделала дом в гостевой?

Ясна кивнула:

— Стоило мне пронумеровать комнаты и — она покрутила пальцем у виска. — До сих пор раздражает, что это стало реальностью. Глупость и все тут

Хозяйка, недовольно ворча, собрала тарелки, все так же ворча, выдала Весне полотенце чистую сорочку и халат и отправила на задний двор — напрямик под раскидистое вишневое дерево. Ее бубнеж затих, только когда она раздраженно закрыла за девушкой дверь.

Нежные розовые лепестки, подхватываемые малейшим порывом ветерка, мягко спускались на ярко-алую траву. Стояла невероятная тишина, прерываемая лишь бурлением воды в источнике. Шаткая деревянная лесенка вводила вверх по каменистому склону горы напрямик ко второму источнику, пар от которого расходился по всей долине, заволакивая ее непроглядной белой дымкой, что создавало впечатление, что на острове кроме одного дома нет совершенно ничего. Весна серьезно задумалась о переезде. Однажды ведь ей придется где-то осесть. Здоровье уже сейчас дает осечки. Нет-нет, да она просыпается с жуткой болью в шее или спине от сна на холодных мокрых камнях. Иногда ей было больно ходить в туалет, регулы задерживались на несколько лун, а боль в животе скручивала ее пополам так, что она не могла двигаться по несколько дней. Случайные травмы Весна и не пыталась вспомнить. Кажется, она неоднократно ломала пальцы на ногах, отбивала копчик и дважды разбивала нос, не справившись с управлением манапланом. Весна потрогала свои спутанные сухие рыжие волосы и краем глаза отметила, как сильно обветрилась кожа у нее на руках. Она слишком изнашивает свое тело и так его надолго не хватит. Отгоняя от себя мрачные мысли, девушка разделась, сбросив одежду в неопрятную кучу, и слишком поспешно вошла в горячую воду. Трещины и царапины на коже зудели и щипало от соленой воды. Она раздраженно откинула голову назад и увидела над собой крону вишневого дерева, словно сотканного из мягкой овечьей шерсти. Она вспомнила, как мама в детстве водила их с сестрой в большой город на ярмарку, и там, среди гомона голосов, снующей толпы, запахов жженой карамели и воздушной кукурузы, она неизменно находила для Весны розовую сахарную вату, а потом держала ее за липкую руку и с улыбкой ругала ее за неряшливость.

Весна резко открыла глаза. Мама всегда знала о ее любви к розовой сахарной вате и никогда не ошибалась, передавая ее ей, а не Аде, которая любила скучную белую. Могла ли мама все же их различать? Знала ли она, кто на самом деле был виноват в смерти Элли? Что если она лишь подыгрывала сестрам, чтобы не сломать встраиваемый ими фасад? Ведь Весна не была идеальна и часто получала нагоняй вполне заслуженно — она была неловка, неряшлива, неугомонна и временами просто невыносима в противовес своей холодной сестре, которая совершала лишь те действия, что имели хоть какой-то смысл для нее самой. Знала ли мама? Ей болезненно захотелось поговорить с ней, задать вопросы, которые давно тревожили, развеять старые обиды и взглянуть на всю свою жизнь под иным углом. Под углом усталой

матери близнецов, рано потерявшей мужа и тащившей на своей спине быт, работу и воспитание двух сложных, вечно вздорящих друг с другом сестер. Если так вспомнить, Весна была ужасно несносной, но иначе, нежели Ада. Свое мнение она предпочитала любому иному, что не раз вызывало конфликты в школе и среди соседей, которые для начала должны были доказать, что их стоит слушать, прежде чем что-то советовать или требовать от нее. Свое недовольство Весна не показывала открыто, но была склонна к мелким пакостям, если кто-то решил, что знает лучше, чем она. Как-то раз она выловила мышь-полевку и выпустила ее в классе, когда учительница в очередной раз отчитала ее перед всеми и назвала избалованной за высказывание собственного мнения о внеклассной работе на пришкольном участке в положенные ученикам выходные. Как же мама кричала. Но не на нее, а на учительницу, критикуя ее методы преподавания посредством унижения Весны перед всем классом. Когда они вернулись домой, Астра всыпала дочери по первое число, но за закрытыми дверями, даже Аде присутствовать не позволила.

Весна улыбнулась теплым воспоминаниям и решила написать матери письмо — сразу после ритуалов красоты. Закрыв глаза, она вдыхала легкий аромат цветов и серы, ее лица нежно касались падающие лепестки. Разбудила ее старушка, пошедшая проверить девушку, которая уже довольно долго не возвращалась с купания. Поворчав, что вредно столько сидеть в горячей воде, она помогла Весне одеться, забрала грязную одежду и, не давая девушке опомниться, отправила ее в комнату досыпать. Мягкая кровать, на которую устало повалилась Весна, словно теплое тесто проминалась под нею. Весна закрыла глаза и тут же провалилась в сон.

Созвездия, соединенные светящимися линиями, раскинулись на ночном небе. Весна водила по ним рукой, выводя слова странного стишка на страницах книги, написанной неловкой детской рукой. Черные контуры рисованных персонажей мелькали перед ней, оживали, раскручиваясь тонкими нитями, клубящимися у двери с номером четыре. Из щелей двери рвался яркий красный свет, что-то скрипело и клекотало, когда тишину разорвал истошный крик, выдернув Весну из тревожного сна.

Х. 1408

«Смешались в кучу кони, люди»

(с) М.Ю. Лермонтов, «Бородино»

Весна выбежала в темный коридор, напряженно прислушиваясь к тишине. Крик затих. От него осталось лишь пугающее воспоминание. Весна слышала лишь чьи-то приглушенные голоса со стороны обеденной залы. Пospешив в нее, она застала старушку, распивающую чай с человеком в дорожном плаще, сидевшим к девушке спиной.

— Голубушка, ты чего так глазами стреляешь, будто помер кто? — удивленно спросила хозяйка.

— Я слышала крик, — запыхавшись, проговорила Весна.

— Никто не кричал. Мы с Чеславом тихонько сидели, чтобы тебя не разбудить.

Человек оглянулся и осмотрел девушку в распахнутом халате:

— Отлично принарядилась, но что это у тебя с лицом? — с усмешкой спросил он. — Ты что, перебрала с румянами, спеша на встречу со мной?

Весна не нашла, что сказать. Во-первых, она не знала, что не так с ее лицом, во-вторых, комментарии тощего парня с лукавым взглядом и мерзкой улыбочкой на тонких губах показались ей по меньшей мере неуместными. В качестве ответа она раздраженно запахнула халат.

— Просто уснула в источнике, — строго сказала Ясна, — прекрати скабрзничать, Чеслав. Ты хочешь, чтобы она с порога видела в тебе самовлюбленного невежу?

Чеслав недовольно поджал губы и отвернулся.

— Присаживайся, Весна, эта язва — Чеслав, информатор Бэня, помнишь, я за ним послала? Вот, явился наконец, видать, был сильно занят ленностью.

— Приятно познакомиться, — с презрением сказала Весна, садясь рядом с Ясной и принимая от нее чашку травяного чая, — Линь Бэнь сказал, что у Вас есть информация о селекционных делах Вознесецкого

Чеслав жестом остановил ее:

— Не так быстро, девочка, — Весна почувствовала, как у нее начало дергаться веко: на вид в количестве солнечных оборотов они недалеко ушли друг от друга, чтобы он смел звать ее «девочка». — Не знаю, что тебе наговорил Бэнь, но я не стану трепаться о таком с кем попало, даже если семья Линь лично кинется мне в ноги и будет просить об этом.

— Ну и? — закатила глаза Весна. — Что Вам от меня нужно в обмен на информацию?

— Хочу посмотреть на твою работу, — внезапно посерьезнев, сказал Чеслав, — потому и не торопился сюда, ждал, пока стемнеет. Раньше дверь все равно не появится.

— На кой черт Вам оно надо?

— Быть может, я предложу тебе пакт, — глаза у Чеслава были почти черные, и он сверлил Весну тяжелым, пронизывающим взглядом. — Ты не первая, кого Бэнь пригоняет в этот дом, чтобы решить эту маленькую проблему. Экономика острова сильно бы улучшилась, если бы единственная зона интереса на нем не была бы проклята.

— Многие тут были? Что они пытались сделать?

— Многие, где-то человек десять, вроде как среди них даже была урожденная колдунья. Как именно они пытались решить задачу — мне неизвестно, но то, что утром мы никого из них так и не нашли — чистая правда. В этот раз я лично хочу понаблюдать за происходящим. Бэнь сказал, что ты, девочка, очень шустро вместе с сестренкой раскрыла дело об убийстве. Посмотрим, на что ты годишься без нее.

— Чеслав! — старушка отшлепала парня по голове кухонным полотенцем. — Что это за отношение?! Не нужно принижать ее только потому что она девушка. Я по-твоему кто тогда? Как ты смеешь?!

— Ай! Бабуля, да не в половых признаках дело! — руками прикрываясь от ударов, проскулил Чеслав, — Бэнь вечно посылает сюда кого попало. Авось испугается и ноги унесет, зато жива останется.

Женщина перестала хлестать парня и разразилась горькими слезами:

— Да сжечь надо эту халупу! Все нервы мне проела. Сколько еще людей пропадет, прежде чем охотники обратят на это внимание?

— Перестань, бабуля, ты знаешь, нам охотники ни к чему. Сколько ты всего стащила в лаборатории по молодости? А я? Меня можно посадить буквально за то, что вообще дышу. Хочешь, чтобы надо мной опыты ставили? А соседи наши? С ними-то что будет, если сюда нагрянут власти?

— О чем Вы говорите? Почему над Вами будут ставить опыты?

— Если бы ты не спасла хульдру, — сказал Чеслав, — я бы ни за что не согласился даже сидеть с тобой в одной комнате. Не человек я. Ну, не совсем.

— А кто же? — с удивлением спросила Весна, оглядывая Чеслава с ног до головы и не замечая особых отклонений в его внешнем виде.

Здрав кофту, он показал ей живот, покрытый перьями яркого синего и желтого оттенков.

— Ты — в ужасе Весна забыла все правила приличия. — Дракон?!

— Дракон-дракон, — раздраженно ответил Чеслав, — а что, у тебя с этим какие-то проблемы?

— А остальные?

— Кто с чем, но у всех есть свои беды.

Драконы. Громадные смертоносные существа, покрытые перьями и вызывающие ураганы одним лишь взмахом крыльев. Все они — плод фантазии человека и его безумных экспериментов с маной. Измученные человеческие души, превращенные в гигантских монстров, которых подчиняли и использовали в качестве военной мощи, пока селекция не была признана незаконной. Не каждый мог стать драконом. Обычно для их выведения использовали детей двух-трех лет: их кости хорошо ломались и вновь срастались, пока их тело раздирала магия, меняющая их поклеточно. Затем долгие мучения, подчинение командам и уничтожение личности через боль, лишение еды и сна, сексуальное насилие и унижение достоинства. Их принуждали жить как звери, есть с пола и спать, пока дают возможность. Психологическое восстановление после такого было невозможно и драконов было проще убить, чем вернуть в человеческое общество, частью которого они когда-то были.

— Но как ты Ты говоришь и, ведешь себя относительно нормально.

— Я не получился, — усмехнулся Чеслав, — а тяга к воровству в семье бабули передается по наследству. Ее дед выкрал меня, когда мое тело готовили к утилизации. И вырастил тут, на острове. У выходцев из Объединенных Китайских Суверенных Островов было несколько иное отношение к драконам, чем у наших. Потому он считал кошунством все, что делали местные селекционеры с детьми.

— То есть, ты не совсем дракон? Просто несколько измененный человек?

— Лишь благодаря этому колечку, — он показал ей до боли знакомый перстень, брат которого ранее принадлежал Софии.

— Вот дерьмо, — старушка поперхнулась чаем, услышав от Весны такие слова. — Ты сказал Вознесецкому как помочь Софии?

— Ну да, я.

— И сколько тебе солнечных оборотов?

— Я не уверен, но около ста пятидесяти. Никогда не садился за точный подсчет. Теперь ты понимаешь, девочка? — он тепло улыбнулся ей.

— Ух ты — только и вымолвила Весна.

— Рад, что тебя забавляет такое.

— Забавляет? Я поражена! Как это так, живой дракон! Я Вас только в книжках видела. С детства считала, что не все драконы были злыми! Я так плакала, когда узнала, что их всех истребили. Как же обидно-то. Век человека просто пшик в сравнении с жизнью дракона!

— С выживанием, скорее, — грустно ответил Чеслав, — да и этот долгий век предполагает, что ты видишь смерти всех, кого когда-то любил. Я знаю и других драконов, но быть рядом с ними столь же мучительно, как и вспоминать как именно я стал драконом. Все мы способны лишь оплакивать свою судьбу, так что от греха подальше разбрелись кто куда после первой же встречи, так и не основав свое личное поселение. А тут вот, бабуля, забавно — когда-то давно я бегал за ней по всему острову, когда она очередной раз придумывала играть в поиск клада. А теперь, вот, — он нежно коснулся ее морщинистой щеки, — помоги нам. Она последняя из своей семьи, хочу, чтобы она своими глазами увидела, как вновь расцветет это место.

— Я так виновата, — покачала головой старушка, — из-за меня остров буквально вымер. Всех пугала эта дверь, исчезновения людей, убийства. Сейчас тут остались лишь те, кому некуда идти.

— Не опасно ли привлекать сюда больше людей? — серьезно спросила Весна. — Вы, Чеслав, не стареете и рано или поздно это станет заметно окружающим, что до других жителей — Вы сами сказали, что тут у всех свои беды. Разве ж вам так нужно лишнее внимание?

— Этот дом кладезь истории. Хотелось бы, чтобы в него вдохнули новую жизнь, как в музей, например, или в больницу. Я же тут останусь только до смерти Ясны. После для меня тут останется только боль. Думаю перебраться к Бэню и попробовать жить заново. Но все же не хочется, чтобы это место просто вымерло. Здесь есть уникальные виды растений и деревьев, а источники как будто обладают магической силой восстановления.

Весна посмотрела на свои руки, кожа на них вновь была мягкой и гладкой, боль в шее прошла.

— Может, под ними источник маны?

— Может, — пожав плечами, сказал Чеслав, — но без внимания людей это будет просто странный туманный красный остров, бесконечно летящий в пространстве в никуда. И ты давай уже переставай «выкать», чувствую себя старцем каким-то.

— Это вообще-то базовое уважение.

— А тебе уже есть за что меня уважать? Особенно после тех слов, которыми я тебя встретил?

Весна хихикнула, действительно, на «Вы» она обратилась не с целью выказать уважение Чеславу, а в попытке дистанцироваться от него. Сейчас же его черные глаза не казались ей холодными и пронизывающими, пряди волос, обрамляющие лоб, не вызвали желание остричь его налысо, а тонкие губы не выглядели напряженными и мерзкими.

— Хорошо, долго ли нам еще ждать?

Чеслав дернулся, оглядываясь на часы на стене. До полуночи оставалось каких-то пятнадцать минут.

— Ясна, уходи отсюда, живо!

Ясна встревоженно всплеснула руками и быстренько засемила к выходу. Заранее поблагодарив Весну и попросив ее сделать все, что возможно, чтобы остаться в живых, она шустро понеслась в сторону деревни и скрылась в непроглядном тумане. Весна в белой расшитой красными нитями сорочке и Чеслав принялись прочесывать этажи, ища комнату под номером четыре. Переодеться Весна не могла — она не успела спросить у старушки, где ее одежда, да и та наверное после стирки была насквозь мокрой. Весна осталась внизу, на первом этаже, в то время как Чеслав поднялся наверх и следил за комнатами на третьем и втором этажах. Тихо ступая по дощатому полу босыми ногами, она оглядывала в темноте каждую дверь, слушающая малейшие скрипы и шорохи. Если под островом находился источник маны, появление тут магических аномалий было лишь вопросом времени. Действительно ли вера Ясны в страшные

рассказы дедушки извратила это место или была какая-то иная причина? Возможно, виновата самая первая смерть, впоследствии породившая навь — мстительного духа, запертого между земной твердью и магической бесконечностью, в которую все уходит. Это было лишь одной из теорий, но она хорошо объясняла появление и исчезновение бестий, действие магических кругов и существование навей, которые редко, но все же застревали в реальном мире, нарушая магический баланс. И источник маны в этом уравнении играл немалую роль. Без него навь не могли бы менять пространство, законы физики и мироздания — при этом лишь на ограниченной территории, где их и настигла смерть.

Весна услышала скрип за спиной — в глухой стене возникла дверь с номером, который будто пытались соскоблить ножом. Она медленно открылась, приглашая девушку зайти. Весна попыталась позвать Чеслава, но посмотрев перед собой увидела лишь темноту, остальные двери пропали, а коридор растянулся вдаль. Весна закатила глаза и, проверив действие магии на руне Отила, смиренно пошла в сторону удаляющейся двери, тонушей во мраке, словно потолок становился все ниже. Когда Веснушка зашла вовнутрь, дверь, конечно же резко захлопнулась. Девушка даже не дернулась. Одно дело, когда от места ты не ожидаешь ничего страшного, как это было в церкви. И другое — когда ты буквально ожидаешь, что тебя будут пугать. Сложив руну Сигел, она попыталась разогнать тень, но не смогла рассмотреть даже пол, словно в абсолютной черноте реальным осталось лишь ее тело. Прождав около десяти минут, она решила двигаться просто все время вперед, надеясь хоть на какое-то продолжение. Но тут ее обуял страх. А что если все вот так просто — пропавшие люди заходили в дверь и просто оставались в темноте навсегда, обреченные бесконечно бродить во тьме в поисках выхода. «Отличная концепция смерти», — попыталась мысленно успокоить себя Весна. Даже если все именно так, то делать уже все равно нечего и бояться тоже бессмысленно. Она хлопнула себя по лицу. Стоило оставить хоть какие-то зацепки о происходящем, чтобы ее сестра не ломанулась вслед за ней и не застряла так же. Много ли живых может удерживать это пространство? Может ли она встретить тут других пропавших и, наконец, в чем смысл для самой навь?

— Вечно нужен какой-то смысл, — раздраженно сказала Весна, обнаружив, что вновь способна издавать звуки, — вот стану мертвецом и специально сделаю что-то бессмысленное и лишнее всякой морали, пуцай разгадают.

Она шла, крича в темноту «ау», как ей самой показалось, около часа. В итоге Весна остановилась и села на месте. Она всегда мечтала обучиться использовать огонь, а это пространство было как нельзя кстати. Тут она точно ничего не спалит. Стоило ей лишь подумать о руне Кенназ и припомнить прошлый опыт ее использования, как перед ней возникла дверь. Не обращая на нее внимания, Весна сложила первую часть руны левой рукой и дверь возникла прямым под ее носом. «Здорово, сначала не выпускали, а теперь пытаются избавиться», — подумала она, вставая и открывая дверь, приведшую ее к каменному обрыву.

Перед ней стояла Элли. Маленькая девочка с большими зелеными глазами, она глядела на нее сверху-вниз как на букашку. Элли гадко улыбалась, грубо держа в руках пищущего котенка. Руки весны похолодели, сердце зачастило, и она забыла как дышать. Зачем? Почему она это делает? Ее это ужасно пугает. Она так боится боли этого несчастного существа. Он ведь не виноват, он не может ответить ей. Элли взяла котенка за шкурку и задержала руку над обрывом, начиная шепотом обратный отсчет. Она знала все ее слабости. Глаза Весны наполнились слезами, она не могла подняться на ноги, как вдруг вперед выбежала ее сестра. С разбегу накинувшись на девочку, она столкнула ее вниз. От нее остался лишь крик, оборвавшийся тяжелым влажным ударом. Развернувшись к сестре, она отдала ей котенка. В ее глазах было сострадание? Жалость? Ненависть? Презрение?

— В мире много поганых людей, — раздвоенным голосом сказала сестра, — если ты будешь позволять им делать, что вздумается, жалея свои нежные чувства, они выжрут твой свет изнутри.

Весна посмотрела на существо в своих руках — это была всего лишь игрушка. С такими же жуткими большими зелеными глазами, как у Элли. Оторвав от нее взгляд она увидела вокруг себя толпу, глядящую на нее сверху-вниз с неживыми, застывшими лицами. Никто не открывал рта, но голоса шептали «мелкая мразь», «она всегда была такой», «так и знала, кто еще мог из нее вырасти, как не убийца». Весна оглянулась — сзади мама со слезами на лице укладывала ее вещи в сумку.

— Ничего, Весна, вы как две капли воды, никто никогда не узнает, кто из вас на самом деле виноват, а невинную они забрать не посмеют.

— Почему ты не защитила меня? — в пустоту спросила Весна.

— Потому что это значило разменять жизнь одной из нас, — раздвоенным голосом ответила стоящая около нее маленькая Ада, — а она точно не знала, кто это был. Я всегда издевалась над тобой, с какого перепугу мне кидаться и защищать тебя такой ценой? Она никогда не поймет. Никакой нормальный человек не поймет. И не должен, для своего же блага. Даже ты.

На пол падал холодный магический голубой свет, пятнами расплываясь по каменному полу. Перед ней лежала Ада, ее мучал жар. В бреду она несвязно бормотала. Весна смотрела на нее сверху-вниз. О, как же она тогда желала ее смерти. Если сестра не поборот эту магическую лихорадку — она труп. Быстро, без каких-либо усилий со стороны Весны. Ей больше никогда и ничем не придется жертвовать, она будет жить только для себя. Никто больше не обвинит ее в проступках сестры. Никто.

Она вспомнила Аду у обрыва. Что же было в ее взгляде? Ничего, пустота. Но она действовала четко, ни секунды не сомневаясь, словно бы ее тень, которая поступала так, как Весна хотела, но никогда не смела себе позволить. Ей еще есть, чему поучиться у своей сестры, а уж она приложит все усилия, чтобы дать ей хоть какие-то ориентиры в жизни. Иначе, им обеим не жить: Весна не раз думала уйти, навсегда и вникуда, Ада же нашла бы свою случайную смерть, раз за разом принимая ужасные решения и наживая себе заклятых врагов. Весна сложила пальцы в Отилу и направила всю силу на тело сестры. Вряд ли это поможет, но она не станет просто сидеть в стороне и ждать конца. Боль отступила, Ада облегченно выдохнула и сказала «Спасибо».

— Семья. Вот, что для тебя важно, так же, как и для меня.

Видение Ковена и измученной сестры, лежащей на полу таяло. Около Весны стоял старик с узкими глазами и странной формой бородой.

— Вы? — удивленно спросила Веснушка. — Вы же дедушка Ясны?

— Хе-хе, — сухо рассмеялся он, — меня звать Линь Хуэ. Я построил этот дом.

— И вы же его навь? Зачем вы убиваете и крадете людей?

— Во-первых, душенька, никакой я не навь. Я — Цзя-гуй, дух этого дома, а во-вторых я никого не убивал. Не моя вина, что у того парня такое слабое сердце.

— А те, кто исчез?

— Я просто перекинул их на другой остров. Крупный, чтобы их сразу нашли.

— Но зачем все это?

— Потому что моя внучка, — брызжа призрачной слюной прокричал призрак, — моя дорогая внучка сделала из этого дома притон! — он сплюнул себе под ноги.

— В смысле — гостевой дом?

— Велика разница! Водит сюда всяких прохиндеев. Тут должны были расти мои пра-внуки и их дети, а за ними их дети. А она что? Лелеет краденный образчик культуры и подтирает сопли двухвековому дракону. И нет никаких детей, — тяжело сказал он, — род мой издох. Последняя она осталась. Я это принял, но когда она начала отдавать комнаты всяким проходимцам, бессовестным оборванцам, я не смог сдержаться.

— А вы точно не Юань-гуй?

— Я не мстителен, о нет. Я лишь хотел, чтобы она закончила эти глупости и пришла повиниться. Но нет же, мало того, говорил я ей о силе четверки, и она все равно сделала все по-своему. Ох, как она отскабливала эту цифру, когда поняла, что натворила. Любо-дорого посмотреть.

— Вы, — отделяя каждое слово сказала Весна, скрестив руки на груди, — мучали несчастную одинокую старушку, свою внучку, которая просто маялась от одиночества в громадном особняке, которого просто слишком много для нее одной? Особняке, в котором скончались все, кого она любила? И высказали свое «фи» путем вселения страха в невинных людей, которым понравилось это место и его волшебные силы? Страха, — с каждым словом Весна все сильнее свирепела, — приведшего к смерти человека, от, видите ли, слабого сердца! Я так и вижу, как люди приезжают на отдых к источникам, потому что совершенно здоровы и готовы познать смертельный ужас!

— Это неуважение — неуверенно лепетал старик.

— Это истязание! — прокричала Весна. — А сейчас, я покажу Вам «неуважение»!

Весна сложила вместе две руны Кенназ, и струя пламени, словно подпитываясь ее злостью, вырвалась вверх, облизывая внезапно возникший потолок. Она уже догадалась, что все это время находилась все в той же комнате, потому призрак буквально прижал дверь к ней вплотную. Огонь мог навредить зданию и он знал это. Снаружи она услышала голос Чеслава, который ломая стену отросшими драконьими когтями, прорывался к ней.

— Дедушка Хуэ? Что тут — слабо управляемый Весною огонь коснулся его лица, но, похоже, это его совсем не впечатлило. — Весна, не могла бы ты прекратить сжигание родового гнезда Ясны, буквально на минуточку?

Тяжело дыша, Весна смогла развеять заклинание, на лбу выступила испарина, а в душе было ни с чем не сравнимое блаженное спокойствие. Она устало повалилась на пол, не обращая внимания на задрвшуюся сорочку. Из нее словно разом вынули все, что когда-либо болело.

— Дедушка Хуэ, это ваших призрачных рук дело?

— Не вмешивайся, Чеслав, это дела моей семьи!

— Точнее того, что от нее осталось, — сказал Чеслав. — Ясна решила сравнить дом с землей, если Весна не справится.

Линь Хуэ не нашел, что сказать, только рывками вдыхал воздух, не произнося ни слова. Его обида уступила стыду, когда вдалеке послышались торопливые маленькие шажки Ясны. Бабуля удивленно оглядела дыру в стене, лежащую на полу Весну и полупрозрачный силуэт своего дедушки.

— Дедушка! — полным счастья голосом сказала Ясна. — Как же я рада тебя видеть, хоть и, — она поводила руками по контурам его силуэта, — вот так.

— Внученька, — с грустью сказал Хуэ, — прости меня, внученька. Я не хотел, чтобы ты делала из дома моей семьи гостевой дом. Всю жизнь я мечтал, как тут будут подрастать будущие поколения, и пришел в ярость от твоего решения.

— Ну, я догадывалась, в чем тут дело, — сказала Ясна, — слышала твое хихиканье, пока перекрашивала номера дверей. Думала, мне причудилось. Дедушка Хуэ, это место просто потрясающее, мы не должны допустить, чтобы оно было забыто. После меня его будут прославлять хоть и не мои дети, но мои преемники. Если же все будут считать его проклятым, оно зачахнет. Ты был прав, местные источники как-то соединены с источником маны. Она поможет многим больным людям, — она серьезно посмотрела на него. — Ты ведь всегда хотел искупить грехи прошлого. Спасенные жизни — идеальное искупление.

— Но могу ли я остаться здесь, пока здесь будешь ты?

— Конечно, — кивнула Ясна, — если обещаешь больше не убивать и не воровать постояльцев. Хотя зная тебя, с ними все хорошо.

— Но колдуны были хорошо мною попуганы, вряд ли они захотели бы вернуться сюда опять. Ишь ты, изгонять они меня пришли.

— Весна, — Ясна обратилась к лежащей девушке, — как тебе удалось выбраться?

— Я подожгла дом, — нечетко ответила Весна.

— Больно храбрая попалась, — фыркнул Линь Хуэ. — Ох, как она меня отчитывала! Аж маму покойную припомнил, светлая ей память. Чеслав, отнеси утомленную в комнату, а то меня внешний вид ее смущает.

Чеслав отнес Весну на кровать в пятой комнате и по-отечески укрыл ее одеялом, подоткнув край под самый подбородок.

— Отлично, Весна, — он одобрительно улыбнулся, — завтра же можешь спросить меня о чем хочешь, на все вопросы отвечу. Пока отоспись, твой огонь палил так, что выжег в тебе все силы.

Он ушел, прикрыв за собой дверь, а Весна провалилась в глубокий сон без сновидений.

XI. Ост

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.